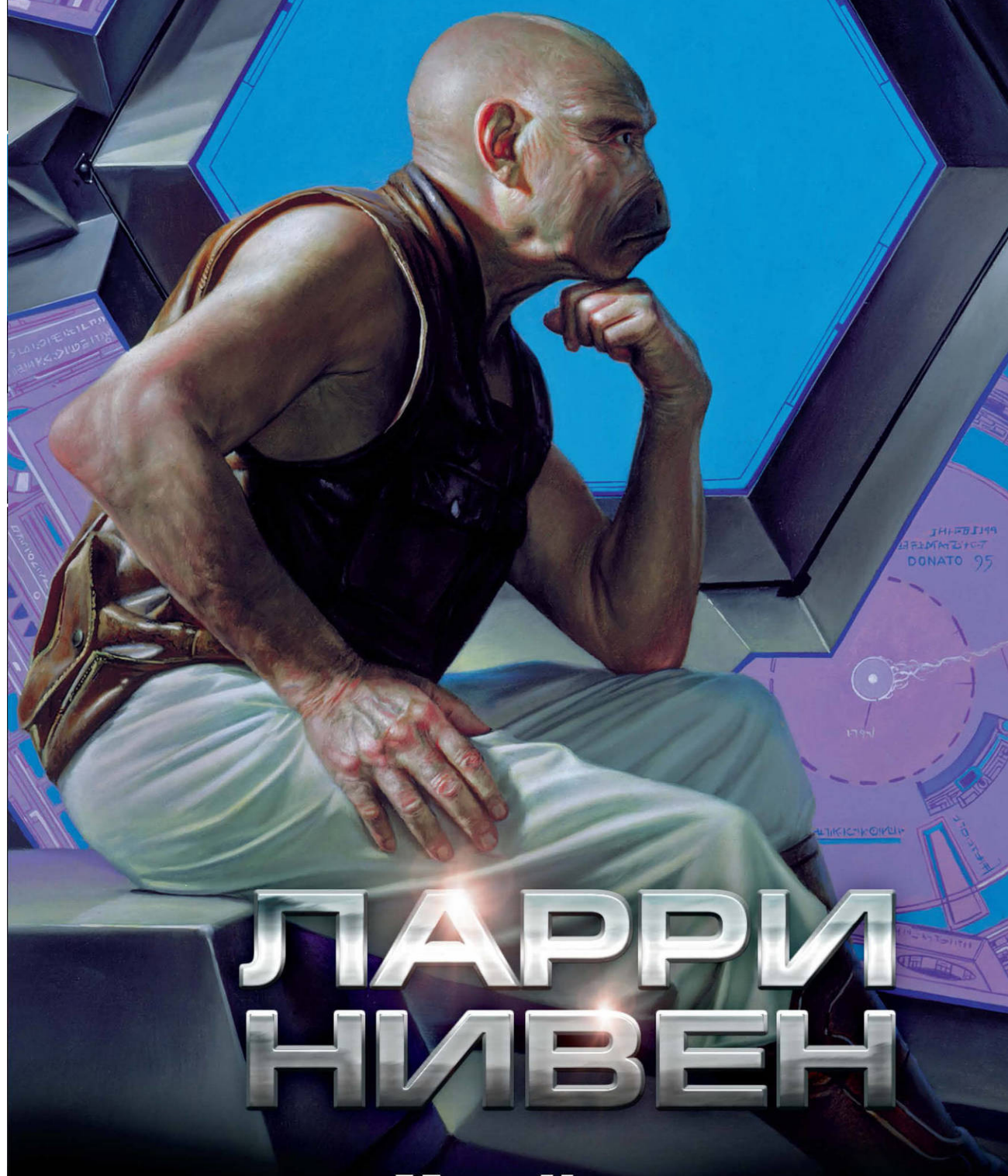

ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

ЛАРРИ НИВЕН

Мир-Кольцо
Строители Мира-Кольца

Мир-Кольцо

Ларри Нивен

**Мир-Кольцо. Строители
Мира-Кольца (сборник)**

«Азбука-Аттикус»

1970, 1980

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Нивен Л.

Мир-Кольцо. Строители Мира-Кольца (сборник) / Л. Нивен —
«Азбука-Аттикус», 1970, 1980 — (Мир-Кольцо)

ISBN 978-5-389-15821-4

В Известном космосе обнаружен невероятный объект искусственного происхождения, и изучать его отправляется столь же невероятная экспедиция. В ее составе Луис Ву, искатель приключений, проживший слишком много лет слишком насыщенной жизнью; Несс, представитель расы кукольников Пирсона, вечно трясущих от страха и способных к самозащите разве что в состоянии безумия; Тила Браун, девица без связей, опыта и способностей — но с везением, какого еще никто не получал от природы; и Говорящий-с-Животными, кзин, огромный, хищный, с оранжевой шкурой сын самого свирепого племени во Вселенной. Романы, вошедшие в эту книгу, принадлежат к одному из самых прославленных фантастических циклов, не менее популярному, чем «Основание» Айзека Азимова, «Космическая одиссея» Артура Кларка, «Дюна» Фрэнка Герберта, «Стальная Крыса» Гарри Гаррисона. «Мир-Кольцо» награжден премиями «Хьюго», «Небьюла», «Локус», «Сэйун» и «Дитмар». «Строители Мира-Кольца» номинировались на «Хьюго». Оба романа публикуются в новом переводе.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-15821-4

© Нивен Л., 1970, 1980

© Азбука-Аттикус, 1970, 1980

Содержание

Мир-Кольцо	8
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	25
Глава 4	35
Глава 5	43
Глава 6	52
Глава 7	60
Глава 8	68
Глава 9	78
Глава 10	88
Глава 11	97
Глава 12	104
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Ларри Нивен

Мир-Кольцо. Строители Мира-Кольца (сборник)

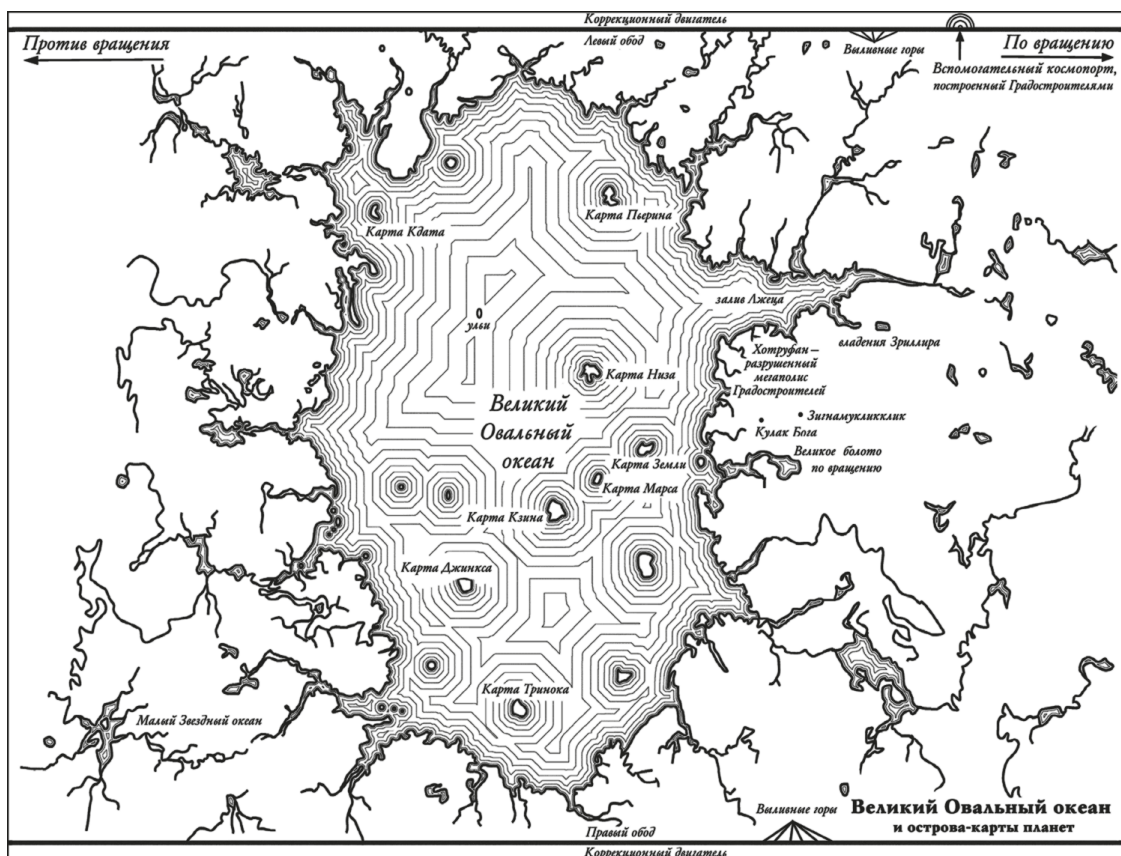
Larry Niven
RINGWORLD
Copyright © 1970 by Larry Niven
THE RINGWORLD ENGINEERS
Copyright © 1980 by Larry Niven
All rights reserved

© К. Плешков, перевод, 2018
© Т. Макаган, перевод, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

* * *

Хронология Известного космоса Ларри Нивена

Мир-Кольцо

Глава 1 Луис Ву...

В самом сердце объятая ночной тьмой Бейрута, в одной из стоявших бок о бок телепорт-кабин общего пользования, возник, словно из небытия, Луис Ву.

На его затылке блестела, как искусственный снег, белая коса длиной в фут. Череп вокруг нее был гладко выбрит. Кожа отливала желтизной, а радужка глаз – позолотой. Золотистым было и стереоскопическое изображение дракона на ярко-синем халате. В момент появления Луис Ву широко улыбался, показывая идеальные жемчужные зубы, и махал рукой. Но улыбка уже угасала и спустя миг исчезла. Лицо осунулось наподобие оплавившейся резиновой маски, выдавая возраст.

Несколько мгновений Луис Ву неподвижно созерцал бурлящую жизнь Бейрута. Люди мелькали в телепортационных кабинках, прибывая неизвестно откуда, и вливались в идущие пешком толпы – траволаторы¹ были отключены на ночь. Часы начали отбивать двадцать три удара, и Луис Ву, расправив плечи, вышел из кабинки в общий поток.

В Реште, где все еще была в разгаре вечеринка по случаю его дня рождения, уже наступили следующие сутки, а в Бейруте время отставало на час. Здесь Луис угостил ракией всех посетителей уличного, наполненного манящими ароматами ресторана, поощрив распевавшую на арабском и интерлингве публику, и еще до полуночи рванул дальше, в Будапешт.

Успели ли сообразить гости, что он отправился праздновать лично? Скорее подумали, что удалился с какой-нибудь женщиной и вернется через пару часов. Но Луис Ву ушел один, ускользая от погони дышавшего ему в затылок нового дня. Двадцать четыре часа – слишком мало для мужчины, чтобы отметить свой двухсотлетний юбилей.

Друзья вполне могли позаботиться о себе и сами – принципы Луиса всегда оставались неизменными.

Будапешт встретил его вином и танцами. Местные отнеслись к нему как к туристу с деньгами, туристы же посчитали богатым местным. Потанцевав и выпив, он продолжил путь, не дожидаясь полуночи.

В Мюнхене решил прогуляться.

Чистый теплый воздух выветривал алкогольные пары из его головы. Луис шагал по ярко освещенным траволаторам, добавляя темп собственной ходьбы к их десяти милям в час. Он вдруг подумал, что такие дорожки есть в каждом городе Земли и у всех точно такая же скорость.

Мысль эта показалась ему невыносимой. Нет, вовсе не новой – именно невыносимой. Луис Ву видел своими глазами, насколько Мюнхен неотличим от Каира и Решта... а также от Сан-Франциско, Топики, Лондона и Амстердама. Во всех городах мира в магазинах вдоль тротуаров продавали одни и те же товары. Одинаково одетые прохожие выглядели безликими. Не американцы, немцы или египтяне – просто лишенные индивидуальных черт плоскоземельцы.

За три с половиной столетия существования телепортационных кабин бесконечному разнообразию Земли пришел конец. Они обеспечивали возможность мгновенного перемещения. Мир покрылся их сетью, и с тех пор разница между Москвой и Сиднеем сводилась к нескольким секундам и монетке в одну десятую звезды. В течение веков города неизбежно переме-

¹ Траволатор – движущаяся бесступенчатая пешеходная дорожка.

шались, их названия стали реликтами прошлого. Теперь Сан-Франциско и Сан-Диего являлись северной и южной оконечностями одного населенного пункта, широко раскинувшегося на побережье. Но многие ли знали, какая из них где? Невмирс², уж точно мало кто.

Довольно-таки пессимистичные раздумья для человека, который только что отметил собственное двухсотлетие.

Но города действительно слились воедино – и Луис был свидетелем этого. Все нелогичности мест, времен и обычаев образовали одну большую рациональную инфраструктуру всемирного Города, тусклую серую массу. Кто сегодня говорил на немецком, английском, французском, испанском? Все общались на интерлингве. Такой же чудовищной волной накатила сразу по всему миру и новая мода на макияж и одежду.

Не пора ли отправиться в очередной «творческий отпуск»? В неизвестность на одноместном корабле, где твоя кожа и глаза сохраняют свой естественный цвет, а борода растет беспорядочно...

– Глупости, – буркнул Луис себе под нос. – Я недавно вернулся из путешествия...

На самом деле это было двадцать лет назад.

Приближалась полночь. Он нашел телепортационную кабину, вставил в слот кредитную карту и набрал код Севильи.

Материализовался Луис Ву в залитой солнцем комнате.

– Невмирс... что за?.. – пробормотал он, моргая.

Должно быть, аппарат был неисправен – в Севилье сейчас уж точно никак не белый день. Луис собрался повторить попытку, но обернулся – и обомлел.

На фоне ничем не примечательной обстановки гостиничного номера вдвойне шокирующе выглядел его обитатель.

Это было существо, не похожее ни на человека, ни на гуманоида. Оно стояло в центре комнаты на трех ногах, повернув к гостю две плоские головы на гибких тонких шеях. Его молочного цвета шкура казалась на вид мягкой, как перчатка. Между шеями и вдоль спины монстра росла густая коричневая грива, покрывая замысловатое тазовое сочленение задней ноги. Передние ноги были так широко расставлены, что маленькие когтистые копыта образовывали почти равносторонний треугольник.

Луис предположил, что перед ним некое инопланетное животное: в столь плоских головах вряд ли могло найтись место для мозгов. Однако у основания шей, где грива переходила в густые космы, он заметил горб... и тут же всплыли воспоминания стовосьмидесятилетней давности.

Это был кукольник – кукольник Пирсона. Его мозг и череп находились под горбом, и он вовсе не был животным, а обладал не меньшим разумом, чем человек. И глаза его – по одному на каждой треугольной голове, посаженные в глубоких костяных впадинах, – пристально смотрели на Луиса Ву с двух сторон.

Луис подергал дверь кабины. Закрыто.

Но заперт он оказался снаружи, а не внутри, так что в любой момент был волен набрать код и телепортироваться. Однако он даже не помышлял об этом – когда еще встретишь кукольника Пирсона? Их раса покинула Известный космос задолго до рождения Луиса Ву.

– Могу я чем-то помочь? – спросил он.

– Можешь, – ответил инопланетянин...

...голосом, пробудившим подростковые мечты. Если бы Луис попытался представить женщину с подобным голосом, ее образ составили бы собранные воедино Клеопатра, Елена Троянская, Мэрилин Монро и Лорелея Ханц.

– Невмирс!

² *Невмирс* – сокращение от «нет в мире справедливости» (англ. Tanj: There ain't no justice).

Ругательство Ву прозвучало более чем уместно.

Нет в мире справедливости! Как такой голос мог принадлежать двухголовому пришельцу неопределенного пола?

– Не пугайся, – сказал инопланетянин. – Ты вправе уйти, если хочешь.

– Я видел изображения твоих сородичей, когда учился в колледже. Вы давно исчезли... или так нам казалось.

– Моя раса бежала из Известного космоса, но меня среди них не было, – пояснил кукольник. – Я остался, поскольку это требовалось моей расе.

– Где ты прятался? И где мы вообще?

– Это не должно тебя волновать. Ты Луис Ву MMGREWPLH?

– Ты знаешь мой код? И специально меня искал?

– Да. Мы открыли способ управлять сетью телепортационных кабин этой планеты.

Вполне возможно, подумал Луис. На взятки ушло бы целое состояние, но – вполне возможно. И все же...

– Зачем? – спросил он.

– Придется кое-что объяснить...

– Ты, вообще, собираешься меня отсюда выпустить?

– Полагаю, что да, – после короткой паузы ответил кукольник. – Но предупреждаю, что я не беззащитен. Если попытаешься на меня напасть, мое оружие тебя остановит.

– С чего бы мне вдруг нападать? – заносчиво фыркнул Луис Ву.

Кукольник промолчал.

– Вспомнил! – воскликнул Луис. – Вы трусы. Вся ваша этическая система основана на трусости.

– Не совсем точно, но подобное суждение нас устроит.

– Что ж, могло быть и хуже, – признал Луис.

У каждой разумной расы – свои причуды. И уж наверняка с кукольником будет проще договориться, чем с прирожденными параноиками-триноками или кзинами, с их взрывоопасным инстинктом убийцы, или малоподвижными грогами, с их... скажем так, внушающим тревогу заменителем рук.

При виде пришельца на Луиса нахлынул целый поток запылившихся воспоминаний. Данные о кукольниках и их торговой империи, об их взаимодействии с человечеством, об их внезапном и потрясшем всех исчезновении переплетались с такими давно утраченными образами и переживаниями, как первая сигарета с настоящим табаком, ощущение от клавиш пишущей машинки под неловкими нетренированными пальцами, зазубренные списки слов на интерлингве, звучание и вкус английского языка, юношеская нерешительность и робость. Он изучал кукольников по программе курса истории в колледже, а потом забыл о них на сто восемьдесят лет. Просто невероятно, сколько всего человек способен хранить в своей памяти!

– Если тебе так удобнее, – сказал Луис, – могу остаться здесь.

– Нет. Мы должны побеседовать лично.

Под белой шкурой кукольника нервно напряглись и вздрогнули мускулы, затем дверь телепортационной кабины со щелчком открылась, и Луис Ву шагнул в комнату.

Инопланетянин с достоинством отступил подальше.

Луис опустился в кресло – скорее для комфорта кукольника, сидя Ву выглядел более безобидным. Кресло было стандартной модели, с самонастраивающимся приспособлением для массажа, предназначенное исключительно для людей. Луис ощутил едва заметный, пожалуй, даже приятный смешанный запах чего-то типа пряностей и химикалий.

Инопланетянин присел на согнутую заднюю ногу и спросил:

– Теряешься в догадках, зачем я доставил тебя сюда? Потребуется некоторые объяснения. Что ты знаешь о моей расе?

– Со времен колледжа прошло немало лет. У вас ведь когда-то была империя? И то, что мы называем Известным космосом, являлось ее частью. Вы торговали с триноками, а мы встретились с ними только двадцать лет назад.

– Да, мы торговали с триноками. По моим сведениям, в основном посредством роботов.

– Ваша деловая империя существовала тысячелетия – не менее – и простиралась по крайней мере на несколько световых лет. А потом вы вдруг все бросили и куда-то пропали. Почему?

– Разве можно о таком забыть? Мы бежали от взрыва галактического ядра!

– Вот оно что. – Луис смутно помнил, что инопланетяне действительно обнаружили цепную реакцию новых звезд в сердцевине Галактики. – Но почему сейчас? Звезды ядра превратились в новые десять тысяч лет назад. Их взрыв не доберется сюда еще двадцать тысяч лет.

– Людям нельзя давать свободу, – сказал кукольник. – Вы лишь навредите самим себе. Неужели вы не понимаете? Излучение, которое несет взрывная волна, сделает необитаемой всю эту часть Галактики!

– Двадцать тысяч лет – это неопишимо долго.

– Гибель двадцать тысяч лет спустя – все равно гибель. Моя раса бежала в сторону Магеллановых Облаков. Но некоторые из нас остались, на случай если миграции кукольников будет грозить опасность. Так оно и случилось.

– Какая опасность?

– Я пока не вправе отвечать на данный вопрос. Но взгляни на это. – Кукольник потянулся к чему-то на столе.

Луис, пытавшийся сообразить, где у пришельца руки, увидел, что ему их заменяют рты, причем весьма неплохо. Вдоль мягких длинных губ, сухих, словно человеческие пальцы, шел ряд мелких утолщений. За ровными зубами подрагивал раздвоенный язык.

Кукольник осторожно подал гостю голографический снимок.

Поначалу Луис ничего не мог понять, хотя старательно всматривался в голограмму, дожидаясь, пока она обретет резкость. Маленький ярко-белый диск напоминал солнце класса G0, K9 или K8, кромку которого срезала черная линия. Но этот сверкающий объект никак не мог быть солнцем. Отчасти позади него на фоне космической черноты виднелась небесно-голубая полоса – сплошная, идеально прямая и с заостренными краями. Она была искусственной, шире освещенного диска.

– Похоже на звезду с обручем вокруг, – сказал Луис. – Что это?

– Можешь взять себе и изучить внимательнее, если хочешь. Итак, вот причина, по которой ты оказался здесь. Я предлагаю собрать исследовательскую команду из четырех членов, включая меня и тебя.

– И что мы должны исследовать?

– Я пока не вправе говорить об этом.

– Да перестань. Я еще не окончательно свихнулся, чтобы бросаться в омут с головой.

– Поздравляю с двухсотлетним юбилеем, – неожиданно сказал кукольник.

– Спасибо, – в замешательстве ответил Луис.

– Почему ты ушел с собственного дня рождения?

– Это тебя не касается.

– Касается. Доставь мне удовольствие. Луис Ву, почему ты ушел с собственного дня рождения?

– Просто решил, что двадцати четырех часов для двухсотлетнего юбилея слишком мало, и продлил его, отправившись следом за полуночью. Ты инопланетянин и не поймешь...

– Значит, ты был рад тому, как хорошо идут дела?

– Нет, не совсем. Я...

Луис вспомнил, что вовсе не был рад, даже наоборот. Хотя вечеринка и впрямь получилась что надо.

Празднество началось сразу же после полуночи – почему бы и нет? Его друзья прибыли из всех часовых поясов, и не было никаких причин тратить впустую ни минуты этого дня. Во всем доме хватало спальных мест, где можно было подремать, а для тех, кто не хотел ничего пропустить, имелись возбуждающие средства – как с интересными побочными эффектами, так и без них.

Кое-кого из приглашенных Луис не видел лет сто, а с другими встречался ежедневно. Кто-то в далеком прошлом был его смертельным врагом, в том числе и женщины. Некоторых из них он совершенно забыл и теперь удивлялся, насколько изменились его вкусы.

Естественно, на представление гостей друг другу ушло несколько часов его дня рождения. Он заранее заучил целые списки имен – многие из старых знакомых давно стали чужими.

А за несколько минут до полуночи Луис Ву вошел в телепортационную кабину, набрал код и исчез.

– Мне страшно наскучило, – объяснил он кукольному. – «Луис, расскажи нам о своем последнем путешествии». «Луис, как ты столько выдерживаешь в одиночестве!» «Как умно было с твоей стороны, Луис, пригласить посла триноков!» «Давно не виделись, Луис». «Эй, Луис, почему для покраски небоскреба требуется трое джинксиан?» – «Трое кого?» – «Джинксиан». – «Один держит распылитель с краской, а двое трясут небоскреб вверх-вниз». Эту шутку я слышал еще в детском саду. Мертвый груз воспоминаний, бородатые анекдоты, и все это в одном огромном доме... Я просто не смог выдержать.

– Неугомонный ты человек, Луис Ву. Это ведь ты завел привычку периодически отправляться в «творческий отпуск» – одиночное путешествие?

– Уже не помню, когда это началось. Но вот прижилось ведь. Так поступают теперь большинство моих друзей.

– Но не столь часто, как ты. Каждые сорок лет или около того ты устаешь от любых отношений и покидаешь мир людей, устремляясь к границам Известного космоса. Ты остаешься за его пределами в одноместном корабле, пока вновь не почувствуешь потребность в социуме. Из последнего путешествия – четвертого – ты вернулся двадцать лет назад. Неугомонный Луис Ву... На каждой из планет Человеческого космоса ты прожил достаточно долго, чтобы тебя стали считать местным. Сегодня ты ушел с собственного дня рождения. Вновь одолело беспокойство?

– Тебе не кажется, что это исключительно моя проблема?

– Да. Моя проблема – лишь набрать команду, и ты пришелся бы весьма кстати. Ты готов рисковать, но сначала просчитываешь все риски. Ты не боишься быть наедине с собой. Ты достаточно осторожен и умен, чтобы оставаться в живых в течение двухсот лет. Поскольку ты не пренебрегал медициной, у тебя здоровье двадцатилетнего. И последнее, самое важное, – похоже, тебе на самом деле нравится общество инопланетян.

– Конечно.

Луис знал нескольких ксенофобов и считал их глупцами. Жизнь может стать чудовищно скучной, когда не с кем поговорить, кроме людей.

– Но ты не хочешь бросаться в омут с головой, как ты выражаешься. Скажи, Луис Ву, разве не достаточно того, что я, кукольник, готов быть с тобой? Чего такого ты можешь опасаться, чего не испугался бы я? Разумная осторожность моей расы вошла в поговорку.

– Значит, так тому и быть, – кивнул Луис.

Собственно, он уже клюнул на приманку. Его ксенофилия, деятельный нрав и любопытство сошлись воедино – куда бы ни собирался отправиться кукольник, за ним был готов следовать и Луис Ву. Но ему хотелось услышать больше. К тому же его позиция была весьма благоприятной: инопланетянин наверняка не выбрал бы подобного жилья сам для себя. Выглядевший совсем обычно, с точки зрения землянина, гостиничный номер явно был обставлен специально для переговоров по найму команды.

– Раз не говоришь, что ты намерен исследовать, – сказал Луис, – может, уточнишь хотя бы, где оно находится?

– В двухстах световых годах отсюда, в сторону Малого Магелланова Облака.

– Но чтобы добраться туда на скорости гиперпривода, потребуется почти два года.

– Нет. У нас есть корабль, способный лететь существенно быстрее, чем позволяет обычный гиперпривод. Он преодолевает световой год за пять четвертей минуты...

Луис открыл рот, но не сумел произнести ни слова. Минута с четвертью?

– Странно, Луис Ву, что тебя это удивляет. Как иначе мы могли бы послать разведчика к ядру Галактики, который сообщил о цепной реакции новых звезд? Тебе следовало догадаться о существовании подобного корабля. Если миссия окажется успешной, я намерен передать его моей команде вместе с чертежами. Можно будет построить другие такие же. Так что этот корабль... он твое вознаграждение, гонорар, называй как хочешь. Сам увидишь его летные характеристики, когда мы присоединимся к миграции кукольников. Тогда же и узнаешь, что именно предстоит исследовать.

Присоединиться к миграции кукольников...

– Можешь на меня рассчитывать, – заявил Луис.

Шанс увидеть в движении целую разумную расу! Огромные корабли с тысячами или миллионами кукольников на каждом, работающие экосистемы...

– Хорошо, – сказал инопланетянин и встал. – В нашей команде будет четверо. Сейчас мы отправимся выбирать третьего члена. – И он рысью поспешил в телепортационную кабину.

Убрав загадочную голограмму в карман, Луис последовал за ним и попытался прочесть код на табло, чтобы определить их местонахождение. Но кукольник быстро набрал новый код, и они исчезли.

Выйдя следом за кукольником из кабины, Луис Ву оказался в полутемном роскошном интерьере. По золотисто-черному декору и просторной конфигурации подковообразных кабин он узнал ресторан «Крушенко» в Нью-Йорке.

Появление кукольника вызвало в зале недоверчивый шепот. Но человек-метрдотель, невозмутимый, словно робот, провел их к столику. Один стул был убран, и его заменяла большая квадратная подушка, которую инопланетянин, садясь, ловко поместил между бедрами и задним копытом.

– Тебя ждали, – сделал вывод Луис.

– Да. Я позвонил заранее. В «Крушенко» привыкли обслуживать инопланетных гостей.

Теперь Луис заметил и других посетителей-инопланетян – четверых кзинов за соседним столиком и кдатлино в другом конце зала. Учитывая расположенное поблизости здание Объединенных Наций, их присутствие было логичным.

Луис заказал текилу с лимонным соком.

– Хорошая мысль, – заметил он. – Я успел проголодаться.

– Мы пришли сюда не есть. Мы пришли, чтобы завербовать третьего члена команды.

– Вот как? В ресторане?

Повысив голос, кукольник произнес вместо ответа:

– Ты не знаком с моим кзином, Кхула-Рритом? Живет у меня дома. Забавный зверек.

Луис едва не поперхнулся текилой. За столиком позади кукольника возвышались четыре меховые оранжевые горы, каждая из которых была кзином. Услышав его слова, все они повернулись, оскалив острые зубы. Внешне это напоминало улыбку, но у кзинов подобная гримаса не имеет с улыбкой ничего общего.

Имя Ррит принадлежало семейству Патриарха кзинов. Залпом допив бокал, Луис решил, что это уже совершенно не важно. Оскорбление в любом случае являлось смертельным, а сожрать тебя могут все равно только один раз.

Ближайший кзин поднялся.

Покрытый ярко-оранжевой шерстью, с черными пятнами над глазами, он походил на растолстевшего кота восьми футов ростом – но жир ему заменяли мускулы, гладкие, мощные, прикрепленные к внушительному скелету. На напоминавших черные кожаные перчатки лапах выскользнули из «ножен» острые блестящие когти.

– А теперь скажи, – проговорил разумный хищник весом в четверть тонны, нависая над кукольником, – с чего ты взял, что можешь оскорбить Патриарха кзинов и остаться в живых?

– Именно я на одной из планет Беты Лиры, – тотчас же без дрожи в голосе ответил кукольник, – пнул в живот задним копытом кзина по имени Чуфт-Капитан, в трех местах сломав ему скелет. Мне так не хватает смельчака.

– Продолжай, – изрек кзин с черными отметинами.

Несмотря на вызванные строением пасти ограничения, он отлично говорил на интерлингве. В тоне его не чувствовалось ярости, которую он наверняка испытывал. С точки зрения Луиса Ву, происходящее могло напоминать некий ритуал.

Но перед кзинами лежало кровавое сырое мясо, подогретое перед подачей к столу до температуры тела. И все они улыбались.

– Мы с этим человеком, – сказал кукольник, – собираемся исследовать края, которые даже не снились никому из вас. Нам в команду нужен кзин. Осмелится ли кзин пойти за кукольником?

– Говорят, что кукольники – травоядные и они не рвутся в бой, даже напротив.

– Судить тебе. Если останешься в живых – получишь в качестве вознаграждения чертежи космического корабля совершенно нового типа, а также модель самого корабля. Можешь считать эту плату надбавкой за смертельный риск.

Луис счел, что кукольник прилагает все старания, чтобы как можно сильнее оскорбить собеседника. Ни для кого в мире не секрет, что кзины не замечают опасности!

Но в ответ прозвучало единственное слово:

– Согласен.

Трое кзинов за столиком сразу же яростно зарычали на товарища.

Он огрызнулся на них.

Хватило бы и одного кзина, чтобы происходящее напомнило кошачью драку. Горячий же спор четверых производил впечатление масштабной кошачьей войны с применением атомного оружия. В ресторане автоматически включились глушители; шипение и рык стали тише, но не прекратились.

Луис заказал новую порцию выпивки. Судя по тому, что он знал из истории кзинов, эти здесь и сейчас основательно себя сдерживали. Кукольник все еще был жив.

Спор наконец угас, и четверо кзинов повернулись к ним.

– Как тебя зовут? – спросил тот, что с черными отметинами над глазами.

– Я принял человеческое имя Несс, – ответил кукольник. – Мое настоящее имя... – Из двух его поразительных глоток полилась оркестровая музыка.

– Что ж, Несс, прекрасно. Тебе следует знать, что мы представляем посольство кзинов на Земле. Это Харх, это Фтансс, а тот, с желтыми полосами, – Хрот. Я, будучи учеником и кзином низкого происхождения, не получил имени. Меня называют по моей профессии: Говорящий-с-Животными.

Луис с трудом скрыл негодование.

– Проблема в том, что мы нужны здесь, – продолжал кзин. – Идут сложные переговоры... Впрочем, это тебя не касается. Мы пришли к решению, что заменить можно одного меня. Если ваш новый корабль стоит того, чтобы им обладать, – я к вам присоединюсь. Иначе мне придется доказывать свою отвагу другим способом.

– Ответ удовлетворительный, – сказал кукольник и встал.

– Как звучит твой титул на языке кзинов? – спросил Луис, продолжая сидеть.

– На Языке героев... – Кзин что-то прорычал с повышением тона.

– Тогда почему ты не назвался так перед нами? Преднамеренно желая оскорбить?

– Да, – ответил Говорящий-с-Животными. – Я разозлился.

Привыкший к человеческому чувству такта, Луис ожидал, что кзин солжет. Тогда он мог бы сделать вид, что поверил, и кзин в будущем вел бы себя вежливее... но отступить было уже поздно.

– И каков обычай? – мгновение поколебавшись, спросил Луис.

– Мы должны сразиться без оружия, как только ты бросишь вызов. Или один из нас должен извиниться.

Луис встал. Он понимал, что совершает самоубийство, но – невмирс! – прекрасно знал, что иначе поступить не может.

– Вызываю тебя на поединок, – сказал он. – Клыки против зубов, когти против ногтей – ибо нам не ужиться мирно в одной вселенной.

– Приношу извинения за моего товарища, Говорящего-с-Животными, – не поднимая головы, произнес кзин по имени Хрот.

– Гм? – удивился Луис.

– Такова моя задача, – объяснил кзин с желтыми полосами. – Выбор между извинениями и дракой заложен в самой нашей природе. Мы знаем, чем может закончиться драка. Сегодня нас в восемь с лишним раз меньше, чем тогда, когда кзины впервые встретились с людьми. Наши колонии стали вашими колониями, расы, бывшие нашими рабами, теперь свободны и обучены человеческим технологиям и этике. В ситуации, вынуждающей нас извиняться или драться, моя задача – извиниться.

Луис, поняв, что все-таки останется в живых, сел и сказал:

– Ни за что не взялся бы за твою работу.

– Нет, конечно, раз уж вызвался драться с кзином голыми руками. Но Патриарх считает меня бесполезным для чего-либо иного. Я не слишком умен, слаб здоровьем, и у меня ужасная координация. Как еще я мог бы сохранить свое имя?

Луис отхлебнул из бокала, страстно желая, чтобы кто-нибудь сменил тему. От вида смиренного кзина ему становилось не по себе.

– Давайте поедим, – сказал Говорящий-с-Животными. – Если, конечно, Несс, твоя миссия не столь срочная.

– Вовсе нет. Наша команда еще полностью не укомплектована. Мои коллеги свяжутся со мной, когда найдут подходящего четвертого члена. А пока что, разумеется, давайте поедим.

– Луис Ву, – заметил Говорящий-с-Животными, прежде чем снова повернуться к столу, – твой вызов показался мне чересчур многословным. Когда вызываешь на бой кзина, достаточно и простого яростного рева. Вопишь и прыгаешь.

– Вопишь и прыгаешь, – повторил Луис. – Ясно, как дважды два.

Глава 2

...и его разношерстная команда

Луис Ву знал, что некоторые зажимаются, пользуясь телепортационной кабиной. Мгновенная смена обстановки вызывала у них головокружение. Для него же это было сущей ерундой, хотя, с другой стороны, кое-кто из его друзей отличался куда большими странностями.

Не закрывая глаз, он набрал код, и наблюдавшие за ним инопланетяне исчезли.

– Эй! – раздался возглас. – Он вернулся!

Луис с трудом открыл дверь, расталкивая собравшуюся толпу:

– Чтоб вам всем к Финейглу провалиться! Неужели никто так и не ушел домой?

Он широко развел руки, пытаясь обхватить всех сразу, а затем устремился вперед, словно скребок снегоуборочной машины, вынуждая их расступиться.

– А ну освободите двери, грубияны! Я жду еще гостей.

– Отлично! – прокричали ему в ухо.

Кто-то вложил в его ладонь наполненный бокал. Луис обнял семерых или восьмерых и радостно улыбнулся.

Луис Ву. Издали он выглядел азиатом с бледно-желтой кожей и седыми волосами на затылке. Небрежно накинутый роскошный синий халат несколько не стеснял движений, хотя внешне могло показаться иначе.

При ближайшем рассмотрении выяснялось, что это обман. Кожа его была вовсе не бледной, но гладкой и ярко-желтой, словно у Фу Манчу из комиксов. Толстая коса, побелевшая отнюдь не от времени, отливала едва заметной голубизной карликовой звезды. Как и все плоскоземельцы, Луис Ву пользовался косметическими красителями.

Плоскоземелец опознавался в нем с первого взгляда. Черты его лица нельзя было отнести ни к белой, ни к монголоидной, ни к негроидной расе, хотя в них были заметны следы всех трех, смешавшихся за несколько столетий. При ускорении силы тяжести в один «же» он, сам того не замечая, держался вполне естественно.

Крепче сжав бокал, Луис снова улыбнулся гостям.

И так уж вышло, что эта улыбка отразилась в паре блестящих глаз буквально в дюйме от него.

Каким-то образом нос к носу и грудь к груди с ним оказалась девушка – Тила Браун. Ее голубую кожу украшала сетка из серебристых нитей, прическа напоминала языки пламени, а глаза походили на выпуклые зеркала. Ей было двадцать лет. Луис уже общался с ней раньше. Она сыпала банальностями и восторженными восклицаниями, зато была очень красива.

– Хотела спросить, – переведя дух, сказала Тила. – Как тебе удалось пригласить тринока?

– Только не говори, что он все еще здесь.

– Нет. У него заканчивался воздух, и ему пришлось вернуться домой.

– Маленькая невинная ложь, – подмигнул ей Луис. – В дыхательном аппарате триноков воздуха хватает на несколько недель. Что ж, если действительно хочешь знать: данный конкретный тринок когда-то пару недель был моим гостем и пленником. Его корабль и команда погибли на границе Известного космоса, и мне пришлось доставить его на Маргрейв, чтобы там организовать ему бокс с подходящими условиями.

Глаза девушки вспыхнули от восхищения. Луис ощутил странное удовольствие, отметив, что они на одном уровне с его собственными. Со стороны Тила Браун из-за своей хрупкой красоты казалась ниже, чем на самом деле. Она перевела взгляд за плечо Луиса и вдруг оторопело вытаращилась. Ву обернулся, улыбаясь во весь рот.

Из телепортационной кабины рысью выбежал кукольник Несс.

Когда они покидали «Крушенко», Луис пытался уговорить Несса рассказать хоть что-нибудь о предполагаемой цели путешествия, но кукольник опасался шпионских лучей.

– Тогда приходи ко мне, – предложил Луис.

– Но там твои гости?

– В моем кабинете их нет, и он полностью защищен от любых жучков. К тому же представь, какое впечатление ты произведешь! Если, конечно, к тому времени все не разойдется по домам.

Впечатление оказалось таким, какого Луис не мог и желать. Внезапно повисшую тишину нарушало лишь постукивание копыт кукольника. Следом за ним возник Говорящий-с-Животными. Окинув взглядом окружавшее телепортационную кабину море человеческих лиц, кзин медленно оскалил клыки.

Кто-то разлил половину бокала прямо в горшок с пальмой – весьма благородный жест. В ветвях сердито защебетало похожее на орхидею существо с Гуммиджи.

Люди попятились от двери, обмениваясь репликами:

– С тобой все нормально, я тоже их вижу.

– Отрезвляющие таблетки? Сейчас поищу.

– Ну и крутую же вечеринку он закатил!

– Старина Луис...

– Как называется эта особь?

Никто не знал, как вести себя с Нессом. Большинство просто игнорировали кукольника, боясь ляпнуть что-то невпопад и оказаться в дураках. Еще любопытнее была их реакция на Говорящего-с-Животными. Кзин, когда-то самый опасный враг человечества, вызвал благоговейное почтение, словно был настоящим героем.

– Иди за мной, – сказал Луис кукольнику, надеясь, что кзин последует за ними обоими. – Прошу прощения, – проревел он, проталкиваясь сквозь толпу и загадочно улыбаясь в ответ на взволнованные и/или озадаченные вопросы.

Оказавшись в надежном укрытии кабинета, Луис запер дверь и включил систему защиты от жучков.

– Ладно. Кто-нибудь хочет выпить?

– Если сможешь подогреть бурбона – выпью, – ответил кзин. – А не сможешь – все равно выпью.

– Несс?

– Устроит любой овощной сок. Теплый морковный найдется?

– Бррр, – буркнул Луис, но все же набрал заказ в баре-автомате, и тот выдал бокал теплого морковного сока.

Несс оперся на согнутую заднюю ногу. Кзин тяжело опустился на надувную подушку, которая могла лопнуть под его весом, как воздушный шарик. Балансируя на маленьком сиденье, второй древнейший враг человечества выглядел довольно забавно, если не сказать смешно.

Войны людей и кзинов были многочисленны и ужасны. Если бы кзины выиграли первую из них, люди стали бы рабами и мясным скотом на веки веков. Но кзины понесли немалые потери в последующих войнах. Они не отличались терпением и зачастую нападали, не будучи к этому готовы. Им не было знакомо понятие жалости или ограниченной войны. Каждая война стоила им существенной доли населения и конфискации нескольких планет.

Прошло двести пятьдесят лет с тех пор, как кзины в последний раз атаковали Человеческий космос, – им просто нечем стало атаковать. В течение двухсот пятидесяти лет люди не оккупировали планеты кзинов, и никто из кзинов не мог этого понять. Люди приводили их в страшное замешательство.

Кзины всегда отличались жестокостью и необузданным нравом, а Несс, общепризнанный трус, оскорбил четверых взрослых кзинов на публике в ресторане.

– Расскажи-ка мне еще раз про вошедшую в поговорку осторожность кукольников, – попросил Луис. – Я забыл.

– Возможно, я был не вполне с тобой честен, – ответил Несс. – Моя раса считает меня сумасшедшим.

– Великолепно, – ухмыльнулся Луис и отхлебнул из бокала, который до этого подал ему анонимный доброжелатель, смесь водки и ягодного сока со льдом.

Кзин беспокойно дернул хвостом:

– Зачем нам лететь с общепризнанным маньяком? Да ты безумнее всех, раз решил отправиться в путешествие с кзином.

– Вы слишком накручиваете себя, – мягко сказал Несс убедительным и невыносимо чувственным голосом. – Людям ни разу не встречался кукольник, который не был бы безумен с точки зрения его собственной расы. Ни один инопланетянин никогда не видел планету кукольников, и ни один здравомыслящий кукольник не доверил бы свою жизнь ненадежной системе жизнеобеспечения космического корабля или неизвестным, возможно, смертельным опасностям иного мира.

– Безумный кукольник, взрослый кзин и я. Хорошо бы, чтобы четвертый член нашей команды оказался психиатром.

– Нет, Луис, никто из наших кандидатов не психиатр.

– И почему же?

– Мой выбор не случаен. – Кукольник отхлебнул сок одним ртом, продолжая говорить другим. – Во-первых – я сам. Наше предполагаемое путешествие должно пойти на пользу моей расе. Соответственно, в нем должен участвовать ее представитель, причем достаточно безумный, чтобы не побояться неизвестности, и вместе с тем довольно здравомыслящий, чтобы использовать весь свой интеллект для выживания. Так уж вышло, что я как раз где-то посередине. У нас также были причины включить в состав экспедиции кзина. То, что я сейчас тебе скажу, Говорящий-с-Животными, – тайна. Мы достаточно давно наблюдаем за вашей расой. Нам было известно о вас еще до того, как вы атаковали человечество.

– Хорошо, что вы не показывались на глаза, – прорычал кзин.

– Вне всякого сомнения. Мы пришли к выводу, что раса кзинов столь же бесполезна, сколь и коварна. Были начаты исследования с целью определить, потребуется ли истребить вашу расу в целях безопасности.

– Я твои шеи в узел завяжу.

– Никакого насилия тебе совершить не удастся.

Кзин встал.

– Он прав, – сказал Луис. – Сядь, Говорящий. Вряд ли убийство кукольника принесет тебе выгоду.

Кзин сел, и подушка под ним опять не лопнула.

– Проект был отменен, – продолжал Несс. – Мы обнаружили, что войны в достаточной степени ограничили экспансию кзинов, уменьшив исходящую от них опасность. По нашим наблюдениям, вы, Говорящий, шесть раз за несколько столетий атаковали планеты людей. Шесть раз вы терпели поражение, теряя около двух третей мужского населения в каждой войне. Стоит ли комментировать уровень интеллекта, который вы при этом демонстрировали? Нет? В любом случае реальная опасность истребления вам никогда не грозила. Ваших неразумных самок война в основном не касалась, так что понесенные потери помогало восстановить следующее поколение. И тем не менее вы постепенно проигрывали империю, которую строили многие тысячелетия. Нам стало ясно, что кзины с невероятной скоростью эволюционируют.

– Эволюционируют? – переспросил Говорящий.

Несс прорычал какое-то слово на Языке героев. Луис подпрыгнул от удивления, он не ожидал, что глотки кукольника способны на грозный рев.

– Да, – ответил Говорящий-с-Животными. – Я так и понял, что ты сказал именно это. Но мне не ясно, какой смысл ты вкладываешь.

– Эволюция основана на выживании наиболее приспособленных. В течение нескольких ваших столетий самыми приспособленными становились те, кому хватало ума или предвидения избегать драки с людьми. Результат очевиден: почти два ваших столетия между людьми и кзинами царит мир.

– Но в том нет никакого смысла! Мы не смогли выиграть ни одну войну!

– Твоих предков это не останавливало.

Говорящий-с-Животными опрокинул в пасть горячий бурбон. Его голый розовый хвост, похожий на крысиный, беспокойно дернулся.

– Ваша раса основательно сократилась, – продолжал кукольник. – Все ныне живущие кзины – потомки тех, кто избежал гибели в войнах людей и кзинов. Некоторые из нас полагают, что кзинам теперь хватает ума, сочувствия или самоограничения, чтобы взаимодействовать с чуждыми для них расами.

– И потому ты рискуешь жизнью, отправляясь в путешествие с кзином?

– Да, – ответил Несс, и по его шкуре пробежала дрожь. – Моя мотивация достаточно сильна. Если я сумею продемонстрировать, что от моей смелости есть польза и она сослужит ценную службу моей расе, мне позволят размножаться. Так предполагается.

– Вряд ли уж это твердое обязательство, – заметил Луис.

– Есть и другая причина взять с собой кзину. Нам предстоит действовать в незнакомой обстановке, таящей в себе массу опасностей. Кто меня защитит? Кто лучше для этого сгодится, как не кзин?

– Защищать кукольника?

– Неужели это звучит чересчур безумно?

– Еще как! – ответил Говорящий-с-Животными. – Твои слова – проверка моего чувства юмора. А что насчет этого... Луиса Ву?

– Сотрудничество с людьми оказалось для нас весьма полезным, и, естественно, мы выбрали по крайней мере одного из них. Луис Гридли Ву по-своему легкомыслен и безрассуден, но он не раз доказал, что способен выжить в любых обстоятельствах.

– Легкомыслен и безрассуден – это уж точно. Он вызвал меня на поединок.

– Ты бы принял вызов, если бы Хрот не оказался рядом? Смог бы причинить ему вред?

– Чтобы меня с позором отправили домой за то, что я спровоцировал серьезный межрасовый конфликт? Но ведь суть не в этом?

– Возможно, в этом. Луис жив, и ты теперь осознаешь, что не можешь властвовать над ним посредством страха. Понимаешь, что это значит?

Юбиляр благоразумно молчал. Если кукольник хотел отдать ему должное как хладнокровному аналитику – Луиса Ву это устраивало.

– Ты назвал собственные мотивы, – сказал Говорящий. – Определи теперь мои. Мне-то какая польза, если я к вам присоединюсь?

И они перешли к делу.

Для кукольников квантовый гиперпространственный привод второго рода представлял сомнительную ценность. Он мог переместить корабль на расстояние в световой год за одну с четвертью минуты. Обычному кораблю требовалось для этого три дня, зато в нем имелся грузовой отсек.

– Мы встроили двигатель в корпус производства «Дженерал продактс» четвертой модели, самый большой из всех, что выпускает наша компания. Когда ученые и инженеры завершили

работу, он почти полностью оказался заполнен оборудованием гиперпривода. Так что в полете будет тесновато.

– Экспериментальный корабль? – спросил кзин. – Надеюсь, он прошел тщательные испытания?

– Совершил полет к ядру Галактики и обратно.

Всего один полет! Кукольники не могли полноценно испытать корабль сами и, поскольку находились в процессе миграции, не могли найти и другие расы, которые сделали бы это за них. Корабль практически не нес никакого груза, хотя диаметр его составлял почти милю. Более того, снижение скорости отбрасывало его назад – в обычное космическое пространство.

– Нам он не нужен, – сказал Несс, – но он нужен вам. Мы намерены отдать его команде вместе с копиями чертежей, которые позволят построить еще больше таких же кораблей. При желании вы сумеете их усовершенствовать.

– За это я смог бы получить имя, – мечтательно произнес кзин. – Настоящее имя. Мне нужно увидеть ваш корабль в деле.

– Увидишь во время полета.

– За такой корабль Патриарх наверняка даст мне имя. Какое бы мне выбрать? Может... – Говорящий что-то прорычал на восходящей ноте.

Кукольник ответил ему по-кзински.

Луис раздраженно поерзал в кресле – Языка героев он не понимал. Подумал было выйти, но возникла мысль получше. Достав из кармана голограмму Несса, он бросил ее на мохнатые колени кзина. Говорящий осторожно взял снимок черными подушечками пальцев.

– Похоже на окруженную кольцом звезду, – заметил он. – Что это?

– Это касается цели нашего путешествия, – пояснил кукольник. – Больше ничего сказать не могу.

– Какая таинственность! Ладно, когда отправляемся?

– По моим оценкам, в ближайшие дни. Агенты продолжают искать четвертого члена нашей исследовательской команды.

– То есть будем ждать, пока они не определятся, – подытожил кзин. – Луис, может, вернемся к гостям?

Луис встал и потянулся:

– Само собой – почему бы их не развлечь? Говорящий, прежде чем мы отсюда выйдем, у меня есть предложение. Не воспринимай его как попытку унижить твоё достоинство, но...

Вечеринка разделилась. Одни гости смотрели стереовизор, другие расположились за столами для бриджа и покера, третьи разбились на влюбленные пары и группы, четвертые рассказывали истории, пятые изнывали от скуки. На лужайке под лучами утреннего солнца собралась смешанная компания скучающих и ксенофилов. В их окружении сидели Несс, Говорящий-с-Животными, Луис Ву и Тила Браун, а рядом мельтешил не знающий отдыха робот-бармен.

Лужайка была из тех, за которыми ухаживали в соответствии с древней британской формулой: сеять и косить в течение пятисот лет. Пятьсот лет закончились биржевым крахом, после которого у Луиса Ву появились деньги, а некое почтенное баронское семейство их лишилось. Зеленая блестящая трава была абсолютно настоящей – никто не пытался вмешиваться в ее гены в поисках сомнительных улучшений. У подножия склона располагался теннисный корт, там бегали и прыгали маленькие фигурки, энергично размахивая огромными мухобойками.

– Чудесное зрелище, – сказал Луис. – Можно сидеть и смотреть хоть целый день.

Застигнутый врасплох смехом Тилы, он лениво подумал о миллионах бородатых анекдотов, которые знал наизусть, а она никогда не слышала, – никто больше не рассказывал их. Девяносто девять процентов шуток наверняка устарели – прошлое плохо отражается в настоящем.

Робот-бармен завис рядом с Луисом, голова которого лежала на коленях Тилы, и наклонился, чтобы тот мог дотянуться до клавиатуры, не садясь. Луис заказал два мокко, поймал выпавшие из слота чашки и протянул одну Тиле.

– Ты похожа на девушку, которую я когда-то знал, – сказал он. – Слышала про Паулу Черенкову?

– Карикатуристку? Родом из Бостона?

– Да. Теперь она живет на планете Мы Это Сделали.

– Это моя прапрабабушка. Мы как-то были у нее в гостях.

– Однажды она нанесла мне серьезную сердечную травму. Ты вполне могла бы быть ее сестрой-близнецом.

Тихий смех Тилы отдался приятной вибрацией в позвоночнике Луиса.

– Обещаю, что не нанесу тебе сердечную травму, если объяснишь, что это значит.

Луис задумался. Это было его собственное определение тому, что тогда с ним случилось. Он не часто употреблял эти слова, но еще никому не излагал их смысла. Все и так понимали, что он имеет в виду.

До чего же спокойное, мирное утро! Если бы сейчас он отправился спать, то проспал бы часов двенадцать. Усталость давала о себе знать, а лежать на коленях Тилы было удобно и приятно. Половину гостей Луиса составляли женщины, многие из которых в прошлом были его женами или любовницами. В начале вечеринки он праздновал свой день рождения наедине с тремя из них, когда-то самыми желанными для него.

Их было три? Или четыре? Нет, три. Ему казалось, что он стал неуязвим для сердечных травм. Двести лет оставили много шрамов на душе. А теперь голова его лениво покоилась на коленях юной особы, выглядевшей в точности как Паула Черенкова.

– Я был очарован ею, – сказал он. – Мы знали друг друга несколько лет, даже встречались. А потом однажды ночью у нас состоялся разговор, и – бум! Я влюбился. Думаю, и она тоже. В ту ночь мы с ней не пошли спать – в смысле, вместе. Я попросил ее выйти за меня замуж, но она мне отказала. Она делала карьеру и заявила, что у нее нет времени на брак. Но мы решили отправиться в недельное путешествие по Амазонскому национальному парку, организовав своего рода заменитель медового месяца. Вся последующая неделя состояла из взлетов и падений. Сначала – взлетов. Я купил билеты и забронировал отель. Ты влюблялась в кого-нибудь так сильно, что считала, будто ты его недостойна?

– Нет.

– Я был молод. Потратил два дня, убеждая себя, что достоин Паулы Черенковой. И мне это удалось. А потом она позвонила и отменила поездку – даже не помню почему. У нее нашелся какой-то предлог. В ту неделю я пару раз приглашал ее на ужин, но ничего не произошло. Я пытался заставить себя не давить на нее – а она, вероятно, даже не догадывалась, как мне было тяжело. Меня бросало то вверх, то вниз, словно мячик на резинке. А потом она опустила шлагбаум. Я ей нравился, и нам хорошо было вместе. Мы могли быть лучшими друзьями. Но я оказался не в ее вкусе, хотя думал, что мы любим друг друга. Возможно, она тоже так считала... где-то с неделей. Нет, она не была жестока – просто не осознавала, что происходит.

– Но что значит «сердечная травма»?

Он посмотрел в серебристые глаза Тилы Браун. Ее безучастный взгляд говорил о том, что она не поняла ни слова.

Луис имел дело с инопланетянами. Следуя инстинкту или знаниям, он научился чувствовать, когда некое понятие являлось слишком чуждым, невозможным для их восприятия или использования в общении. И сейчас он столкнулся с тем же фундаментальным пробелом в переводе.

Какая же чудовищная бездна разделяла Луиса Ву и двадцатилетнюю девушку! Неужели он и в самом деле радикально состарился? И если так – оставался ли он все еще человеком?

Тила бесстрастно смотрела на него, ожидая пояснений.

– Невмирс! – выругался Луис, поднимаясь на ноги, и комочки земли медленно скатились с подола его халата.

Кукольник Несс рассуждал на темы этики. Прервав себя (почти в буквальном смысле – он вещал обоими ртами, к удовольствию слушателей), он ответил на вопрос Луиса. Нет, от агентов никаких сообщений пока не поступало.

Говорящий-с-Животными, окруженный не меньшим количеством поклонников, растянулся на траве подобно большому оранжевому холму. Две женщины чесали его за ушами. Странные уши кзина, способные разворачиваться, словно розовые китайские веера, или плотно прижиматься к голове, были широко расставлены, и Луис разглядел вытатуированный на каждом из них узор.

– Ну как? – крикнул он. – Умно я придумал?

– Угурррр, – даже не пошевелившись, промурлыкал Говорящий.

Луис неслышно рассмеялся. Кзин, конечно, грозный зверь, но кто станет бояться кзина, который позволяет чесать себе за ушами? Гости Луиса чувствовали себя непринужденно, и столь же раскованно держался Говорящий. Любому созданию крупнее полевой мыши нравится, когда его нежно гладят.

– Они сменяют друг друга, – проурчал кзин. – К самке, которая меня чешет, подходит самец и намекает, что неплохо бы уделить такое же внимание и ему, после чего они вместе удаляются, а ее место занимает новая самка. Как же это, должно быть, интересно – принадлежать к расе, где разумны оба пола!

– Порой это приводит к чудовищным сложностям.

– Правда?

Девушка у левого плеча кзина, с разукрашенной звездами и галактиками черной кожей и белыми, как хвост кометы, волосами, подняла взгляд.

– Тила, иди сюда вместо меня, – весело прощепетала она. – Что-то я проголодалась.

Спутница Луиса послушно присела возле громадной оранжевой головы.

– Тила Браун, познакомься – Говорящий-с-Животными, – сказал Луис. – Надеюсь, вы оба...

Неподалеку послышалась нестройная музыкальная трель.

– ...понравится друг другу. Что там такое? А, это ты, Несс. Что?..

Из глоток кукольника раздавались поразительные звуки. Несс грубо втиснулся между Луисом и девушкой.

– Тила Яндрова Браун, идентификационный номер IKLUGGTYN?

– Да, меня так зовут, – удивленно, но без тени страха ответила та. – Номера я не помню. В чем проблема?

– Мы уже почти неделю разыскиваем тебя по всей Земле, и вдруг я нахожу тебя на сборище, где оказался лишь случайно! Придется мне серьезно потолковать со своими агентами.

– О нет, – тихо произнес Луис.

Тила неловко поднялась:

– Я ни от кого не скрывалась, ни от тебя, ни от каких-либо других инопланетян. Так в чем проблема?

– Погодите! – Луис шагнул между кукольником и девушкой. – Несс, Тила Браун совершенно не подходит на роль исследователя. Выбери кого-нибудь другого.

– Но послушай...

– Одну минуту, – поднялся и встрял кзин. – Луис, пусть травоядный сам подбирает членов своей команды.

– Да ты только посмотри на нее!

– Посмотри на себя, Луис. Меньше двух метров ростом, чрезмерно стройный даже для человека. Ты что, не исследователь? Или Несс?

– Невмирс! Что все это значит? – требовательно спросила Тила.

– Луис, – поспешно сказал Несс, – давай вернемся в твой кабинет. Тила Браун, у нас есть к тебе предложение. Ты не обязана его принимать, даже выслушивать, но оно может тебя заинтересовать.

Спор продолжился в кабинете Луиса.

– Она соответствует моим требованиям, – настаивал Несс. – Мы должны оценить ее как вариант.

– Не единственная же она на Земле!

– Нет, Луис. Вовсе нет. Но мы не сумели связаться ни с кем из остальных кандидатов.

– Эй, в качестве кого меня тут обсуждают?

Кукольник начал объяснять. В процессе беседы оказалось, что Тила Браун нисколько не интересуется космическими полетами, никогда не бывала дальше Луны и не имеет ни малейшего желания отправляться за пределы Известного космоса. Не возбудил ее любопытства и квантовый гиперпривод второго рода.

Почувствовав, что девушка окончательно сбита с толку, Луис вновь счел нужным вмешаться:

– Несс, ну и по каким критериям нам подходит Тила?

– Мои агенты искали потомков тех, кто выиграл в Лотерею рождений.

– Сдаюсь. Ты и впрямь сумасшедший.

– Нет, Луис. Приказ получен от самого Замыкающего, того, кто возглавляет нас всех. Его здравомыслие не подлежит сомнению. Позволь мне внести ясность.

Для людей контроль над рождаемостью давно не представлял никаких сложностей. Под кожу на предплечье пациента вживлялся крошечный кристалл, которому требовался год, чтобы полностью раствориться, и в течение этого года пациент не мог зачать ребенка. В прошлые века для того же самого использовались куда более неуклюжие методы.

Примерно к середине двадцать первого века население Земли стабилизировалось на восемнадцати миллиардах. Комиссия по рождаемости, специальное подразделение ООН, приняла и проводила в жизнь соответствующие законы, которые не менялись в течение пятисот с лишним лет: пара могла завести не более двоих детей, причем Комиссия решала, кто станет родителем и сколько раз. Она могла дать одной паре право на дополнительных детей и лишить другую права на детей вообще, на основе желательных или нежелательных генов.

– Невероятно, – ахнул кзин.

– Почему? Для восемнадцати миллиардов человек, оказавшихся в ловушке примитивных технологий, на Земле стало чересчур тесно.

– Если бы Патриархия попыталась провести подобный закон для кзинов, мы бы истребили ее подчистую за подобную дерзость, – сказал Говорящий-с-Животными.

Но люди не были кзинами. В течение полутысячи лет закон безотказно работал, а затем, двести лет назад, пошли слухи о злоупотреблениях в Комиссии по рождаемости. Случившийся в итоге скандал привел к радикальным изменениям в законодательстве.

Каждый человек теперь имел право один раз стать родителем, независимо от состояния своих генов. В дополнение он мог автоматически получить разрешение на второго и третьего ребенка, если тесты показывали его высокий интеллект или он обладал полезными физическими способностями вроде транс Плато или абсолютного чувства направления, а также при наличии генов, позволяющих продолжить спок существования, например телепатии, естественного долголетия или идеальных зубов.

Право на ребенка можно было купить за миллион звезд – почему бы и нет? Умение делать деньги считалось испытанным и проверенным фактором успешного выживания. К тому же таким образом пресекались любые попытки подкупа.

Тот, кто еще не использовал свое право на первенца, мог сразиться на арене. Победитель получал права на второго и третьего ребенка, а проигравший терял право на первого и собственную жизнь. Все по-честному.

– Я видел подобные сражения в ваших развлекательных шоу, – сказал Говорящий. – Мне казалось, они дерутся ради забавы.

– Нет, все серьезно, – ответил Луис, и Тила хихикнула.

– А лотереи?

– Сейчас будет и о них, – кивнул Несс. – Даже при наличии биозамедлителя, предотвращающего старение, каждый год на Земле умирает больше людей, чем рождается...

Ежегодно Комиссия суммировала количество смертей и эмиграций, затем вычитала из него количество рождений и иммиграций – получалось число дополнительных прав на рождение, которые и разыгрывались в новогодней лотерее.

Участвовал в ней любой желающий. Тем, кому повезло, можно было иметь десять или двадцать детей – если, конечно, считать это везением. Даже осужденных преступников не исключали из Лотереи рождений.

– У меня самого было четверо детей, – сказал Луис Ву. – Один – благодаря лотерее. Ты бы мог познакомиться с троими из них, если бы прибыл сюда на двенадцать часов раньше.

– Все это выглядит странно и запутанно. Когда численность кзинов становится слишком велика, мы...

– Нападаете на ближайшую планету людей?

– Вовсе нет, Луис. Мы сражаемся друг с другом. Чем нас больше, тем больше шансов, что один кзин оскорбит другого, и наша проблема с перенаселением решается сама собой. Нас всегда было на порядок меньше, чем ваших дважды восемь в десятой степени людей на одной планете.

– Кажется, я начинаю понимать, – сказала Тила Браун. – Мои родители оба выиграли в лотерею, – она нервно рассмеялась. – Иначе я бы вообще не родилась. Если так подумать, то мой дед...

– Все твои предки в течение пяти поколений рождались благодаря выигрышам в лотерею.

– В самом деле? Не знала!

– На этот счет имеются точные сведения, – заверил ее Несс.

– Вопрос остается по-прежнему, – заметил Луис. – Что дальше?

– Те-кто-правит во флоте кукольников пришли к заключению, что люди на Земле выводят породу самых везучих.

– Ха! – воскликнул Луис.

Тила Браун наклонилась в кресле, охваченная любопытством. Наверняка она никогда раньше не видела сумасшедшего кукольника.

– Ты только представь себе лотереи, Луис. Представь эволюцию, – продолжал Несс. – В течение семисот лет ваше размножение ограничивалось численно: два права рождения на человека, двое отпрысков на пару. Иногда кто-то мог выиграть третье или получить отказ в первом из-за генов диабета или чего-то подобного. Но у большинства людей было по двое детей. Потом закон поменялся. За прошедшие два столетия от десяти до тринадцати процентов в каждом поколении рождались по праву выигравшего в лотерею. Что определяет, кто выживет и даст потомство? На Земле – везение. А Тила Браун – дочь шести поколений тех, кто участвовал в лотерее и выиграл...

Глава 3

Тила Браун

Тила лишь беспомощно хихикала.

– Не верю, – сказал Луис Ву. – Можно унаследовать густые брови, но не везение!

– Но ведь можно унаследовать телепатию.

– Это не то же самое. Телепатия – не какая-то парапсихологическая способность. Механизмы в правой теменной доле мозга давно определены, просто у большинства они не работают.

– Когда-то телепатию считали разновидностью парапсихологии. Теперь ты заявляешь, что везение таковым не является.

– Везение – это везение, – стоял на своем Луис.

Ситуация казалась Тиле курьезной. Но Ву понимал то, чего не понимала она: в словах Несса не было и намека на шутку.

– По закону больших чисел может сложиться и так и этак, – сказал Луис. – Стоит шансам обернуться не в твою пользу – и ты выходишь из игры, подобно динозаврам. Кости выпадают независимо от...

– Считается, что некоторые могут ими управлять.

– Значит, я выбрал неподходящую метафору. Суть в том...

– Да! – прорычал кзин (когда он хотел, от его голоса сотрясались стены). – Суть в том, что мы должны согласиться с выбором кукольника. Итак, Несс, корабль принадлежит тебе. Где четвертый член нашей команды?

– Здесь, рядом с тобой!

– Невмирс... одну минуту! – поднялась Тила.

Серебристая сетка, как металл, блестела на ее голубой коже, огненные волосы развевались в потоке воздуха от кондиционера.

– Все это нелепо и смешно, – заявила она. – Я никуда не полечу. Зачем это мне?

– Слушай, Несс, выбери кого-нибудь другого, – предложил Луис. – Наверняка найдутся миллионы подходящих кандидатов.

– Не миллионы. У нас есть несколько тысяч имен и номера телефонов или частных телепортационных кабин. Каждый из них может похвастать пятью поколениями предков, рожденных благодаря выигрышным лотерейным билетам.

– Ну и в чем тогда проблема?

Кукольник начал расхаживать по комнате, объясняя:

– Многих мы исключили сами, поскольку они явные неудачники. Что касается остальных, то, увы, больше никто не доступен. Когда мы звоним, их нет на месте. Когда перезваниваем, телефонный компьютер неправильно нас соединяет. Когда мы просим кого-то из членов семьи Брандт, звонит каждый телефон в Южной Америке. На нас поступают жалобы, и это чрезвычайно мешает.

Топ-топ-топ. Топ-топ-топ.

– Ты даже не сказал, куда вы отправляетесь, – заметила Тила.

– Я не вправе раскрывать нашу цель. Однако ты можешь...

– Во имя красных ногтей Финейгла! Так трудно сказать?

– ...можешь изучить голограмму, возьми у Луиса Ву. Это единственная информация, которую я сообщаю на данном этапе.

Луис протянул ей изображение голубой ленты на черном фоне позади сверкающего белого диска. Пока Тила разглядывала снимок, Ву заметил, как она багровеет от ярости.

Когда девушка наконец заговорила, слова вылетали из ее рта по одному, словно мандариновые семечки.

– Никогда не слышала ничего смешнее. Ты рассчитываешь, что мы с Луисом помчимся за пределы Известного космоса в компании кзина и кукольника, зная лишь, что там нас ждет голубая лента и яркая точка? Это просто... какой-то бред!

– То есть ты отказываешься? – уточнил Несс.

Брови девушки взлетели вверх.

– Мне нужен прямой ответ, – настаивал он. – В ближайшее время мои агенты подыщут другого кандидата.

– Да, – сказала Тила Браун. – Да, я отказываюсь.

– В таком случае напоминаю, что по законам Земли ты должна хранить в тайне все, что здесь услышала. Получишь гонорар за консультацию.

– Кому я могу рассказать? – театрально рассмеялась Тила. – Кто мне поверит? А ты, Луис, правда готов отправиться в это дурацкое...

– Да – Ву уже думал о другом, в том числе о том, как тактично избавиться от ее присутствия. – Но не прямо сейчас. Праздник все еще продолжается. Тила, будь так добра, переключи музыкальный автомат с четвертой ленты на пятую. А потом скажи всем, кто будет спрашивать, что я вернусь через минуту.

Когда дверь за ней закрылась, он продолжил:

– Окажите мне любезность, да и себе тоже. Позвольте мне самому оценить, насколько тот или иной человек годится для прыжка в неизвестность.

– Ты знаешь, какие требования важнее всего, – сказал Несс. – У нас пока нет даже двух кандидатов, из которых можно было бы выбирать.

– У вас их десятки тысяч.

– Не совсем так. Многие не соответствуют критериям, других никак не получается найти. Однако просвети меня, чем данная персона не подходит, с твоей точки зрения?

– Она слишком молода.

– Все кандидаты – из поколения Тилы Браун.

– Из породы счастливчиков? Ладно, не стану спорить. Я знаю людей куда более сумасшедших, и даже на этой вечеринке найдется парочка таких. К тому же ты сам видел, что она отнюдь не страдает ксенофилией.

– Но и ксенофобией тоже. Никого из нас она не боится.

– В ней нет искры. Она не... не...

– Она не из тех, кому не сидится на месте, – сказал Несс. – Ее устраивает то, что есть, и это действительно недостаток. Ей ничего не хочется. Но как мы могли об этом узнать, не спросив?

– Хорошо, выбирай своих кандидатов, – махнул рукой Луис и направился к выходу из кабинета.

– Луис! Говорящий! – послышалась за его спиной трель кукольника. – Сигнал! Мой агент нашел другого!

– Да уж конечно, – разочарованно произнес Ву, открыв дверь.

Напротив него, в дальнем конце гостиной, еще на одного кукольника Пирсона таранилась Тила Браун.

Луис медленно просыпался. Он помнил, как надел шлем для сна и настроил его на час. Вероятно, это и произошло час назад. Разбудить должно было неприятное ощущение тяжести на голове после выключения шлема...

Но шлема не было.

Луис резко сел.

– Это я сняла его с тебя, – сказала Тила Браун, – чтобы ты поспал.

– Ох... который час?

– Семнадцать с минутами.

– Я оказался плохим хозяином. Как вечеринка?

– Осталось человек двадцать. Не беспокойся, я им сказала, что сделала. Все решили, это правильно.

– Ладно, – Луис скатился с кровати. – Спасибо. Присоединимся к гостям?

– Мне нужно с тобой поговорить.

Он снова сел, чувствуя, как постепенно проходит сонный дурман.

– О чем?

– Ты в самом деле собрался в это безумное путешествие?

– В самом деле.

– Не понимаю – зачем?

– Я в десять раз старше тебя, – ответил Луис Ву. – Мне не нужно зарабатывать на жизнь. А чтобы быть ученым, не хватает терпения. Когда-то я пытался писать, но это оказалось чересчур тяжело, чего я никак не ожидал. Что остается? Развлекаюсь.

Она покачала головой, отбрасывая на стены огненные отблески.

– Не похоже на развлечение.

– Скука – мой худший враг, – пожал плечами Луис. – Она убила немало моих друзей, но я ей не по зубам. Когда мне становится скучно, я отправляюсь куда-нибудь рискнуть жизнью.

– Разве не стоит хотя бы знать, насколько велик риск?

– Мне хорошо платят.

– Деньги тебе ни к чему.

– Человечество нуждается в том, что есть у кукольников. Послушай, Тила, тебе рассказали про корабль со вторым квантовым гиперприводом. Он единственный в Известном космосе способен меньше чем за три дня преодолеть световой год. И он летит почти в четыреста раз быстрее!

– Да кому нужна такая скорость?

У Луиса не было настроения читать лекцию о взрыве ядра, и он просто сказал:

– Давай вернемся на вечеринку.

– Нет, погоди!

– Ладно.

Она нервно провела длинными изящными пальцами по огненным волосам, и ее руки блеснули в отраженном свете.

– Невмирс... даже не знаю, как сказать. Луис, ты сейчас в кого-нибудь влюблен?

– Вряд ли, – удивленно ответил он.

– Я правда похожа на Паулу Черенкову?

В полутьме спальни Тила напоминала пылающую жирафу с картины Дали. От ее волос исходило оранжево-желтое сияние, и в его свете она казалась тенью, очертания которой подчеркивали отблески шевелюры. Но память Луиса восполняла подробности: идеальные длинные ноги, конические груди, утонченная красота маленького личика. Впервые он увидел ее четыре дня назад, под руку с худым как жердь Тедроном Доэни, которого пригласил к себе на юбилей.

– Мне показалось, будто ты и есть Паула, – сказал Луис. – Она живет на Мы Это Сделали, где я познакомился с Тедом Доэни. Увидев вас вместе, я подумал, что на Землю Тед и Паула прилетели на одном корабле. Но вблизи я заметил разницу. У тебя красивее ноги, но походка у Паулы изящнее. И лицо у нее... пожалуй, холоднее. Возможно, это лишь туман воспоминаний.

Из-за двери раздались раскаты компьютерной музыки, дикой и чистой, но словно незавершенной без дополнявших ее световых эффектов, невидимых здесь. Тила беспокойно переступила с ноги на ногу, и на стене вздрогнули тени.

– Каков твой план? – спросил Луис. – Не забывай, у кукольников есть выбор из тысяч кандидатов. Они в любую минуту могут найти четвертого члена команды. И мы улетим.

– Что ж, ладно, – ответила Тила.

– А до этого – останешься со мной?

Она кивнула, взмахнув огненной гривой.

Кукольник объявился два дня спустя.

Луис и Тила сидели на лужайке, наслаждаясь солнцем и с убийственно серьезным видом играя в магические шахматы. Луис пожертвовал коня, о чем теперь сожалел. Тила руководствовалась то логикой, то интуицией, и Ву ни разу не угадал, каков будет ее очередной маневр. Сражалась она не на жизнь, а на смерть.

Тила покусывала губу, размышляя над следующим ходом, когда к ним, издавая низкий звон, подкатил робот-слуга. С экрана монитора на его груди смотрели два одноглазых питона.

– Давай его сюда, – лениво распорядился Луис.

Тила быстрым изящным движением поднялась с земли:

– У вас наверняка есть секреты.

– Возможно. А ты куда?

– Пойду почитаю... И не смей прикасаться к доске! – добавила она, пригрозив ему пальцем.

Возле дома Тила столкнулась с кукольником и небрежно помахала ему. Несс отскочил от нее на шесть футов.

– Прошу прощения, – пропел он. – Ты меня напугала.

Измученно шевельнув бровью, Тила скрылась за дверью. Кукольник остановился рядом с Луисом и поджал под себя ноги. Одна его голова не сводила взгляда с Ву, другой он нервно вертел, озираясь по сторонам.

– Она может за нами шпионить?

– Конечно, – удивленно ответил Луис. – Сам знаешь – от шпионского луча на открытом пространстве не защититься. Ну и?..

– Возможно, кто-то или что-то за нами наблюдает. Лучше пойдем к тебе в кабинет.

– Нет в мире справедливости! – произнес Луис, которого вполне устраивала и лужайка. – Несс, хватит крутить головой. У тебя такой вид, будто ты боишься до смерти.

– Да, мне страшно, хотя, конечно, моя смерть мало что значит. Сколько метеоритов падает на Землю за год?

– Понятия не имею.

– Мы находимся в опасной близости от Пояса астероидов. Впрочем, это не важно, поскольку с четвертым членом команды нам так и не удалось связаться.

– Жаль, – вздохнул Луис.

Поведение Несса его озадачивало. Будь Несс человеком... но он им не был.

– Надо полагать, ты не сдался? – спросил Луис.

– Нет, но неудачи начинают нас раздражать. Мы потратили четыре дня на поиски Нормана Хэйвуда KJMMCWTAD, идеального кандидата в нашу команду.

– И?

– Здоровье его безупречно, как и возраст – двадцать четыре земных года с третью. Шесть поколений его предков родились благодаря выигрышным лотерейным билетам. Более того, он обожает путешествовать, обладая столь важным для нас нежеланием сидеть на месте. Естественно, мы пытались связаться с ним лично. Три дня мой агент следовал за Норманом Хэйвудом от одной телепортационной кабины к другой, каждый раз опережая его на один прыжок, пока тот катался на лыжах в Швейцарии и занимался серфингом на Цейлоне, ходил по магазинам в Нью-Йорке и посещал домашние вечеринки в Скалистых горах и Гималаях. Прошлой

ночью мой агент настиг его, когда он поднимался на борт пассажирского судна, рейс был на Джинкс. Корабль улетел, прежде чем агент сумел победить страх перед вашими сооруженными на скорую руку машинами.

– Со мной тоже бывало подобное. Разве нельзя послать ему гиперволновое сообщение?

– Предполагается, что наше путешествие должно быть тайным.

– Ну да, конечно, – усмехнулся Луис, глядя, как непрерывно вращается в поисках невидимых врагов питонья голова.

– У нас все получится, – сказал Несс. – Тысячи потенциальных членов команды не могут скрываться вечно. Или могут?... Луис, они даже не знают, что мы их ищем!

– Кого-нибудь обязательно найдете. Иначе и быть не может.

– Я молюсь, чтобы этого не случилось! Луис, как я могу?! Как я могу отправиться вместе с тремя инопланетянами в экспериментальном корабле, рассчитанном на одного пилота? Это безумие!

– Да что с тобой, Несс? Это же с самого начала была твоя идея!

– Нет. Мой приказ исходит от тех-кто-правит в двухстах световых годах отсюда.

– Тебя что-то пугает, и я хочу знать, что именно. Что ты выяснил? Узнал, какова настоящая цель этой экспедиции? Что изменилось с тех пор, как ты был готов при всех оскорбить четверых кзинов в ресторане? Эй, эй, спокойнее!

Кукольник просунул головы и шеи между передними ногами и свернулся в шар.

– Давай вылезай, – сказал Луис, утешительно поглаживая его загривок.

Несс весь дрожал. Шкура его была мягкой, словно замша, и приятной на ощупь.

– Вылезай, – повторил Луис. – Никто тебя не тронет. Мои гости под моей защитой.

Откуда-то из-под живота кукольника послышался приглушенный стон:

– Я сошел с ума. Сошел с ума! Неужели я в самом деле оскорбил четверых кзинов?

– Вылезай. Тебе здесь ничто не угрожает. Вот так-то лучше, – одобрил Луис, когда из теплой тени высунулась одна плоская голова. – Видишь? Бояться нечего.

– Четверых кзинов? Не троих?

– Извини, ошибся. Троих.

– Прости, Луис, – кукольник немного высунул вторую голову, так что показался только глаз. – Маниакальная фаза закончилась. Теперь наступила депрессивная. Таков мой цикл.

– И ты ничего не можешь с этим поделать?

Луис представил себе, что случится, если в критический момент Несс будет пребывать не в той фазе своего цикла.

– Могу дождаться, когда он закончится. Могу как-то защитить себя. Могу попытаться не дать ему повлиять на мой рассудок.

– Бедняга Несс. Ты уверен, что не узнал ничего нового?

– Разве я и так уже не знаю достаточно, чтобы повергнуть в ужас любой здравомыслящий разум? – парировал кукольник и, слегка пошатываясь, поднялся на ноги. – Почему я встретил Тилу Браун? Я думал, она давно ушла.

– Это я попросил ее остаться со мной, пока мы не найдем четвертого.

– Зачем?

Луис и сам об этом задумывался. Паула Черенкова была тут вовсе ни при чем – Ву с тех пор основательно изменился, к тому же он не относился к числу тех мужчин, которые пытаются подогнать одну женщину под образ другой.

Спальные панели были рассчитаны на двоих, а вечеринку посетили многие девушки... ну, может, не такие симпатичные, как Тила. Неужели старого мудрого Луиса Ву все еще способна соблазнить лишь красота?

Но из серебристых глаз Тилы проглядывало нечто большее, чем просто красота. Нечто волнующе загадочное.

– С целью прелюбодеяния, – ответил Луис, тут же вспомнив, что разговаривает с инопланетянином, которому вряд ли доступны подобные сложности. – Пойдем ко мне в кабинет, – добавил он, заметив, что кукольник все еще дрожит. – Он под холмом, так что там никаких метеоритов.

После того как Несс ушел, Луис отправился на поиски Тилы. Она сидела в библиотеке перед экраном, страницы на котором мелькали чересчур быстро даже для мастера скороочтения.

– Привет, – кивнула девушка и повернулась к нему, остановив кадр. – Как наш двухголовый друг?

– Напуган до потери чувств. А я весь вымотан – пришлось играть роль психиатра для кукольника Пирсона.

Тила развеселилась:

– Расскажи про сексуальную жизнь кукольников?

– Все, что мне известно, – ему не позволено размножаться, отчего он очень страдает. Судя по всему, единственное для него препятствие – некий закон. Во всем остальном он никак данной темы не касался. Так что извини.

– И о чем вы тогда говорили?

Луис всплеснул руками:

– Триста лет сплошных травм – так долго Несс пребывает в Человеческом космосе. Он едва помнит планету кукольников. У меня чувство, что все эти три сотни лет он ни на минуту не переставал бояться.

Ву тяжело опустился в массажное кресло. Попытка вжиться в душу инопланетянина полностью истощила его разум и воображение.

– А ты? Что ты читала? – спросил он.

– О взрыве ядра.

На экране перед Тилой виднелись скопления звезд и туманности. Их было столько, что они практически затмевали собой черноту космоса. Но это не мог быть тесный звездный кластер – так далеко не достигал ни один телескоп и ни один обычный космический корабль.

Это было ядро Галактики, плотная звездная сфера диаметром в пять тысяч световых лет возле оси галактического вихря. До него сумел добраться лишь один человек двести лет назад на построенном куколниками экспериментальном корабле. В кадре виднелись наложенные друг на друга звезды: голубые, зеленые и – самые крупные и яркие – красные. В центре изображения находилось ярко-белое пятно в форме раздутой запятой. Внутри него просматривались линии и кляксы, любая из которых была ярче звезд вокруг.

– Вот зачем вам нужен корабль кукольников, – сказала Тила. – Я права?

– Еще бы.

– Как это случилось?

– Звезды расположены слишком близко друг к другу, – ответил Луис, – в среднем на расстоянии в половину светового года, по всему ядру, как и в любой галактике. Возле центра их скопление еще плотнее. В галактическом ядре расстояние между звездами мало, и они разогревают друг друга. Чем звезда горячее, тем быстрее она горит и быстрее стареет. Вероятно, десять тысяч лет назад все звезды ядра оказались на грани превращения в новые. А потом одна из них действительно стала новой, высвободив огромное количество тепла и гамма-лучей. Окружавшие ее звезды, соответственно, стали горячее. Полагаю, гамма-лучи также усилили звездную активность, и две соседние звезды тоже взорвались. Теперь их стало три, и исходящее от них тепло запустило цепную реакцию, которую вскоре ничто уже не могло остановить. То белое пятно полностью состоит из сверхновых звезд. Если хочешь, чуть дальше можно найти все математические расчеты.

– Нет, спасибо, – сказала Тила, чего и следовало ожидать. – Надо понимать, что теперь это все уже закончилось?

– Да. То, что ты видишь, – древний свет, еще не достигший этой части Галактики. Цепная реакция завершилась, предположительно, десять тысяч лет назад.

– Тогда из-за чего все так беспокоятся?

– Из-за излучения. Всевозможных быстрых частиц...

Луис постепенно начал расслабляться в массажном кресле, глубже погружаясь в его бесформенную массу и позволяя ее волнообразным движениям разминать мышцы.

– Представь, что Известный космос – небольшой пузырь из звезд в тридцати трех тысячах световых лет от галактической оси. Новые начали взрываться свыше десяти тысяч лет назад. Это означает, что фронт волны от их взрывов дойдет сюда примерно за двадцать тысяч лет. Понимаешь?

– Ну да.

– А прямо за фронтом волны движется субъядерное излучение миллиона новых звезд.

– Ого...

– За двадцать тысяч лет нам придется эвакуировать каждую планету, о которой ты когда-либо слышала, и, вероятно, множество других.

– Времени еще много. Если начать сейчас, можно справиться и с теми кораблями, что у нас есть. Легко.

– А если подумать? Со скоростью в три дня за световой год кораблю потребуется около шестисот лет, чтобы добраться до Магеллановых Облаков.

– Они могли бы делать остановки, чтобы набрать еды и воздуха... каждый год или около того.

– Попробуй кого-нибудь на это уговорить, – рассмеялся Луис. – Знаешь, что я думаю? В Человеческом космосе все испугаются по-настоящему только тогда, когда свет от взрыва ядра начнет просвечивать сквозь пылевые облака между нашими планетами и осью Галактики. Но к тому времени останется всего сто лет, чтобы спастись. Кукольники рассуждали правильно, – продолжал он. – Они послали человека к ядру в качестве рекламного трюка, поскольку им требовалось финансирование их исследований, и астронавт прислал изображения вроде того, что перед нами. Еще до его приземления кукольники исчезли со всех планет людей. Мы поступим иначе. Мы будем ждать и ждать, а когда наконец решим что-то делать, нам придется отправлять за пределы Галактики триллионы разумных существ. Нам потребуются самые большие и быстрые корабли, какие мы сможем построить, и чем больше их будет, тем лучше. Сейчас нам нужен привод кукольников, чтобы начать его совершенствовать. А потом...

– Ладно. Я полечу с вами.

– Что? – переспросил Луис, прерванный на половине лекции.

– Я полечу с вами, – повторила Тила Браун.

– Да ты с ума сошла.

– Ну так ты же летишь?

Луис стиснул зубы, пытаясь сдержать вспышку гнева, а когда все же заговорил, голос его звучал намного спокойнее, чем требовалось в данной ситуации.

– Да, лечу. Но у меня есть свои причины, которых нет у тебя, и я лучше, чем ты, умею выживать, так как намного дольше этим занимаюсь.

– Но я более везучая, чем ты.

Луис в ответ лишь фыркнул.

– Мои причины, может, и не такие, как у тебя, но в любом случае не хуже! – Голос ее сорвался от злости.

– Невмирс, они не хуже.

Тила ткнула пальцем в экран, и размытая запятая новой звезды ярко вспыхнула под ее ногтем.

– А это не причина?

– Мы получим привод кукольников независимо от того, полетишь ты или нет. Ты слышала Несса – таких, как ты, тысячи.

– И я одна из них!

– Да, одна из них, и что с того? – взорвался Луис.

– Невмирс! Почему ты вдруг стал заботливым? Я что, просила меня опекать?

– Извини. Даже не знаю, почему я попытался тебе диктовать. Ты свободный взрослый человек.

– Спасибо. Я намерена вступить в вашу команду, – ледяным официальным тоном заявила Тила.

Да, она свободный взрослый человек. Ее не только было не удержать силой – любая попытка ей приказать выглядела бы дурными манерами и, что важнее, ни к чему бы ни привела.

Но ее можно было убедить...

– В таком случае подумай вот о чем, – сказал Луис Ву. – Несс приложил немало стараний, чтобы сохранить нашу экспедицию в тайне. Зачем? Что ему скрывать?

– Разве это не его дело? Допустим, там, куда мы полетим, предполагается украсть нечто ценное.

– И что с того? Расстояние – двести световых лет. Мы единственные, кто может туда добраться.

– А если это сам корабль? – спросила она.

Луису такое и в голову не пришло. Что ни говори, но Тилу точно нельзя было обвинить в глупости.

– Подумай насчет нашей команды, – сказал он. – Два человека, кукольник и кзин. И среди нас – ни одного профессионального исследователя.

– Понимаю, к чему ты клонишь. Но, видишь ли, Луис, я действительно лечу с вами. Сомневаюсь, что ты сможешь мне помешать.

– Тогда тебе стоило бы, по крайней мере, знать, во что ты ввязываешься. Почему столь странная команда?

– Это проблема Несса.

– По-моему, и наша тоже. Несс получает приказы непосредственно от тех-кто-правит – от руководства кукольников. Похоже, он сообразил, что означают эти приказы, всего несколько часов назад, и теперь напуган до смерти. Эти... жрецы культа выживания ведут четыре игры одновременно, не считая того, что нам предстоит исследовать.

Поняв, что заинтриговал Тилу, Луис с прежней энергией продолжил:

– Во-первых, Несс. Если он достаточно безумен, чтобы высадиться на неизвестной планете, хватит ли ему здравомыслия, чтобы остаться после этого в живых? Тем-кто-правит нужно это знать. После того как они достигнут Магеллановых Облаков, им придется создавать там новую торговую империю, а основу ее существования составляют именно безумные кукольники. Дальше – наш пушистый друг. Как инопланетный посол, он должен быть одним из самых выдающихся представителей расы кзинов. Хватит ли ему этого, чтобы ужиться с нами? Или он прикончит нас ради свободного пространства и свежего мяса? В-третьих, есть ты и твое предполагаемое везение – суть некоего фантастического научного проекта, если я вообще когда-либо слышал о чем-то подобном. В-четвертых, я сам, вероятно типичный исследователь неведомого. Или всего лишь подопытный объект. Знаешь, что я думаю?..

Луис навис над девушкой, демонстрируя все свое ораторское искусство, которым овладел, когда проиграл выборы в ООН в возрасте семидесяти с небольшим лет. Честно говоря, он

с радостью отказался бы от попыток запугать Тилу Браун, но ему отчаянно хотелось ее переубедить.

– Кукольников, скорее всего, не волнует, на какую планету они нас посылают. Да и с чего бы, если они покидают Галактику? Они просто проводят опыты над нашей маленькой командой, желая выяснить как можно больше о нашем взаимодействии друг с другом, прежде чем мы погибнем.

– Вряд ли это планета, – сказала Тила.

– Невмирс! – взорвался Ву. – При чем тут это?

– Ну, все-таки, Луис, если уж нам предстоит погибнуть, исследуя нечто неизвестное, хотелось бы знать, о чем именно речь. Мне кажется, это космический корабль.

– То есть?

– Большой кольцеобразный корабль с силовым полем для захвата межзвездного водорода. Скажем, он построен таким образом, чтобы прокачивать вдоль своей оси водород для термоядерного синтеза. В итоге получается реактивная сила и нечто вроде маленького солнца. Кольцо вращается, создавая центробежную силу, и его внутренняя сторона выложена стеклом.

– Угу, – кивнул Луис, вспоминая странную голограмму, которую дал ему кукольник; он почти не задумывался о том, куда им предстоит лететь. – Возможно. Большой, примитивный и не слишком управляемый. Но чем он мог заинтересовать тех-кто-правит?

– Может, это корабль беженцев. Расы галактического ядра рано узнали о звездных процессах, поскольку их солнца были столь близко друг к другу, и, например, предсказали взрыв за тысячи лет до него... когда сверхновых звезд было всего две или три.

– Сверхновых? Допустим... но ты отвлекла меня от сути. Я открыл тебе, какую, по моему мнению, игру ведут кукольники. И я-то в любом случае полечу – ради удовольствия. Но зачем это тебе?

– Из-за взрыва ядра.

– Проявляешь альтруизм? Похвально. Но вряд ли тебя может беспокоить то, что случится через двадцать тысяч лет. Попробуй еще раз.

– Проклятие, если ты можешь быть героем, то и я могу тоже! И ты не прав насчет Несса. Он наверняка отказался бы от самоубийственной миссии. И... и зачем кукольникам что-либо знать о нас или кзилах? Зачем подвергать каким-то опытам? Они покидают Галактику и никогда больше не будут иметь с нами дел.

Нет, Тила точно была не глупа. Но...

– Ошибаешься, – заявил Луис. – У кукольников есть множество причин, чтобы изучить нас как можно лучше.

Почувствовав вызов во взгляде Тилы, он продолжил:

– Нам мало что известно об их миграции. Но мы знаем, что в ней участвует каждый из ныне живущих физически и душевно здоровых кукольников. И мы знаем, что они движутся со скоростью чуть меньше световой. Кукольники боятся гиперпространства. Далее – их флот достигнет Малого Магелланова Облака примерно за восемьдесят пять тысяч лет. И что они рассчитывают найти, когда наконец там окажутся? – Он улыбнулся. – Естественно, нас. По крайней мере, людей и кзинов. Может, еще кдатлино, пьеринов и дельфинов. Они знают, что мы будем ждать до последнего, а потом устремимся к цели, используя сверхсветовые приводы. К тому времени, когда кукольники доберутся до Облака, им придется иметь дело с нами... или с теми, кто нас истребит. И, зная нас, они смогут также предсказать, кто станет нашими убийцами. У них более чем достаточно причин для наблюдения за нами.

– Ладно.

– Все еще хочешь лететь?

Тила кивнула.

– Но почему? – спросил Ву.

– Предпочту промолчать.

Тила полностью владела собой. Что мог поделать Луис? Будь ей меньше девятнадцати, он бы позвонил ее родителям. Но в двадцать лет она считалась взрослой – где-то в любом случае требовалось провести черту.

Дальнейшие ее действия были совершенно лишними. Внезапно схватив его за руки, она улыбнулась и умоляющим голосом попросила:

– Луис, возьми меня с собой. Я реально везучая. Если бы Несс не сделал правильный выбор, тебе пришлось бы спать одному. А ты этого не выносишь.

Она загнала его в ловушку. Луис не мог не подпустить ее к кораблю Несса, иначе она бы отправилась прямо к кукольнику.

– Ладно, – сказал Ву. – Мы с ним свяжемся.

И он действительно ненавидел спать в одиночестве.

Глава 4

Говорящий-с-Животными

– Я хочу участвовать в экспедиции, – сказала Тила в видеофон.

Кукольник издал протяжный вой в тональности ми-бемоль.

– Прошу прощения? – изумилась девушка.

– Извини, – ответил Несс. – Тебе следует прибыть на космодром в Австралийской пустыне завтра в восемь ноль-ноль. С собой иметь личные вещи весом не более пятидесяти земных фунтов. Луис, к тебе это тоже относится. Ау-у-у... – снова завыл он, задрав головы к небу.

– Ты что, заболел? – с тревогой спросил Луис.

– Нет. Я предчувствую собственную смерть. Ты оказался чересчур убедителен. Прощай. Встретимся на космодроме.

Экран потемнел.

– Вот видишь? – насмешливо заметила Тила. – Видишь, что бывает, когда ты чересчур убедителен?

– Это все мой дар красноречия. Говорят, я прирожденный оратор, так что не вини меня, если умрешь ужасной смертью.

Ночью, уже проваливаясь в сон, Луис услышал, как она сказала:

– Я люблю тебя. Я лечу с тобой, потому что я тебя люблю.

– И я тоже тебя люблю, – сонно ответил он, потом до него вдруг дошло. – Именно об этом ты тогда предпочла промолчать?

– Да.

– Ты готова следовать за мной двести световых лет, потому что не можешь вынести ни минуты без меня?

– Ага, – зевнула Тила.

– Спальня, полумрак, – приказал Луис, и комнату залил мягкий голубой свет.

Они парили на расстоянии фута друг от друга между спальными панелями. Готовясь к космическому полету, они смыли с себя краску и избавились от причесок в плоскоземельном стиле. Коса Луиса стала черной, бритый череп покрыла седая щетина. Желто-коричневая кожа и карие, нисколько не раскосые глаза существенно изменили его облик.

Радикальные перемены произошли и с Тилой. Волосы, теперь темные и волнистые, были завязаны на затылке, кожа обрела свой естественный нордически бледный цвет. На овальном лице выделялись большие карие глаза и маленький строгий рот; нос казался почти неприметным. Она парила в спальном силовом поле, полностью расслабившись, словно рыба в воде.

– Но ведь ты никогда не бывала дальше Луны?.. – сказал Луис.

Она кивнула.

– ...и я не самый лучший в мире любовник. Ты сама мне это говорила.

Снова кивок. Тила Браун не отличалась скрытностью. За двое суток она ни разу не солгала, не утаила правды, не уклонилась от вопросов. Она рассказала Луису о бывших своих двух любовниках – первый потерял к ней интерес спустя полгода, а второй, двоюродный брат, предлагал ей эмигрировать на Гору Погляди-ка. Луис почти не делился с ней собственным опытом, и она, похоже, не возражала против его молчания. Но самой ей молчать отнюдь не хотелось, и она задавала самые дьявольские вопросы.

– Тогда почему именно я? – спросил он.

– Не знаю, – призналась она. – Может, дело в харизме? Все-таки ты герой.

Он был единственным из ныне живущих людей, кто вступил в первый контакт с инопланетной расой. Неужели тот эпизод с тринками будет тянуться за ним до конца его дней?

– Послушай, – попробовал он еще раз. – Я знаю лучшего в мире любовника. Он мой друг, и это его хобби. Он пишет об этом книги и защитил диссертации по физиологии и психологии. За прошедшие сто тридцать лет он...

– Не надо, – сказала Тила, прикрыв уши ладонями. – Не надо.

– Мне просто не хочется, чтобы тебя где-нибудь убило. Ты слишком молода.

Она в замешательстве взглянула на него, словно он вновь употребил обычные слова интерлингвы в бессмысленной фразе. Сердечная травма? Где-нибудь убило? Луис неслышно вздохнул.

– Спальня – объединить поля, – приказал он, и две плоскости в состоянии устойчивого равновесия, не дававшие людям упасть, сдвинулись, став единым целым.

Луис и Тила последовали за ними, скользя под уклон, пока не прильнули друг к другу.

– Эй, я собиралась спать. Но уже не важно...

– Прежде чем отправиться в страну снов, подумай, когда еще нам доведется побыть наедине. На космических кораблях обычно тесно.

– В смысле – мы не сможем заняться любовью? Невмирс, Луис, мне все равно, даже если кто-то нас увидит. Они же инопланетяне.

– Мне не все равно.

Она вновь озадаченно посмотрела на него:

– А если бы они не были инопланетянами? Ты бы стал возражать?

– Да, если только это не очень хорошие знакомые. Что, мои взгляды успели устареть?

– Немного.

– Помнишь друга, о котором я тебе говорил? Лучшего в мире любовника? – спросил Луис. – Так вот, у него была коллега, и она научила меня кое-чему из того, чему он учил ее. Но для этого нужна нормальная сила тяжести, – добавил он. – Спальня – отключить поле.

К ним вновь вернулся вес.

– Ты пытаешься уйти от темы, – заметила Тила.

– Да. Сдаюсь.

– Ладно, но имей в виду: твой друг-кукольник, возможно, хотел, чтобы команда состояла из представителей четырех рас, а не трех. С тем же успехом на моем месте мог бы оказаться какой-нибудь тринок.

– Страшно подумать. А теперь – займемся делом, начиная с позы всадницы...

– Что такое «поза всадницы»?

– Я тебе покажу...

К утру Луис был по-мальчишески рад, что им предстоит отправиться в путь вместе. А когда его вновь одолели сомнения, было уже слишком поздно – причем достаточно давно.

Раса Посторонних торговала информацией. Они дорого покупали и дорого продавали. Купленное ими однажды продавалось снова и снова, поскольку их торговой площадкой являлся весь завиток Галактики и они имели практически неограниченный кредит в банках Человеческого космоса.

Вероятно, они эволюционировали на некоем холодном спутнике газового гиганта наподобие Нереиды, крупного спутника Нептуна. Теперь же они жили в межзвездном пространстве на кораблях величиной с город, обладавших весьма изощренными технологиями: от фотонных парусов до теоретически невозможных с точки зрения человеческой науки двигателей. Если в планетной системе с подходящим мироустройством были потенциальные клиенты, Посторонние арендовали территорию под торговые центры, развлекательные зоны и склады. Полтысячелетия назад они арендовали Нереиду.

– Наверняка это и есть их главная торговая зона. Вон там, – показал Луис Ву одной рукой, держа другую на приборной панели транспортного корабля.

Под ними простиралась неровная ледяная равнина. Солнце выглядело жирной белой точкой, дававшей не больше света, чем полная Луна. В ярком сиянии звезд на равнине виднелся большой лабиринт невысоких стен, а также полусферические здания и скопление маленьких инерционных кораблей класса «земля – орбита» с открытыми космосу пассажирскими отсеками.

– Хотелось бы мне знать, для чего предназначен этот лабиринт, – сказал Говорящий-с-Животными, горой нависая над Луисом. – Для обороны?

– Что-то вроде местных пляжей, – объяснил Ву. – Посторонние питаются термоэлектричеством. Они лежат, выставив головы на свет солнца, а хвосты в тень, и из-за разницы температур в их телах возникает ток. Стены нужны для того, чтобы создавать более четкие границы света и тени.

Несс, успокоившись за десять часов полета, рысил вокруг системы жизнеобеспечения, внимательно ее изучая. Засовывая голову и глаз в самые дальние закоулки, он то и дело бросал через плечо замечания и ответы на вопросы. Его скафандр, мешковатый баллон с прокладкой над скрывавшим мозг горбом, выглядел легким и удобным, а устройства регенерации воздуха и пищи казались необычайно маленькими.

Перед стартом он несколько всех удивил. Внезапно в кабине заиграла музыка, сложная и красивая, богатая минорными тонами, словно печальный зов обезумевшего от страсти компьютера. Используя оба своих рта, изобиловавших свойственными хватательным органам нервами и мышцами, кукольник превратился в ходячий оркестр.

Он настоял, чтобы кораблем управлял Луис, причем настолько доверял его умениям, что даже не стал пристегиваться. Ву подозревал, что в построенном кукольниками корабле имеются специальные потайные устройства для защиты пассажиров.

Говорящий явился на борт с двадцатифунтовым чемоданом, большую часть которого занимала сборная микроволновка для подогрева мяса, а также сырой окорок какого-то существа, скорее с планеты кзинов, чем с Земли. Отчего-то Луис ожидал, что скафандр кзина будет напоминать громоздкие средневековые доспехи. Но на самом деле тот состоял из множества прозрачных баллонов с чудовищно тяжелым ранцем и шарообразным шлемом – в нем находились загадочные органы управления, приводимые в действие языком. Хотя у кзина не было с собой никакого оружия, рюкзак напоминал боевое снаряжение, и Несс настоял, чтобы Говорящий оставил его в грузовом отделении.

Большую часть полета кзин проспал. Теперь же все стояли за спиной Луиса, заглядывая через его плечо.

– Сяду возле корабля Посторонних, – сказал он.

– Нет. Бери восточнее. Мы оставили «Рискованную ставку» подальше от других кораблей.

– Зачем? За вами стали бы шпионить?

– Нет, – ответил Несс. – «Рискованная ставка» использует плазменные двигатели, а не инерционные. Возникающий при взлетах и посадках жар мог бы навредить Посторонним.

– Почему «Рискованная ставка»?

– Так назвал корабль Беовульф Шеффер, единственное разумное существо, когда-либо им управлявшее. Он сделал эксклюзивные голографические снимки взрыва ядра. «Рискованная ставка» – это ведь, кажется, из лексикона игроков?

– Возможно, он не рассчитывал вернуться. Пожалуй, будет лучше, если скажу сразу: я никогда не летал на корабле с плазменным двигателем. Мой корабль использует инерционную тягу, как и этот, – предупредил Луис.

– Придется научиться, – сказал Несс.

– Погодите, – вмешался Говорящий-с-Животными. – У меня был опыт полетов на корабле с плазмой. Так что пилотировать «Рискованную ставку» буду я.

– Не выйдет. Противоперегрузочная капсула пилота рассчитана на человека. И приборная панель тоже привычна только для людей.

Кзин издал сердитое горловое рычание.

– Вот он, Луис. Впереди, – указал Несс.

«Рискованная ставка» представляла собой прозрачный пузырь диаметром в тысячу с лишним футов. Ведя транспортник вокруг бегемотоподобной конструкции, Луис не смог найти на ее поверхности ни единого квадратного дюйма, не забитого зеленовато-бронзовой аппаратурой гиперпространственных двигателей. Корпус «Ставки» (стандартная четвертая модель фирмы «Дженерал продактс», легко узнаваемая каждым, кто разбирался в космической технике) был столь велик, что обычно на нем перевозили целые колонии. Он не выглядел как космический корабль, а скорее напоминал громадный аналог примитивного орбитального спутника, построенного расой, чьи ограниченные ресурсы и технологии вынуждали использовать любую, даже самую крошечную свободную площадь.

– И куда нам садиться? – спросил Луис. – Сверху?

– Кабина внизу. Садись под изгибом корпуса.

Опустив корабль на темный лед, Луис осторожно скользнул вперед, прямо под раздутое брюхо «Рискованной ставки».

Сквозь ее корпус просвечивали огоньки системы жизнеобеспечения. Луис увидел два крохотных помещения: в нижнем едва уместились противоперегрузочная капсула, индикатор массы и подковообразная приборная панель, верхнее было ничуть не просторнее. Луис почувствовал, как Говорящий-с-Животными привстал за его спиной.

– Интересно, – протянул кзин. – Полагаю, Вы намерен занять нижнее отделение, а мы трое – верхнее?

– Да. Втиснуть три противоперегрузочные капсулы в это малое пространство оказалось не так-то просто. Каждая снабжена стазисным полем для максимальной безопасности. Ну а раз мы будем лететь в стазисе, недостаток свободного места не особо важен.

Кзин фыркнул, и Луис ощутил, как тот отходит от его плеча. Подвинув корабль на последнее несколько дюймов, он перевел ряд тумблеров в выключенное положение.

– Есть вопрос, – сказал он. – Нам с Тилой причитается та же плата на двоих, что и одному Говорящему-с-Животными?

– Хочешь больше? – спросил Несс. – Я подумаю.

– Я хочу чего-нибудь такого, что вам уже не нужно, – ответил Луис. – Такого, что вашей расе уже точно не пригодится...

Похоже, он выбрал удачный момент для переговоров; не факт, что из этого могло что-то выйти, но попытаться определенно стоило.

– ...мне нужны координаты планеты кукольников.

Головы Несса покачнулись в разные стороны, затем повернулись друг к другу, уставившись глаз в глаз.

– Зачем? – спросил он.

– Когда-то местонахождение планеты кукольников было самым важным секретом Известного космоса. Ваша собственная раса заплатила бы целое состояние, чтобы его сохранить, – сказал Луис. – Именно в этом и состояла его ценность. Охотники за удачей обшаривали все окрестные звезды класса G и K в поисках вашей планеты. Даже сейчас мы с Тилой могли бы продать эту информацию любой новостной сети за круглую сумму.

– Но что, если эта планета – за пределами Известного космоса?

– Ха, – усмехнулся Луис. – Мой учитель истории тоже высказывал такую версию. В любом случае информация до сих пор стоит денег.

– Прежде чем мы отправимся к нашей конечной цели, – осторожно произнес Несс, – ты получишь координаты планеты кукольников. Но, боюсь, эти данные покажутся тебе скорее неожиданными, нежели полезными.

Он вновь на мгновение уставился в собственные глаза и добавил:

– Обращаю твое внимание на четыре конических выступа...

– Вижу. – Луис уже заметил открытые конусы, направленные наружу и вниз вокруг сдвоенной кабины. – Это и есть плазменные двигатели?

– Да. Как тебе предстоит узнать, «Рискованная ставка» ведет себя практически так же, как и корабль на инерционной тяге, за исключением того что в ней нет искусственной силы тяжести. У наших проектировщиков было мало свободного места. Учитывая принцип действия квантового гиперпривода второго рода, хочу кое о чем предупредить...

– У меня меч-переменец, – заявил Говорящий-с-Животными. – Призываю к спокойствию.

Луис не сразу осознал смысл этих слов. Медленно, стараясь не делать резких движений, он повернулся.

Кзин стоял у изогнутой стены, держа в когтистой лапе нечто вроде гигантской ручки от скакалки. В десяти футах от ручки, точно на уровне глаз кзина, висел маленький светящийся красный шарик. Тонкая проволока, соединявшая шарик с ручкой, была почти невидима, но Луис не сомневался в ее существовании. Защищенная и обретшая твердость с помощью стазисного поля Поработителей проволока могла разрезать большинство металлов, включая спинку противоперегрузочной капсулы Луиса, если бы тот решил за ней спрятаться. А позиция, которую занял кзин, позволяла ему нанести удар в любую точку кабины.

У ног кзина Луис увидел окорок неопознанного инопланетного существа. Он был разорван пополам, и внутри, естественно, зияла полость.

– Я бы предпочел более милосердное оружие, – сказал Говорящий-с-Животными. – Парализатор бы идеально подошел, но у меня не было времени его раздобыть. Луис, убери руки с приборов и положи на спинку кресла.

Ву подчинился. У него возникла мысль поиграть с гравитацией в кабине, но любая попытка привела бы лишь к тому, что кзин разрубил бы его пополам.

– А теперь, если все вы будете сохранять спокойствие, я расскажу вам, что случится дальше.

– Лучше расскажи почему, – предложил Луис, оценивая шансы.

Красная лампочка являлась индикатором, обозначающим, где заканчивается тончайшее проволоочное лезвие. Но если бы удалось схватить конец клинка, не лишившись при этом пальцев... Нет. Она была слишком мала.

– Мои мотивы обоснованны, – сказал Говорящий.

Черные пятна вокруг его глаз приобрели вид бандитской маски из комикса. Кзин не выглядел ни напряженным, ни расслабленным. И стоял он в таком месте, где на него практически невозможно было напасть.

– Я намерен дать моей планете возможность завладеть «Рискованной ставкой», – объяснил он. – Имея ее в качестве образца, мы сможем построить другие такие же корабли, которые дадут нам смертоносное превосходство в следующей войне людей и кзинов, при условии что у людей нет этих чертежей. Удовлетворен?

– Неужели ты испугался того, куда мы летим? – с подчеркнутым сарказмом спросил Луис.

– Нет...

Оскорбление не достигло цели. Да и как кзин мог распознать сарказм?

– ...сейчас все вы разденетесь, чтобы я точно знал, что у вас нет оружия. После этого я прикажу кукольнику надеть скафандр, и мы вдвоем перейдем на «Рискованную ставку». Люди останутся здесь, но я заберу вашу одежду, багаж и скафандры, а этот корабль выведу из строя.

Наверняка Посторонних заинтересует, почему вы не возвращаетесь на Землю, и они придут к вам на помощь задолго до того, как откажет система жизнеобеспечения. Всем все понятно?

Луис Ву расслабился, решив воспользоваться малейшим промахом Говорящего... и тут, краем глаза взглянув на Тилу Браун, он понял ужасное – она собиралась прыгнуть на кзина.

Говорящий разрубил бы ее надвое.

Нужно было действовать, и быстро.

– Луис, давай без глупостей. Медленно встань и отойди к стене. Ты будешь первым, кто-о-о...

Речь кзина оборвалась, превратившись в протяжный вой.

Уже готовый броситься на лохматого прохвоста Луис замер, ошеломленный увиденным.

Говорящий-с-Животными закинул назад большую оранжевую голову и издал почти переходящий в ультразвук мяукающий вопль. Он широко раскинул лапы, словно пытаясь охватить вселенную, и проволочное лезвие меча-переменца рассекло резервуар с водой, не замедлившись ни на мгновение. Вода потекла со всех четырех сторон резервуара, но кзин этого не замечал. Глаза его ничего не видели, уши не слышали.

– Возьми у него оружие, – велел Несс.

Луис осторожно приблизился к Говорящему, намереваясь прыгнуть, если меч-переменец устремится в его сторону. Кзин мягко покачивал им, словно дубинкой, и Луис забрал рукоятку из безвольной лапы. Он коснулся нужной кнопки, и красный шарик втянулся внутрь, исчез.

– Оставь себе, – сказал Несс.

Стиснув челюстями лапу кзина, он повел его к противоперегрузочной капсуле. Кзин не сопротивлялся. Он больше не издавал ни звука, глядя в пустоту, и его громадная пушистая морда не выражала ничего, кроме безбрежного спокойствия.

– Что случилось? Что ты сделал? – спросил Луис.

Говорящий-с-Животными расслабленно мурлыкал, уставившись в пространство.

– Понаблюдай, – ответил Несс, медленно отходя от капсулы кзина.

Его плоские головы были высоко подняты, и он ни на мгновение не сводил глаз с Говорящего.

Внезапно взгляд кзина стал осмысленным. Быстро посмотрев на Луиса, затем на Тилу и Несса, Говорящий издал горестное ворчание, сел и переключился на интерлингву.

– До чего же было приятно... Жаль, что... – Он замолчал. – Что бы ты ни вытворял, – обратился он к кукольнику, – больше такого не повторяй.

– Я решил, что ты интеллектual, – сказал Несс. – И не ошибся. Только интеллектual побоялся бы таспа.

– Ах вот оно что, – кивнула Тила.

– Таспа? – переспросил Луис.

Кукольник повернулся к Говорящему-с-Животными:

– Надеюсь, ты понимаешь, что я буду пользоваться таспом каждый раз, когда ты меня к этому вынудишь. Если ты будешь часто пытаться прибегнуть к насилию или пугать меня, то вскоре станешь зависимым от таспа. Поскольку это хирургически вживленный в меня имплантат, тебе пришлось бы меня убить, чтобы им завладеть. И ты все равно остался бы позорно от него зависим.

– Весьма хитроумно, – сказал Говорящий. – Блестящая тактика. Больше не стану тебя тревожить.

– Невмирс! Может, кто-нибудь все-таки объяснит, что такое этот тасп?

Невежество Луиса удивило всех.

– Он воздействует на центр удовольствия в мозгу, – ответила Тила.

– На расстоянии? – Луис не знал, что подобное возможно даже теоретически.

– Конечно. Он влияет на тебя точно так же, как если бы кто-то подал электрический импульс на вживленный в твой мозг электрод, но для этого вовсе не нужно подсоединять к голове провода. Обычно тасп достаточно мал, чтобы им можно было прицелиться одной рукой.

– Ты когда-нибудь бывала под его действием? Естественно, это никак меня не касается. Его деликатность вызвала у Тилы улыбку.

– Да. Я знаю, каково это. Как будто ты... в общем, словами не описать. Но тасп не применяют к самому себе. Только к кому-то – неожиданно. Это и есть самое забавное. Полиция постоянно вылавливает тасперов в парках.

– Ваши таспы, – сказал Несс, – вызывают менее чем секундный импульс тока. Мой действует примерно десять секунд.

Тасп наверняка произвел на Говорящего-с-Животными внушительный эффект, но у Луиса возникли и другие мысли на этот счет.

– Великолепно. Просто прекрасно! Кто, как не кукольник, стал бы пользоваться оружием, которое доставляет удовольствие противнику?

– Кто, как не гордый интеллектual, стал бы бояться получить столько удовольствия? Кукольник прав, – сказал Говорящий-с-Животными. – Я бы не рискнул еще раз. Слишком частое воздействие таспа кукольника превратило бы меня в его послушного раба. Я, кзин, – и раб травоядного?!

– Давайте перейдем на «Рискованную ставку», – великодушно предложил Несс. – Мы и так уже потратили много времени на банальности.

Луис вошел первым – и вовсе не удивился, что ноги сами пускаются в пляс на каменистой поверхности Нереиды. Он умел передвигаться при низкой силе тяжести, но подсознательно по наивности ожидал, что гравитация изменится, стоит пройти в шлюз. Готовый к возвращению нормальной силы тяжести, он споткнулся и едва не упал, когда та не наступила.

– Раньше у них была наведенная гравитация, – пробормотал Ву, вплывая в кабину пилота. – Ох ты...

Внутри все выглядело крайне примитивно. Повсюду были жесткие прямые углы, вполне подходящие для того, чтобы стукаться о них локтями и коленями. Все казалось более громоздким, чем требовалось. Приборы располагались не на своих местах...

Кабина была не только примитивной, но и маленькой. Когда «Рискованную ставку» еще строили, на ней была искусственная гравитация, но даже на таком корабле, шириной в милю, не хватало пространства для аппаратуры. Едва оставалось место для пилота.

Приборная панель и индикатор массы, кухонный автомат, противоперегрузочная капсула и пространство за ней, куда мог бы втиснуться человек, пригнув голову под низким потолком. Забравшись туда, Луис раскрыл меч-переменец кзина на длину в три фута.

На борт медленно прошагал Говорящий-с-Животными и, не задерживаясь, поднялся в верхнее отделение, предназначенное в качестве комнаты отдыха для единственного пилота корабля. Оттуда были убраны тренажер и экран для чтения, а вместо них стояли три новые противоперегрузочные капсулы, в одну из которых забрался Говорящий.

Луис последовал за ним, хватаясь за скобы. Небрежно держа на виду меч-переменец, он закрыл колпак над капсулой кзина и щелкнул рубильником.

Капсула превратилась в яйцо с зеркальной поверхностью. Время внутри нее остановлено до тех пор, пока Луис не отключит стазисное поле. Если корабль вдруг по случайности врезался бы в астероид из антиматерии, даже корпус производства «Дженерал продактс» стал бы ионизированным паром, а противоперегрузочная капсула кзина нисколько не утратила бы зеркального блеска.

Луис расслабился. Все, что он сейчас проделал, напоминало ритуальный танец, но цель его была оправданна. Говорящий действительно был способен похитить корабль, и тасп не отменял этого факта. Следовательно, не стоило предоставлять кзину подобной возможности.

Вернувшись в кабину, Луис включил связь корабля со скафандрами.

– Прошу на борт, – позвал он Тилу и Несса.

Примерно сто часов спустя Луис Ву уже находился за пределами Солнечной системы.

Глава 5

Розетта

Математика гиперпространства содержит в себе немало аномалий, одна из разновидностей которых окружает любую достаточно большую массу в эйнштейновской Вселенной. Вне подобных аномалий можно путешествовать быстрее света, но стоит кораблю попытаться преодолеть световой барьер внутри аномалии, как он исчезнет без следа.

И теперь «Рискованная ставка» находилась примерно в восьми световых часах от Солнца, за пределами местной солнечной аномалии.

Луис Ву пребывал в состоянии свободного падения. Досаждали неприятные ощущения в тестикулах и диафрагме. Желудок отчаянно порывался избавиться от содержимого. Но Луис знал, что это пройдет, он был охвачен парадоксальным желанием взлететь...

Ему много раз доводилось парить в невесомости – в огромном прозрачном пузыре отеля для отправляющихся в космос пассажиров, который кружил на орбите земной Луны. Но здесь достаточно было энергично взмахнуть руками, чтобы повредить что-нибудь жизненно важное.

Покидая Солнечную систему, Луис решил ускориться со скоростью в два «же». Около пяти дней он работал, ел и спал на пилотской противоперегрузочной кушетке. Несмотря на наличие всех необходимых удобств, он чувствовал себя грязным, неухоженным и, хотя проспал пятьдесят часов, – очень уставшим.

Ему казалось, что его будущее предрежено – главной нотой экспедиции будет дискомфорт.

Небо в глубоком космосе немногим отличалось от ночного небосвода Луны. Планеты Солнечной системы мало что добавляют к виду, который можно наблюдать невооруженным глазом. В южной части Галактики сияла единственная ослепительно-яркая звезда, и это было Солнце.

Луис крутанул маховик, и вместе с ним повернулась «Рискованная ставка». Под ногами поплыли звезды.

Двадцать семь, триста двенадцать, тысяча – такие координаты дал Несс, прежде чем Луис захлопнул над ним колпак противоперегрузочной капсулы. Именно там происходила миграция кукольников. Только теперь Луис понял, что указанная точка – вовсе не в направлении Магеллановых Облаков. Кукольник солгал.

Однако, подумал Луис, до нее около двухсот световых лет, и она лежит на галактической оси. Возможно, кукольники решили покинуть Галактику кратчайшим путем, а затем направиться над ее плоскостью в сторону Малого Магелланова Облака, избежав таким образом межзвездного мусора: солнц, пылевых облаков, сгущений водорода...

Впрочем, особого значения это не имело. Луис занес руки над приборной панелью, словно пианист перед началом концерта.

Ладони его опустились, и «Рискованная ставка» исчезла.

Он старался не смотреть на прозрачный пол и уже перестал удивляться, почему огромные окна ничем не завешены. Вид Слепого Пятна свел с ума немало людей, но были и те, кто мог его вынести. Именно таким человеком и должен был быть пилот «Рискованной ставки».

Вместо этого Луис взглянул на индикатор массы – прозрачную сферу над приборной панелью, из центра которой расходились голубые линии. Ее нестандартно большие габариты выделялись в ограниченном пространстве кабины. Откинувшись на спинку кресла, Луис всмотрелся в сферу.

Вид линий заметно изменился. Ву сосредоточился на одной из них: она медленно ползла вдоль кривизны сферы, что внушало тревогу. При обычных скоростях гиперпривода линии должны были оставаться неподвижными в течение многих часов.

Левая рука Луиса замерла над рычагом аварийного отключения.

Кухонный автомат справа от него выдал порцию имевшего странный вкус кофе, а затем обед, распавшийся на отдельные слои мяса, сыра, хлеба и каких-то листьев. Вероятно, автомат не перепрограммировали уже сотни лет. Радиальные линии внутри индикатора массы удлинились, устремившись вверх подобно минутной стрелке часов, а затем сократились до исчезнувшей точки. Размытая голубая линия в нижней части сферы становилась все длиннее и длиннее... Луис потянул за рычаг.

Под его ногами сиял незнакомый красный гигант.

– Слишком быстро, – проворчал Луис. – Невмирс!

На любом нормальном корабле индикатор массы приходилось проверять примерно раз в шесть часов. На «Рискованной ставке» можно было не успеть даже моргнуть!

Взгляд Луиса упал на яркий красный диск и окружавшие его звезды.

– Невмирс! Я уже за пределами Известного космоса!

Он развернул корабль, желая увидеть звезды. Под ним проносилось чужое небо.

– Они мои, все мои! – сдавленно рассмеялся Луис, потирая руки; во время путешествий ему приходилось развлекать себя самому.

В поле зрения вновь появилась красная звезда, и Луис позволил ей повернуться еще на девяносто градусов. Он так близко подвел к ней корабль, что теперь требовалось ее обогнуть.

К тому времени прошло полтора часа полета.

Через три часа он снова вывалился из гиперпространства.

Чужие звезды его особо не волновали – на большей части Земли звездный свет затмевали огни городов, а Луис Ву вырос плоскоземельцем и первую звезду увидел лишь в двадцать шесть лет.

Убедившись, что находится в свободном космическом пространстве, он закрыл крышку приборной панели и расслабленно потянулся:

– Уфф, у меня глаза стали как вареные луковицы.

Высвободившись из противоперегрузочной сетки, он повис в воздухе, разминая левую кисть, до этого три часа сжимавшую рычаг гиперпривода. Руку словно свело судорогой от плеча до кончиков пальцев. Зацепившись за гимнастические скобы под потолком, он выполнил несколько изометрических упражнений. Спазм прошел, но усталость никуда не делась.

Гм... разбудить Тилу? Было бы неплохо с ней поболтать. А что, прекрасная мысль – взять с собой в следующее путешествие женщину в стагисе и получить все лучшее, что есть в обоих мирах. Но сейчас он казался себе трупом, вынесенным на поверхность с затопленного кладбища. Эх... ладно.

Не стоило пускать ее на борт «Рискованной ставки» – ради его собственного спокойствия. Хватило бы и тех двух дней, что они провели вместе. Как будто кто-то переписал историю Луиса Ву и Паулы Черенковой, добавив к ней счастливый конец. Возможно, так было бы даже лучше.

Тила отличалась некоторой беспечностью, и не только из-за возраста. В круг общения Луиса входили люди разных поколений, и среди его молодых друзей встречались весьма многогранные личности. Именно они наверняка страдали больше всего, как будто душевные терзания составляли часть процесса познания мира. Вероятно, так оно и есть.

Нет, Тиле не свойственно было соперничество, способность ощутить чью-то боль... Однако она умела чувствовать чужое наслаждение, отвечать на него и сама его создавать. Она была изумительной любовницей – мучительно прекрасной, почти новичком в искусстве обольщения, сладострастной, словно кошка, и удивительно раскованной...

Но ни одно из этих качеств не давало ей права называться исследователем.

Тила вела счастливую бесцветную жизнь. Она дважды влюблялась и дважды первой уставала от отношений. Она никогда не попадала в напряженную обстановку, никогда по-настоя-

щему не страдала. Стоит ей хоть раз столкнуться с неподдельной опасностью, и она ударится в панику.

– Но я же сам выбрал ее на роль любовницы, – пробормотал Луис. – Проклятый кукольник!

Если бы Тила хоть раз оказалась в критической ситуации, Несс сразу же отверг бы ее как недостаточно везучую!

Да, брать ее с собой было ошибкой. Она станет для всех помехой. Придется тратить слишком много времени на то, чтобы ее оберегать, рискуя собственным спокойствием.

С какими проблемами они могут столкнуться? Кукольники никогда не переплачивали, как и подобает хорошим бизнесменам. «Рискованная ставка» представляла собой неслыханную ценность, и Луис подозревал, что ее еще придется заслужить.

– На сегодня хватит, – пробормотал он.

Вернувшись в противоперегрузочную капсулу, он около часа отдыхал, надев спальный шлем. Проснувшись, развернул корабль и вновь направил его в Слепое Пятно.

Обратно вынырнул в пяти с половиной часах пути от Солнца.

Координаты кукольников описывали маленький прямоугольный участок неба, видимый со стороны Солнца, и расстояние до него по прямой. На самом же деле это оказался куб с ребром в половину светового года. Где-то внутри него находилась космическая флотилия. И в нем же, если приборы не обманывали Луиса Ву, были он сам и «Рискованная ставка».

Где-то далеко позади осталось звездное скопление примерно в семьдесят световых лет в поперечнике – маленький и очень далекий Известный космос.

Попытаться обнаружить флот не имело никакого смысла – Луис даже не знал, что именно искать. Он пошел будить Несса.

* * *

Уцепившись зубами за скобу для упражнений, Несс заглянул через плечо Луиса и сказал:

– Мне нужны определенные звезды в качестве ориентира. Вот этот бело-зеленый гигант помести в центр и выведи на экран...

В пилотской кабине было тесно. Луис сгорбился над приборной панелью, охраняя кнопки от неосторожных копыт кукольника.

– ...спектральный анализ... так, теперь желто-голубую двойную на шестьдесят градусов... Есть. Разворачивай на триста сорок восемь – семьдесят два.

– Несс, что мы, собственно, ищем? Скопление плазменных выхлопов? Нет, у вас же инерционные двигатели.

– Воспользуйся телескопом. Увидишь – поймешь.

На экране была россыпь безымянных звезд. Луис прибавлял увеличение, пока...

– Пять точек по углам пентагона. Верно?

– Это и есть наша цель.

– Хорошо. Проверим расстояние... Невмирс! Что-то не так, Несс. Они слишком далеко. Комментариев не последовало.

– Это не могут быть корабли, даже если дальномер не работает. Флот кукольников должен перемещаться со скоростью чуть меньше световой. Мы бы заметили движение.

В вершинах правильного пятиугольника располагались тусклые звезды. Расстояние до них составляло одну пятую светового года. Их почти невозможно было различить невооруженным глазом, но при текущем увеличении телескопа они вполне могли быть полноразмерными планетами. Одна из них казалась чуть менее голубой и чуть более тусклой, чем остальные.

Розетта Клемперера. До чего же странно.

Берем три или больше объектов равной массы, помещаем их в вершины равностороннего многоугольника и придаем им равную угловую скорость вокруг их центра масс. Подобная фигура находится в состоянии устойчивого равновесия. Гравитационная система. Орбиты объектов могут быть круговыми или эллиптическими. В центре масс может находиться еще один объект, или центр будет пуст – не важно. Фигура устойчива, словно пара точек Лагранжа. Есть несколько простых способов, с помощью которых объект может быть захвачен точкой Лагранжа; в качестве примера – троянские астероиды Юпитера. Но не существует ни одного простого способа, чтобы пять объектов могли случайно образовать розетту Клемперера.

– Потрясающе, – проговорил Луис. – Даже уникально. Еще никто и никогда не находил розетту Клемперера...

Он замолчал. Что могло освещать эти объекты здесь, между звезд?

– Нет, Несс, ни за что не поверю. За какого идиота ты меня принимаешь?

– Во что не поверишь?

– Невмирс, сам прекрасно знаешь во что!

– Как тебе угодно. Это наша цель, Луис. Если приблизимся, к нам вылетят навстречу.

И действительно, вскоре к ним направился корабль. У него был корпус третьей модели – цилиндр с закругленными краями и плоским брюхом, кричаще розовый, без иллюминаторов. Отсутствовали и сопла двигателей, – видимо, использовались инерционные приводы, как в разработках людей, ну или нечто более совершенное.

Несс распорядился, чтобы Луис ничего не предпринимал, предоставив совершать все маневры другому кораблю. «Рискованной ставке» с ее плазменными двигателями потребовалось бы несколько месяцев, чтобы уравнять скорость с флотом кукольников. Корабль кукольников проделал это меньше чем за час, возникнув из небытия рядом со «Ставкой». В сторону ее шлюза уже тянулся похожий на стеклянную змею переходной туннель.

С высадкой возникала проблема – чтобы сразу освободить из стазисного поля всю команду, не хватало места. И, что важнее, для Говорящего это был последний шанс завладеть кораблем.

– Луис, по-твоему, кзин послушается моего таспа? – спросил Несс.

– Нет. Думаю, он рискнет еще раз и попытается похитить корабль. Лучше сделаем так...

Они отсоединили панель управления от плазменных двигателей «Рискованной ставки». Кзин с легкостью мог бы все исправить, будь у него хоть немного времени и свойственной любому механику интуиции. Но времени у него не было...

Луис посмотрел на идущего по туннелю кукольника, который нес скафандр Говорящего. Несс шел, крепко зажмурив глаза, о чем можно было только сожалеть, поскольку вид открывался потрясающий.

– Невесомость, – пробормотала Тила, когда Луис поднял крышку ее капсулы. – Что-то мне нехорошо. Лучше проводи меня. Что происходит? Мы уже на месте?

Направляясь к шлюзу, Луис сообщил ей некоторые подробности. И хотя она слушала Ву, было ясно, что ее больше беспокоит состояние желудка, – во всяком случае, вид у нее был страдальческий.

– На другом корабле есть сила тяжести, – подбодрил ее Луис.

Тила отыскала в небе крошечную розетту, на которую он показал. Теперь пятиугольник из звезд можно было различить невооруженным глазом. Она ошеломленно повернулась, намереваясь о чем-то спросить, но на резкое движение отреагировал ее вестибулярный аппарат. Луис успел заметить, как она изменилась в лице за мгновение до того, как метнулась в шлюз.

Розетты Клемперера – одно дело, но чрезмерная чувствительность к невесомости – совсем другое. Луис посмотрел вслед Тиле, удаляющейся по туннелю на фоне незнакомых звезд.

– Спокойно, без глупостей, – сказал он, открывая капсулу Говорящего. – Я вооружен.

Выражение оранжевой морды кзина нисколько не изменилось.

– Мы прибыли? – спросил он.

– Да. Я отключил двигатель, и ты ни за что не успел бы подключить его снова. Мы под прицелом пары больших рубиновых лазеров.

– А если бы я решил сбежать в гиперпространство? Нет, ошибаюсь. Мы наверняка внутри аномалии.

– Ты будешь шокирован. В пяти аномалиях.

– В пяти? Это правда? Но, Луис, ты солгал насчет лазеров. Стыдись.

Так Говорящий покинул свою капсулу достаточно мирно. Луис последовал за ним, держа наготове меч-переменец. В шлюзе кзин остановился, внезапно захваченный зрелищем расширяющегося пятиугольника из звезд.

Вид был действительно великолепен.

«Рискованная ставка» вышла из гиперпространства в половине светового часа от флота кукольников – чуть меньше среднего расстояния между Землей и Юпитером. Но их корабли двигались с невероятной скоростью, почти не отставая от излучаемого ими света, поэтому он достигал «Рискованной ставки» со значительно большей дистанции. Когда «Ставка» остановилась, розетка была слишком мала, чтобы ее можно было разглядеть, и едва различима, когда Тила вышла из шлюза. Теперь же пентагон существенно увеличился и продолжал с огромной скоростью расти.

Пятиугольник из голубых точек становился все больше и больше, заняв собой все небо...

В следующий миг «Рискованную ставку» окружили пять планет. А потом исчезли – не потускнели, просто исчезли, сначала покраснев, а затем став невидимыми. В лапе Говорящего-с-Животными вдруг очутился меч-переменец.

– Во имя глаз Финейгла! – взорвался Луис. – Тебе что, совсем не свойственно любопытство?

– Любопытство мне свойственно, – подумав, ответил кзин, – но моя гордость намного сильнее.

Он убрал проволочный клинок и протянул меч-переменец назад Луису:

– Любая угроза означает вызов. Идем?

Корабль кукольников оказался роботом. Большое помещение за шлюзом занимала система жизнеобеспечения. Четыре противоперегрузочные капсулы, индивидуально подогнанные под будущих обитателей, стояли напротив друг друга вокруг автомата с закусками.

Никаких иллюминаторов или окон не было.

Зато, к облегчению Луиса, ощущалась сила тяжести. Однако она была не вполне земной, так же как и чуть превышавшее норму давление. В воздухе витали странные, но не противные запахи: озона, углеводорода, кукольника – точнее, десятков кукольников – и другие, которые Луис даже не рассчитывал опознать.

Углы отсутствовали. Изогнутые стены переходили в пол и потолок. Капсулы и автомат с закусками выглядели так, будто наполовину оплавились. В мире кукольников не существовало ничего твердого или острого, что могло бы нанести рану или поставить синяк.

Несс раскинулся в своей капсуле, производя довольно нелепое впечатление полностью довольного жизнью создания.

– Похоже, говорить он ничего не собирается, – рассмеялась Тила.

– Нет, конечно, – ответил кукольник. – Мне пришлось бы начать все сначала. Вас наверняка интересуют...

– Летающие планеты, – прервал его кзин.

– И розетки Клемперера, – добавил Луис.

Судя по едва слышному гулу, корабль пришел в движение. Луис и кзин сложили багаж и заняли места в капсулах. Тила протянула Ву красный фруктовый напиток в мягком баллоне.

– Сколько у нас времени? – спросил Луис кукольника.

– До посадки – час. Потом вам сообщат о нашей конечной цели.

– Не так уж мало. Ладно, рассказывай. Почему именно летающие планеты? Вряд ли столь уж безопасно швыряться обитаемыми планетами по всему космосу?

– Более чем, Луис! – со всей горячностью заявил Несс. – К примеру, намного безопаснее, чем летать на этом корабле, а он гораздо надежнее по сравнению с большинством человеческих. У нас достаточно опыта в перемещении планет.

– Опыта? Откуда?

– Чтобы это объяснить, мне придется напомнить про тепло и... контроль рождаемости. Вас это не оскорбит и не смутит?

Все замотали головами. Луис сдержался, но Тила рассмеялась.

– Вам следует знать, – сказал Несс, – что контроль рождаемости – невысказанно сложная для нас проблема. Есть лишь два способа избежать рождения потомства. Один из них – сложная хирургическая операция. Другой – полное воздержание от половых актов.

– Но это же кошмар! – возмутилась потрясенная Тила.

– Скорее неудобство. Не поймите меня превратно. Операция не заменяет воздержания, а вынуждает к нему. В наше время ее последствия обратимы, но в прошлом подобное было невозможно. Мало кто из моих сородичей готов добровольно ей подвергнуться.

– Пожалуй, – присвистнул Луис. – Значит, ваш контроль рождаемости зависит от силы воли?

– Да. Воздержание влечет неприятные побочные эффекты, как и у большинства рас, что традиционно приводило к перенаселению. Полмиллиона лет назад нас было полтриллиона в человеческом исчислении. В исчислении кзинов...

– Я умею считать, – сказал Говорящий. – Но, как мне кажется, эти проблемы никак не объясняют необычность вашего флота.

Он не пытался возражать, просто вставил свое замечание, держа в лапах извлеченную из недр автомата полугаллоновую бутылку с двумя ручками:

– В том-то и дело, что связаны. Полтриллиона существ производят немало тепла – побочного продукта цивилизации.

– Вы уже так давно стали цивилизованными?

– Конечно. Какая варварская культура могла бы поддерживать столь огромное население? У нас закончилась плодородная земля, и мы были вынуждены преобразовать под сельское хозяйство две планеты нашей системы. А для этого потребовалось приблизить их к нашему солнцу. Понимаете?

– Это и был ваш первый опыт по перемещению планет. Естественно, с использованием кораблей-роботов.

– Именно... После этого исчезли проблемы с едой, как и с жизненным пространством. Уже тогда мы строили высокие здания, и нам нравится общество друг друга.

– Вне всякого сомнения, стадный инстинкт. Вот почему от этого вашего корабля несет, как от стада кукольников?

– Да, Луис. Запах себе подобных внушает нам уверенность. Единственной нашей проблемой в то время являлось тепло.

– То есть?

– Тепло, вырабатываемое как побочный продукт цивилизации.

– Не понимаю, – пожал плечами Говорящий-с-Животными.

Луис, будучи плоскоземельцем, прекрасно все понял, но воздержался от комментариев. Земля была намного более густонаселенной, чем Кзин.

– К примеру – тебе, Говорящий, хотелось бы иметь ночью источник света? Без него пришлось бы спать, даже будь у тебя дела поинтереснее.

– Это элементарно.

– Предположим, твой источник идеален, то есть излучает только в видимом для кзин спектре. Тем не менее весь свет, который не вышел в окно, поглощается стенами и мебелью, превращаясь в случайно распределенное тепло. Другой пример: на Земле слишком мало природной пресной воды для восемнадцати миллиардов ее населения. Приходится опреснять соленую воду, в процессе чего вырабатывается тепло. Но наша намного более перенаселенная планета погибла бы за сутки, если бы не опреснительные установки. Третий пример: любые транспортные средства всегда рассеивают тепло. Космический корабль, нагруженный зерном с сельскохозяйственных колоний, при возвращении на планету оставляет в ее атмосфере выработанное тепло, не говоря уже о том, что порождается при старте.

– Но системы охлаждения...

– Большинство из них лишь перебрасывают тепло туда-сюда, добавляя к нему еще и производимое ими самими.

– Угуууу... начинаю понимать. Чем больше кукольников, тем больше тепла.

– В таком случае ты понимаешь, что тепло нашей цивилизации губит планету, делая ее непригодной для жизни?

«Смог, – подумал Луис Ву. – Двигатели внутреннего сгорания. Термоядерные бомбы и ракеты в атмосфере. Промышленный мусор в озерах и океанах. Еще немного, и мы захлебнулись бы в отходах собственной жизнедеятельности. Если бы не Комиссия по рождаемости, возможно, сейчас Земля умирала бы от жары, которую сама же и производела».

– Невероятно, – сказал Говорящий-с-Животными. – Почему же вы не улетели?

– Кто бы доверил свою жизнь смертельно опасному космосу? Только такие, как я. Нам что – посылать сумасшедших на освоение новых миров?

– Отправьте груз замороженных оплодотворенных яйцеклеток. Пусть кораблями управляют команды безумцев.

– Мне нелегко объяснять вопросы, связанные с сексом, но наша физиология не приспособлена к подобным методам. Конечно, мы могли бы придумать нечто аналогичное... но с какой целью? Наша численность все равно бы не изменилась, и наша планета все так же умирала бы от избыточного тепла.

– Жаль, что мы не можем выглянуть наружу, – не к месту заметила Тила.

– Ты уверена? – изумился Несс. – Не боишься высоты?

– На корабле кукольников?

– Ну... да. В любом случае вряд ли будет опаснее, если мы немного осмотримся. Ладно. Несс что-то мелодично пропел на своем языке, и корабль исчез.

Они могли смотреть на себя, друг на друга, на повисшие в пустоте защитные капсулы и автомат с закусками посередине. Остальное пространство заполняла чернота космоса, не считая пяти планет, сиявших во всей своей красе позади темных волос Тилы.

Все планеты были одного размера, примерно вдвое больше углового диаметра видимой с Земли полной Луны, и образовывали правильный пятиугольник. Вокруг четырех из них вились цепочки крошечных ярких огоньков – искусственных орбитальных солнц, источавших бело-желтый свет. Эти четыре не отличались ни яркостью, ни обликом – туманные голубые сферы с размытыми с такого расстояния очертаниями материков. Но пятая...

У пятой планеты не было искусственных солнц на орбите. Она сияла собственным светом, покрытая сверкающими пятнами континентов, которые разделяла чернота сродни окружающему ее пространству. И чернота эта тоже была заполнена звездами, словно между ярко освещенными континентами вклинивалась космическая бездна.

– В жизни не встречала ничего прекраснее, – с дрожью в голосе прошептала Тила, и Луис, повидавший на своем веку всякое, с ней согласился.

– Немыслимо, – сказал Говорящий-с-Животными. – С трудом могу поверить. Вы взяли с собой свои планеты?

– Кукольники не доверяют космическим кораблям, – рассеянно заметил Луис, внезапно похолодев при мысли, что Несс мог выбрать вместо него кого-нибудь другого, а он бы никогда не узнал о розетте кукольников...

– Но как?

– Я уже объяснял, – ответил Несс, – что наша цивилизация умирала от собственного избыточного тепла. Преобразование всей доступной энергии из одних видов в другие избавило нас от любых отходов цивилизации, кроме этого единственного. У нас не оставалось иного выбора, кроме как отодвинуть планету подальше от солнца.

– И это не было опасно?

– Очень опасно. В тот год многие стали умалишенными, и по этой причине он вошел в историю. Но мы купили инерционный привод у Посторонних – можешь сам догадаться, сколько нам это стоило. До сих пор выплачиваем кредит. Сдвинув с места две сельскохозяйственные колонии, мы провели эксперимент с другими, бесполезными планетами нашей системы, используя привод Посторонних. У нас получилось. Мы переместили нашу планету. В последующие тысячелетия численность кукольников достигла целого триллиона, – продолжал он. – Из-за нехватки природного солнечного света пришлось освещать улицы и днем, вырабатывая еще больше тепла. В конечном счете был сделан вывод, что солнце представляет для нас скорее помеху, чем ценность. Мы переместили нашу планету на расстояние в одну десятую светового года, используя солнце лишь в качестве якоря. Мы не могли обойтись без сельскохозяйственных колоний, к тому же позволять нашей планете случайно блуждать в космосе было чересчур опасно. Иначе солнце вообще бы нам не понадобилось.

– Так вот почему никто так и не нашел планету кукольников, – сказал Луис Ву.

– В том числе и поэтому.

– Мы обшарили окрестности каждого желтого карлика в Известном космосе и даже за его пределами. Погоди-ка, Несс. Кто-то ведь должен был наткнуться на сельскохозяйственные планеты, расположенные в виде розетты Клемперера!

– Луис, они искали не те солнца.

– Что? Вы же явно родом из системы желтого карлика.

– Мы эволюционировали в лучах желтого карлика, похожего на Процион. Надеюсь, тебе известно, что через полмиллиона лет Процион перейдет в стадию красного гиганта?

– Во имя мощных лап Финейгла! Ваше солнце взорвалось, превратившись в красный гигант?

– Да. Вскоре после того, как мы завершили перемещение планеты, наше солнце начало расширяться. В то время предки людей все еще раскалывали черепа врагов бедренной костью антилопы. А когда вас заинтересовало, где же мы находимся, вы стали искать не на тех орбитах вокруг не тех солнц. Мы позаимствовали подходящие планеты из близлежащих систем, увеличив число сельскохозяйственных колоний до четырех и расположив их в виде розетты Клемперера. Когда солнце начало распухать, мы были вынуждены снова переместить их все, снабдив источниками ультрафиолета, чтобы компенсировать красное излучение. Как ты понимаешь, когда двести лет назад пришло время покинуть Галактику, мы уже были хорошо подготовлены, с нашим-то опытом перемещения планет.

Какое-то время розетта продолжала увеличиваться. Планета кукольников теперь сияла прямо у исследователей под ногами, поднимаясь все выше и выше. Разбросанные звезды в черных морях превратились в пятнышки маленьких островов. Континенты пылали солнечным огнем.

Много лет назад Луис Ву стоял у края бездны на Горе Погляди-ка над рекой Длинный Водопад. Она заканчивалась самым высоким во всем Известном космосе водопадом, подножие которого скрывалось в тумане. Захваченный, загипнотизированный небывалым зрелищем, Луис тогда поклялся, что будет жить вечно. Как еще он мог бы увидеть все сущее в мире? И теперь, наблюдая, как приближается планета кукольников, он лишь укрепился в своем решении.

– Я полностью обескуражен, – сказал Говорящий-с-Животными; его голый розовый хвост возбужденно ходил из стороны в сторону, хотя ни на пушистой морде, ни в хриплом голосе не отражалось ни малейших эмоций. – Ваша трусость, Несс, заслуживала нашего презрения, но именно оно нас ослепило. Вы действительно опасны. Если бы вы по-настоящему нас боялись, вы бы покончили с нашей расой. Ваше могущество повергает в ужас. Мы не смогли бы вас остановить.

– Но травоядным ведь не испугать кзинов.

В словах Несса не было ни тени насмешки, но Говорящий яростно оскалился:

– Какой разумный не стал бы опасаться подобного могущества?

– Ты меня разочаровываешь. Страх – собрат ненависти. Нормальный кзин, не раздумывая, атаковал бы то, чего он боится.

Разговор начинал сворачивать в опасное русло. Учитывая, что «Рискованная ставка» осталась в миллионах миль позади, а от Известного космоса команду отделяли сотни световых лет, исследователи находились практически в полной власти кукольников. И если у кукольников найдется причина всерьез их опасаться...

Нужно было сменить тему, и побыстрее. Луис уже открыл рот...

– Эй, – сказала Тила. – Вы тут все говорите про какие-то розетки Клемперера. Что это вообще такое?

Оба инопланетянина наперебой принялись отвечать, и Луис подумал, что, возможно, зря считал Тилу легкомысленной.

Глава 6

Рождественская лента

– Что ж, Несс, неплохую шутку ты со мной сыграл, – сказал Луис Ву. – Теперь я знаю, где искать планету кукольников. Весьма любезно с твоей стороны. Ты сдержал свое обещание.

– Я же предупреждал, что информация скорее тебя удивит, нежели окажется полезной.

– Остроумная шутка, Несс, – согласился с Луисом кзин. – Не думал, что у тебя есть чувство юмора.

Внизу, посреди черного моря, появился крошечный, очертаниями похожий на угря остров, который на глазах стал расти, словно огненная саламандра. Всмотревшись, Луис начал смутно различать высокие стройные здания. Пришельцам здесь не доверяли настолько, чтобы пустить их на континент.

– Мы не шутим, – ответил Несс. – Моя раса не обладает чувством юмора.

– Странно. Мне казалось, что юмор – признак интеллекта.

– Нет. Юмор связывают с ослаблением защитного механизма.

– И тем не менее...

– Говорящий, ни одно разумное существо не допустит ослабления защитного механизма.

По мере того как корабль опускался все ниже, неясные огни превращались в солнечные панели вдоль улиц, окна зданий, источники света на парковках. В последнее мгновение Луис заметил изящные, словно клинки рапиры, сооружения высотой в несколько миль. Затем город поглотил исследователей, и они совершили посадку.

Вокруг простирался парк с разноцветными инопланетными растениями.

Ни одной живой души.

Кукольники являлись вторыми по степени внешней безобидности разумными существами в Известном космосе – слишком робкими, маленькими и странными, чтобы внушать страх. Они казались милыми и забавными.

Но внезапно Несс стал представителем расы намного более могущественной, чем люди могли даже мечтать. Безумный кукольник сидел не шелохнувшись, наблюдая за низшими существами, которых сам же и выбрал. В его облике уже не было ничего забавного. Его раса могла передвигать целые планеты – по пять сразу.

Неожиданно раздавшийся смешок Тилы заставил всех вздрогнуть.

– Я тут подумала, – объяснила она, – единственный способ, чтобы не расплодилось много крошек-куколят, – вообще не заниматься сексом. Так, Несс?

– Да.

– Неудивительно, что у кукольников нет чувства юмора, – снова засмеялась Тила.

Перед ними появился парящий путеводный голубой огонек. Они проследовали за ним через парк, выглядевший чересчур правильным, чересчур симметричным и чересчур ухоженным. Воздух был насыщен пряным химическим запахом кукольников. Стойкий и искусственный в системе жизнеобеспечения транспортного корабля, он нисколько не уменьшился, когда открылся шлюз. Триллион кукольников вносили в атмосферу планеты свой аромат, и не оставалось никаких сомнений, что она будет пахнуть точно так же до скончания веков.

Несс шел легко, будто пританцовывал, едва касаясь когтистыми копытцами упругой дорожки. Кзин скользил по-кошачьи, ритмично водя из стороны в сторону голым розовым хвостом. Звук шагов кукольника напоминал чечетку в размере три четверти. Кзин передвигался абсолютно неслышно. Столь же бесшумной была походка Тилы. Хотя девушка всегда казалась неловкой, она ни разу в жизни не споткнулась и ни на что не налетела. Луис же выглядел наименее грациозным из всей команды.

Но с чего было быть грациозным Луису Ву, эволюционировавшей обезьяне, что так до конца и не приспособилась к ходьбе по твердой поверхности? Миллионы лет его предки перемещались на четвереньках и при первой же возможности взбирались на деревья. Тотальная засуха в эпоху плиоцена положила этому конец. Леса исчезли, и голодные, беззащитные предки Луиса Ву от безысходности начали есть мясо. Ситуация несколько улучшилась, когда они овладели секретом бедренной кости антилоп, это ее двойные шишкообразные выпуклости оставили след на множестве ископаемых черепов.

И вот теперь Луис Ву и Тила Браун шли в компании инопланетян, переступая ногами с рудиментарными пальцами.

Инопланетяне? Да здесь они все были такими, даже безумный изгнанник Несс спокойно озирался по сторонам, вращая обеими головами, и его неухоженная коричневая грива подрагивала. Говорящему тоже было не по себе. Он, с черными пятнами вокруг глаз, обшаривал взглядом растительность на предмет ядовитых жал или острых как бритва клыков – вероятно, чисто инстинктивно. Вряд ли кукольники позволили бы обитать в своих парках опасным зверям.

Они подошли к куполу, сверкавшему, словно огромная, наполовину вросшая в землю жемчужина, и парящий огонек тут же разделился на два.

– Я должен вас покинуть, – сказал Несс, по виду охваченный ужасом. – Мне предстоит встреча с теми-кто-правит, – негромко пояснил он, откровенно спеша. – Говорящий, если я не вернусь, ты станешь меня искать, чтобы убить за оскорбление, которое я нанес тебе в ресторане «Крушенко»?

– Есть риск, что ты можешь не вернуться?

– Определенный – есть. Вдруг тем-кто-правит не понравится то, что я им расскажу. Еще раз спрашиваю: будешь меня выслеживать?

– Здесь, на чужой планете, среди могущественных созданий, которые даже не верят в мирные намерения кзина? – Говорящий решительно хлестнул хвостом. – Нет. Но и участвовать дальше в экспедиции я тоже не буду.

– Меня это вполне устраивает, – подытожил Несс и зарысил следом за путеводным огоньком, заметно дрожа.

– Чего он боится? – удивилась Тила. – Он сделал все, что ему велели. Зачем кому-либо на него злиться?

– Думаю, Несс что-то замышляет, – ответил Луис. – Он себе на уме. Но что?

Голубой огонек двинулся дальше, и они вошли следом за ним в радужный купол.

Купол исчез. Сидя на кушетках, два человека и кзин смотрели, как сквозь укрощенные джунгли ярких инопланетных растений к ним приближается незнакомый кукольник. Либо купол сам был невидим изнутри, либо изображение парка являлось проекцией.

В воздухе пахло толпой кукольников.

Незнакомец преодолел последнюю завесу свисающих пурпурных стебельков. Луис вдруг вспомнил, как сначала принимал Несса за существо неопределенного пола и только потом стал считать, что это «он». В том, что Говорящий тоже «он», у Луиса не было сомнений с первого взгляда.

Кукольник остановился возле самой предполагаемой границы жемчужного купола. Грива его была серебристой, а не коричневой, как у Несса, и уложена в сложные завитки, но голос ничем не отличался от бархатистого контральто Несса.

– Приношу извинения, что не могу приветствовать вас лично. Обращайтесь ко мне по имени Хирон...

Значит, это была всего лишь проекция. Луис и Тила что-то вежливо пробормотали в ответ. Говорящий-с-Животными оскалил клыки.

– Тому, кого вы называете Нессом, известно все, что предстоит узнать и вам. Его присутствие сейчас необходимо в другом месте, но он упомянул о вашей реакции, когда вы узнали о наших умениях.

Луис поморщился.

– Возможно, оно и к лучшему, – продолжал кукольник. – Вы поймете намного больше, узнав о нашей собственной реакции на куда более амбициозное творение инженерного искусства.

Половина купола почернела – та, что была напротив проекции кукольника, к нескрываемой досаде Луиса. Он нашарил рычаг, вращавший кушетку, и подумал, что ему понадобилось бы две головы с независимыми друг от друга глазами, чтобы одновременно отслеживать обе части купола. На потемневшей стороне появился маленький сверкающий диск посреди усыпанного звездами космоса.

Диск был окружен кольцом. Картина ничем не отличалась от увеличенной голограммы в кармане Луиса Ву.

Миниатюрный, сияющий белизной источник света во многом напоминал Солнце, видимое из окрестностей Юпитера. Диаметр кольца был огромен – оно охватывало половину темной стороны купола, но ширина его составляла немногим больше, чем размеры источника света у его оси. Ближняя его сторона была черной и с резко очерченными краями. Дальняя тянулась сквозь космос, словно бледно-голубая лента.

Луис постепенно уже начал привыкать к чудесам, но еще не настолько, чтобы строить нелепые догадки, поэтому просто спросил:

– Похоже на звезду, окруженную кольцом. Что это?

Ответ Хирона несколько его не удивил.

– Это и есть звезда, окруженная кольцом. Кольцом из твердого вещества. Искусственным.

Тила Браун хлопнула в ладоши и рассмеялась. Подавив смех несколько мгновений спустя, она попыталась обрести серьезный вид, но в глазах остался озорной блеск. Луис прекрасно ее понимал – он сам испытывал не меньшую радость. Звезда в кольце стала личной игрушкой для них обоих, чем-то новым в унылой вселенной.

(«Берем голубую рождественскую ленту шириной в дюйм, вроде тех, которыми обвязывают подарки, – думал Луис. – Ставим на голый пол зажженную свечу. Отматываем пятьдесят футов ленты и окружаем ею свечу, установив ленту на ребро, так что свет отражается от ее внутренней стороны».)

Хвост кзина беспрестанно ходил туда-сюда, туда-сюда.

(«И все-таки там в середине вовсе не свеча, а целое солнце!»)

– На данный момент вам известно, – продолжал Хирон, – что мы движемся на север вдоль галактической оси в течение последних двухсот четырех ваших земных лет. В годах кзинов это будет...

– Двести семнадцать.

– Да. В течение всего этого времени мы, разумеется, наблюдали за простирающимся перед нами космосом, чтобы избежать возможных опасностей. Мы знали, что звезда ЕС-1752 окружена нехарактерно плотным и узким поясом темной материи. Предполагалось, что кольцо состоит из пыли или камней, однако нас удивила его правильная форма. Около девяноста дней назад наша флотилия достигла той точки, где кольцо перекрывало саму звезду. Мы увидели, что оно имеет четко очерченные края. Дальнейшие исследования показали, что кольцо состоит не из газа и пыли, даже не из астероидной породы, но представляет собой сплошную, весьма прочную ленту. Естественно, это повергло нас в ужас.

– Как вам удалось определить его прочность? – спросил Говорящий-с-Животными.

– Основываясь на данных спектрального анализа и смещениях частот, мы вычислили относительную разницу скоростей. Кольцо вращается вокруг звезды со скоростью семьсот

семьдесят миль в секунду – достаточно высокой, чтобы скомпенсировать тяготение звезды и обеспечить добавочное центростремительное ускорение в девять целых и девяносто четыре сотых метра в секунду за секунду. Вы представьте, какая требуется прочность на разрыв, чтобы подобная структура не рассыпалась на части!

– Гравитация, – сказал Луис.

– Похоже на то.

– Гравитация. Чуть меньше земной силы тяжести. Кто-то там живет, на внутренней поверхности. Ничего себе... – развил свою мысль Луис, только теперь по-настоящему осознавая масштабы открытия, и тотчас же почувствовал, как зашевелились волосы у него на затылке.

Послышался свист расклевывающего воздух хвоста кзина.

Людям не впервые доводилось встречаться с теми, кто их превосходил. И пока что им везло...

Внезапно Луис встал и направился к стене купола. Это ничем ему не помогло – кольцо и звезда удалялись при его приближении, пока он не коснулся гладкой поверхности. Но он заметил кое-что, чего не видел раньше.

Кольцо напоминало шахматную доску – его голубую внешнюю сторону покрывали прямоугольные тени правильной формы.

– Можете сделать изображение получше?

– Мы можем его увеличить, – ответил голос-контральто.

Звезда класса G2 прыгнула вперед, затем метнулась вправо, так что Луис теперь смотрел на освещенную внутреннюю поверхность кольца. Картинка была размытой, и он мог лишь предполагать, что яркие белые участки – возможно, облака, более темные – суша, а голубые – море.

Куда лучше были видны тени на внешней поверхности. Казалось, будто кольцо разбито на прямоугольники – за длинной голубой полосой следовала более короткая темно-синяя, а за ней снова длинная голубая. Точки и тире.

– Что-то ведь отбрасывает эти тени, – заметил Луис. – Какие-то объекты на орбите?

– Именно так. На орбите, намного ближе к звезде, вращаются двадцать правильных прямоугольников, образуя розетку Клемперера. Их назначение нам неизвестно.

– Вы и не смогли бы его понять – слишком много времени прошло с тех пор, как у вас было собственное солнце. Эти прямоугольники на орбите наверняка отделяют день от ночи. Иначе на кольце всегда был бы полдень.

– Теперь ты понимаешь, почему мы обратились к вам за помощью? Твоя инопланетная проницательность – величайшая ценность для нас.

– Да, ну и насколько громоздко это кольцо? Вы исследовали его основательно? Посылали зонды?

– Мы изучили его, насколько смогли, не замедляя скорости нашего движения и не привлекая к себе внимания. Зонды мы, естественно, не посылали. Пришлось бы управлять ими на расстоянии с помощью гиперволн, и их след мог бы привести к нам.

– Гиперволновой сигнал нельзя отследить. Это теоретически невозможно.

– У тех, кто построил кольцо, могут быть иные теории.

– Гм...

– Но мы исследовали его с помощью других средств...

При этих словах Хирона изображение на стене купола сменилось на черно-белое, с зыбкими очертаниями.

– ...мы сделали его фотографические и голографические снимки во всех электромагнитных диапазонах. Если вам интересно...

– Что-то на них не видно подробностей.

– Да, много искажений от гравитационных полей, солнечного ветра, а также межзвездной пыли и газа. Наши телескопы неспособны на большее.

– Значит, вы не так уж и много узнали.

– Я бы сказал – достаточно. В том числе нечто весьма странное – кольцо, судя по всему, задерживает порядка сорока процентов нейтрино.

Тиля непонимающе уставилась на Хирона, но Говорящий издал удивленное ворчание, а Луис негромко присвистнул.

Подобное казалось невозможным.

Обычное вещество, даже сжатое в миллионы раз в ядре звезды, практически не могло остановить поток нейтрино. Любой нейтрино с вероятностью пятьдесят на пятьдесят был способен преодолеть слой свинца толщиной в несколько световых лет. Объект в стазисном поле Поработителей отражал все нейтрино, как и корпус производства компании «Дженерал продактс».

Но ничто во вселенной не в состоянии было остановить сорок процентов нейтрино, пропустив все остальные.

– Это что-то новенькое, – заметил Луис. – Хирон, как велико это кольцо? Оно очень массивно?

– Его масса составляет два на десять в тридцатой степени граммов, радиус – девяносто пять сотых на десять в восьмой степени миль, а ширина – чуть меньше десяти в шестой миль.

Луису не хотелось мыслить абстрактными степенями, и он попытался перевести числа в образы.

Он был прав, представляя себе рождественскую ленту шириной в дюйм, поставленную на ребро и свернутую в петлю. Радиус кольца был девяносто с лишним миллионов миль – оно имело примерно шестьсот миллионов миль в длину, но чуть меньше миллиона миль в ширину, от края до края. Масса его была чуть больше, чем у Юпитера...

– Странно, оно не выглядит тяжеленным, – сказал Ву. – Нечто подобной величины должно весить с хорошую звезду.

– Довольно трудно вообразить миллионы существ, живущих на сооружении толщиной с книгу, – согласился кзин.

– Интуиция вас подводит, – возразил кукольник с серебристой гривой. – Сопоставьте размеры. Если бы кольцо было сделано, к примеру, из того же металла, что и корпуса наших кораблей, его толщина составила бы примерно пятьдесят футов.

Пятьдесят футов? В подобное тяжело было поверить.

Тила смотрела в потолок, беззвучно, но быстро шевеля губами.

– Он прав, – кивнула она. – Расчеты сходятся. Но зачем? Зачем кому-то строить такую штуковину?

– Ради места.

– Места?

– Жизненного пространства. – уточнил Луис. – В том и суть. Шестьсот триллионов квадратных миль поверхности – в три миллиона раз больше земной суши. Примерно как три миллиона планет, отображенных на плоскость и расположенных бок о бок. Три миллиона планет на расстоянии поездки на аэрокаре. Решаются любые проблемы с перенаселением. А проблема у них, судя по всему, была тяжелой – за подобные проекты просто так не берутся.

– Кстати, – заметил кзин, – Хирон, вы не искали другие такие же кольца в окрестностях ближайших звезд?

– Да, мы...

– И ни одного не нашли. Как я и думал. Если бы построившая это кольцо раса умела путешествовать быстрее скорости света, они бы расселились у других звезд и им бы не потребовалось кольцо. И потому оно только одно.

– Да.

– Что ж, это вселяет уверенность. Мы превосходим создателей кольца по крайней мере в одном отношении. – Кзин внезапно поднялся. – Нам предстоит исследовать пригодную для жизни поверхность кольца?

– Физическая посадка может оказаться слишком рискованной...

– Чушь. Мы должны осмотреть корабль, который вы для нас приготовили. Достаточно ли универсальна его посадочная система? Когда отправляемся?

Хирон издал нестройный удивленный свист:

– Да ты с ума сошел. Представь себе могущество тех, кто построил кольцо! По сравнению с ними моя собственная цивилизация выглядит дикой!

– Или трусливой.

– Что ж, ладно. Можете отправиться осматривать свой корабль, когда вернется тот, кого вы называете Нессом. А пока предлагаю ознакомиться с другими данными.

– Испытываешь мое терпение, – проворчал кзин, но все же сел.

«Ты отлично сыграл, – подумал Луис. – Я тобой горжусь».

С легким холодком в желудке, он вернулся на свою кушетку, глядя на летящую среди звезд голубую ленту. Человек вновь встретил превосходящих его существ.

Первыми были кзины.

Когда люди впервые воспользовались плазменными двигателями для межзвездных полетов, кзины уже применяли гравитационный поляризатор, благодаря чему их корабли были быстрее и маневреннее земных.

Соппротивление, оказанное людьми флоту кзинов, стало бы символическим, если бы не Урок кзинов: реактивный двигатель – оружие, разрушительная сила которого находится в прямой зависимости от его действенности в качестве двигателя.

Первое вторжение в Человеческий космос стало для кзинов сокрушительным ударом. Люди столь долго вели мирную жизнь, что практически забыли о самом понятии войны. Но их межзвездные корабли использовали плазменные фотонные двигатели, которые приводились в действие сочетанием фотонного паруса и установленной на астероиде лазерной пушки.

Телепаты кзинов продолжали докладывать о полном отсутствии оружия на человеческих планетах... в то время как гигантские лазерные орудия разносили корабли кзинов на куски, а мобильные пушки поменьше преодолевали сопротивление их собственных лучей...

Из-за неожиданного людского отпора и непреодолимого светового барьера война длилась десятилетия, а не годы. Но кзины рано или поздно победили бы – если бы не корабль Посторонних, случайно наткнувшийся на маленькую человеческую колонию Мы Это Сделали. Пришельцы продали в кредит тамошнему мэру секрет своего гиперпривода. На Мы Это Сделали не знали о войне с кзинами, но о ней им стало известно достаточно быстро, когда они построили несколько сверхсветовых кораблей.

Против гиперпривода у кзинов не было никаких шансов.

Позднее появились кукольники, основавшие торговые фактории в Человеческом космосе...

Землянам чрезвычайно повезло. Они трижды сталкивались с технологически опережавшими их расами. Кзины сокрушили бы людей, если бы не гиперпривод Посторонних, которые, со своей стороны, тоже превосходили человечество, но им от людей ничего не требовалось, кроме снабженческих баз и информации, и все это они могли купить. В любом случае Посторонние, хрупкие создания с основанным на гелии метаболизме, были уязвимы к теплу и гравитации, из них не могли получиться хорошие воины. А невероятно могущественные кукольники оказались трусливыми.

Кто построил Мир-Кольцо? И... были ли они воинами?

Лишь много месяцев спустя Луис понял, что ложь, на которую пошел кзин, стала поворотным пунктом и для него самого. Тогда он мог отказаться – естественно, ради Тилы. Мир-Кольцо выглядел достаточно пугающе даже как числовая абстракция, не говоря уже о том, чтобы приблизиться к нему на космическом корабле, высадиться туда...

Но Луис видел, в какой ужас повергли кзина летающие планеты кукольников. Ложь Говорящего стала выдающимся проявлением отваги. Смог бы Луис сам теперь показать себя трусом?

Сев, он снова повернулся к сияющей проекции. Встретившись взглядом с Тилой, мысленно выругался – весь ее вид выражал любопытство и радость. Ей не терпелось отправиться навстречу новым приключениям, причем, в отличие от кзина, совершенно искренне. Неужели она была настолько глупа, что ничего не боялась?

На внутренней стороне кольца имелаась атмосфера. Спектральный анализ показывал, что плотность воздуха близка к земной, как и его состав, так что люди, кзин и кукольник могли им дышать. Оставалось догадываться, почему атмосферу не срывает с кольца, – для этого требовалось слетать туда самим и посмотреть.

В системе этой звезды класса G2 больше не было ничего, кроме самого кольца, – ни планет, ни астероидов, ни комет.

– Они ее расчистили, – сказал Луис, – чтобы ничто не могло случайно угодить в кольцо.

– Естественно, – ответил кукольник с серебристой гривой. – Любой удар в кольцо пришелся бы со скоростью его вращения – семьсот семьдесят миль в секунду. Сколь бы ни был прочен материал кольца, всегда оставалась бы опасность, что какой-то объект, миновав его внешнюю сторону и пролетев мимо звезды, ударит в незащищенную обитаемую внутреннюю поверхность.

Местное солнце само по себе было желтым карликом, чуть холоднее земного Солнца и чуть меньше его.

– Придется надеть на кольцо теплозащитные скафандры, – заметил кзин, пытаясь, как показалось Луису, свыкнуться с неприятной мыслью.

– Нет, – ответил Хирон. – Температура на внутренней поверхности терпима для всех наших рас.

– Откуда ты знаешь?

– Частота инфракрасного излучения, испускаемого внешней поверхностью...

– Держишь меня за дурака?

– Вовсе нет. Мы изучали кольцо с момента его открытия, в то время как в твоём распоряжении было всего несколько восьмых долей минуты. Инфракрасное излучение свидетельствует о средней температуре в двести девяносто градусов выше абсолютного нуля, что, разумеется, относится и к внутренней, и к внешней стороне кольца. Для тебя, Говорящий-с-Животными, это будет означать примерно на десять градусов теплее нормы. Для Луиса и Тилы это норма. Пусть наше внимание к деталям не сбивает тебя с толку и не пугает, – добавил Хирон. – Мы бы не позволили никому там высадиться, разве что на этом настояли бы сами строители кольца. Но мы хотим, чтобы вы были готовы к любым случайностям.

– У вас есть подробности рельефа поверхности?

– Увы, нет. Разрешающей способности наших приборов для этого недостаточно.

– Можно кое-что предположить, – заметила Тила. – Например, тридцатичасовые сутки, – должно быть, именно с такой скоростью вращалась планета, откуда они родом. Не думаете, что это и есть их родная система?

– Да, именно так мы полагаем, поскольку у них, судя по всему, не было гиперпривода, – сказал Хирон. – Но, возможно, они могли бы переместить свою планету в другую систему, используя нашу технологию.

– Что им и следовало сделать, – прорычал кзин, – вместо того чтобы уничтожать собственную систему в процессе строительства кольца. Думаю, их система окажется где-то неподалеку и будет лишена планет, как и эта. Скорее всего, они освоили и заселили все планеты в своей системе, а потом уже пошли на этот, более отчаянный шаг.

– Отчаянный? – переспросила Тила.

– Позже, закончив строительство кольца вокруг солнца, они вынуждены были переместить в эту систему все свои планеты, чтобы переправить туда население.

– Может, и нет, – сказал Луис. – Если кольцо находилось достаточно близко от их системы, они могли воспользоваться для его заселения большими досветовыми кораблями.

– Но почему это «отчаянный шаг»?

Все посмотрели на Тилу.

– Я думала, они построили кольцо для... для... – Она запнулась. – Потому что им так хотелось.

– Ради забавы? Или красивого вида? Чтоб тебя Финейгл пришиб! Тила, только представь, какие им пришлось привлечь для этого ресурсы. Не забывай об их проблемах с перенаселением – к тому времени, когда им потребовалось кольцо в качестве жизненного пространства, они, наверное, уже не могли позволить себе подобного, но все-таки его построили, ведь им некуда было деться.

– Гм... – озадаченно хмыкнула Тила.

– Несс возвращается, – сказал Хирон и, не говоря больше ни слова, повернулся и рысью выбежал в парк.

Глава 7

Шагодиски

– Как-то это грубо с его стороны, – заметила Тила.

– Хирон не хочет встречаться с Нессом. Разве я тебе не говорил? Они считают Несса... сумасшедшим.

– Они все сумасшедшие.

– Ну... сами они другого мнения, но в общем ты права. Все еще хочешь туда отправиться?

В ответ Тила лишь бросила на Луиса тот же непонимающий взгляд, как и тогда, когда он пытался донести до нее смысл сердечной травмы.

– Хочешь, – грустно подтвердил он.

– Конечно. Кто бы не хотел? Чего бояться кукольники?

– Да, ясно, что кукольники – трусы, – сказал Говорящий-с-Животными. – Но я никак не могу разобраться, почему им постоянно хочется знать больше, чем уже известно. Луис, они ведь миновали окольцованное солнце, летя почти со скоростью света. Те, кто построил кольцо, несомненно, не могут путешествовать со сверхсветовой скоростью. Соответственно, никакой опасности для кукольников нет – ни сейчас, ни когда-либо. Для меня довольно туманна наша роль во всем этом.

– Неудивительно.

– Мне следует воспринимать это как оскорбление?

– Нет, конечно же. Проблемы с перенаселением у нас, а не у вас. Как бы ты проникся?

– Пожалуй. Объясни, будь любезен.

Луис вглядывался в прирученные джунгли, высматривая Несса.

– Несс сумел бы изложить намного лучше. Жаль. Ладно, представь себе триллион кукольников на этой планете. Сможешь?

– Я могу почуять каждого из них. И от этой мысли меня пробирает дрожь.

– А теперь представь их на Мире-Кольце. Так лучше?

– Угуууу... да. Когда места больше чем в восемь в седьмой степени раз... Но я все равно не понимаю. Полагаешь, кукольники планируют захватить кольцо? Но как они потом переберутся туда сами? Они не доверяют космическим кораблям.

– Не знаю. Они в любом случае не воинственны. Суть не в этом. Суть в другом – безопасно ли жить на кольце?

– Угуууу.

– Вот видишь? Возможно, они замышляют построить свои собственные Миры-Кольца. Или рассчитывают найти такое же пустое где-нибудь в Магеллановых Облаках. Кстати, надежда не столь уж неоправданная. Но это не важно. Прежде чем они что-то предпримут, им нужно знать, что это полностью безопасно.

– Вон идет Несс, – сказала Тила и подошла к невидимой стене. – Похож на пьяного. Кукольникам случается напиваться?

Несс не бежал рысью, как обычно, а шел на цыпочках, переставляя ноги по одной зараз и быстро поводя туда-сюда плоскими головами. С преувеличенной осторожностью обходя лежавшее на земле четырехфутовое ярко-желтое перо, он уже почти добрался до купола, когда на его горб опустилось нечто похожее на большую черную бабочку. Издав пронзительный вопль, Несс прыгнул вперед, словно преодолевая высокий забор, и покатился по земле. Остановившись, он замер, сжался в комок и, выгнув спину, подобрал под себя копыта, засунув между передними ногами головы и шеи.

Луис сорвался с места.

– Депрессивный цикл! – крикнул он через плечо.

Найдя отчасти по памяти, отчасти благодаря везению вход в прозрачный купол, Луис бросился через парк.

От цветов пахло кукольниками.

(«Если вся жизнь на этой планете имела одну и ту же химическую основу, то как Несс мог получать питательные вещества из теплого морковного сока?»)

Следуя вдоль зигзагообразной ухоженной изгороди пыльно-оранжевого цвета, Луис пробежал к Нессу и присел рядом:

– Это я, Луис. Тебе ничто не угрожает.

Осторожно протянув руку, он мягко почесал спутанную шерсть на загривке. Кукольник вздрогнул от прикосновения и снова замер.

То был плохой признак. Пожалуй, пока не стоило вынуждать Несса вновь встречаться лицом к лицу с враждебным миром.

– На тебя что, село какое-то опасное существо? – спросил Луис.

– Какое, это? Нет. – Контральто кукольника прозвучало приглушенно, но идеально чисто и без модуляций. – Это всего лишь цветочный нюхач.

– Как прошло с теми-кто-правит?

Несс содрогнулся:

– Я выиграл.

– Отлично. И что же ты выиграл?

– Право на размножение и нескольких партнеров.

– И этого ты так боишься?

«Собственно, почему бы и нет?» – подумал Луис.

Несс мог быть кем-то вроде самца черной вдовы, которого любовь обрекала на смерть. А может, вроде нервного девственника... или девственницы...

– Луис, я мог проиграть, – сказал кукольник. – Но я победил их. Я добился своего, пригрозив им.

– Слушаю тебя внимательно.

Заметив краем глаза, что к ним присоединились Тила и Говорящий-с-Животными, Луис продолжал поглаживать Несса. Тот не шевелился.

– Те-кто-правит предложили мне законное воспроизводство себе подобных, если я останусь в живых после нашего путешествия, – произнес кукольник приглушенным контральто. – Но этого мало. Чтобы стать родителем, мне нужны партнеры. Кто будет добровольно спариваться с маньяком с нечесаной гривой? Я вынужден был прибегнуть к угрозе. «Найдите мне партнера, – сказал я, – или я откажусь от путешествия, а если откажусь я, то откажется и кзин». Они пришли в ярость.

– Могу себе представить. Ты пребывал в маниакальном состоянии?

– Я сам у себя его вызвал. Я заявил, что разрушу их планы, и они капитулировали. И еще я сказал, что должен найтись самоотверженный доброволец, который согласится спариться со мной, если я вернусь с кольца.

– Прекрасно. Отличный ход. И как, нашлись добровольцы?

– Один из наших полов – просто... чья-то собственность. Они лишены разума и глупы. Мне нужен был только один доброволец. Те-кто-правит...

– Почему ты не называешь их правителями? – вмешалась Тила.

– Я пытался перевести в ваши понятия, – ответил кукольник. – Более точный перевод – те-кто-правит-сзади. Есть избранный предводитель, или говорящий-за-всех, или... пожалуй, точнее всего будет перевести как «Замыкающий». Именно Замыкающий согласился стать моим партнером. Он сказал, что не станет просить кого-то другого жертвовать собственным достоинством.

– Ого, – присвистнул Луис. – Это в самом деле кое-что значит. Давай дрожи и дальше – ты это заслужил. Лучше уж трястись от страха сейчас, когда все закончилось.

Несс пошевелился, слегка расслабившись.

– Кстати, какое местоимение теперь использовать? – поинтересовался Луис. – То ли тебя называть «она», то ли Замыкающего?

– Весьма бестактно с твоей стороны. Секс не принято обсуждать с инопланетянами. – Между ног Несса появилась голова с неодобрительно глядящим глазом. – Вы с Тилой ведь не стали бы спариваться в моем присутствии?

– Как ни странно, однажды у нас зашел разговор на эту тему, и Тила сказала...

– Я оскорблен, – заявил кукольник.

– Почему? – спросила Тила.

Голова кукольника вновь нырнула в укрытие.

– Эй, вылезай! Я ничего тебе не сделаю, – пообещала девушка.

– Точно?

– Точно. В смысле – честно. По моему мнению, ты очень даже симпатичный.

Кукольник полностью развернулся:

– Я не ослышался – ты назвала меня симпатичным?

– Да. – Она взглянула на оранжевую громаду Говорящего-с-Животными и великодушно добавила: – И ты тоже.

– Без обид, – проворчал кзин, – но никогда больше так не говори. Никогда.

Тила обескураженно уставилась на него.

Несс повел свою небольшую команду к ограждавшей парк идеально прямой пыльной оранжевой изгороди высотой в десять футов, с которой свисали кобальтово-синие щупальца. Судя по их виду, она в свое время отличалась хищным нравом.

Луис ожидал, что в изгороди появится разрыв, и оказался совершенно не готов к тому, что Несс шагнул прямо в нее. Она разошлась перед кукольником и сомкнулась позади.

Все последовали за Нессом.

Как только изгородь за ними закрылась, небо, до этого голубое с белесыми вкраплениями, стало черно-белым. На угольном фоне вечной ночи плыли облака, ярко подсвеченные огнями простиравшегося на многие мили населенного пункта. Это действительно был невероятно разросшийся город.

На первый взгляд он отличался от земных лишь своей величиной. Более крупные, угловатые и однообразные здания были ужасающе высоки, – казалось, небо целиком заполняли ряды освещенных окон и балконов, перемежавшихся темными линиями в зените. Повсюду царили прямые углы, неприемлемые в обстановке кукольников, – и таких размеров, что по неосторожности легко можно было разбить колено.

Но почему город точно так же не нависал над парком? На Земле практически не встречалось зданий высотой больше мили; здесь же по виду ни одно не было ниже. Луис предположил, что парк окружен искривляющим световые лучи полем, но так и не собрался задать вопрос. На планете кукольников хватало и других, куда более невероятных чудес.

– Наш корабль – в другом конце острова, – сказал Несс. – Мы сможем добраться туда меньше чем за минуту с помощью шагодисков. Я покажу вам как.

– Тебе уже лучше?

– Да, Тила. Как говорит Луис, худшее позади. – Кукольник легко пританцовывал во главе процессии. – Замыкающий, любовь моя! Мне нужно лишь вернуться с Мира-Кольца.

Дорожка внешне напоминала выложенный светящимися частицами бетон, но под ногами ощущалась влажная губчатая почва. Наконец, пройдя вдоль длинного квартала, они подошли к перекрестку.

– Нам туда, – сказал Несс, указав головами вперед. – Не заденьте первый диск...

В центре перекрестка находился большой голубой прямоугольник, который окружали четыре диска, по одному в конце каждой дорожки.

– ...если хотите, можете наступить на прямоугольник, но только не на неверный диск. Идите за мной.

Обойдя ближайший диск, он пересек перекресток, шагнул на противоположную сторону и исчез.

На мгновение все замерли, затем Тила, взыв, словно привидение, взбежала на диск вслед за Нессом – и тоже пропала из виду.

Зарычав, Говорящий-с-Животными прыгнул вперед – ни один тигр не сумел бы прицелиться точнее.

Впечатленный Луис остался один:

– Во имя Туманных Демонов! У них открытые телепортационные кабины!

Он шагнул...

...и очутился посреди квадрата в центре следующего перекрестка, между кукольным и кзином.

– Твоя партнерша убежала дальше, – сказал Несс. – Надеюсь, подождет нас.

Он сошел с прямоугольника и, сделав три шага к диску, исчез.

– До чего же продуманная система! – восхищенно заметил Луис, снова оказавшись в одиночестве, – кзин уже последовал за Нессом. – Просто идешь, и все. За три шага преодолеваешь целый квартал. Настоящее волшебство. И кварталы при этом можно делать любой длины!

Словно надев семимильные сапоги, он бежал вприпрыжку, и через каждые три шага обстановка вокруг менялась. Круглые таблички на углах зданий обозначали адреса, так что любой пешеход мог легко сориентироваться и, обойдя диски, направиться внутрь квартала.

Вдоль улицы располагались витрины, которые Луису хотелось обследовать, – или это было нечто совсем другое? Но его друзья уже ушли далеко вперед – Луис видел их маленькие фигурки в конце ущелья из зданий. Он ускорил шаг.

Мгновение спустя инопланетяне оказались прямо перед ним, преградив ему дорогу.

– Я боялся, что ты пропустишь поворот, – сказал Несс, уходя влево.

– Погодите...

Но и кзин тоже исчез. Проклятие... где Тила?

Должно быть, ушла вперед. Луис повернул и двинулся за ними. Воистину – семимильные сапоги. Все вокруг проносилось словно во сне. Луис на бегу представлял себе пересекающие города шоссе с разноцветными дисками на расстоянии в десять кварталов, диски для дальнего сообщения в центрах отстоящих на сотни миль городов, с приемными площадками размером в квартал. Подобным образом можно было пересекать океаны, шагая с острова на остров, как будто по камням!

Открытые телепортационные кабины. Уровень технологий кукольников внушал страх. Диаметр диска составлял всего ярд, и для его срабатывания даже не требовалось полностью на нем находиться. Всего один шаг, и ты уже на следующей приемной площадке. Невмиг, куда там траволаторам!

В воображении Луиса возник образ гигантского кукольника в сотни миль ростом, который осторожно пробирался вдоль цепочки островов, стараясь не ступить мимо и не замочить ноги. Чудовищный кукольник становился все больше, а острова превращались в планеты... Да, уровень технологий кукольников действительно внушал страх...

Луис шагнул с очередного диска на берег спокойного черного моря. За краем планеты на фоне звезд всходили четыре полные луны, выстроившись в вертикальную линию. На полпути до горизонта виднелся еще один ярко освещенный островок.

– Где Тила? – спросил Луис ожидавших его инопланетян.

– Не знаю, – ответил Несс.

– Во имя Туманных Демонов! Как нам ее найти?

– Она сама нас найдет. Беспокоиться не о чем. Когда...

– Она заблудилась на чужой планете! С ней может случиться что угодно!

– Только не здесь, Луис, – заверил его кукольник. – Планет, подобных нашей, больше нет. Когда Тила доберется до края этого острова, она обнаружит, что шагодиски, ведущие на соседние острова, для нее не действуют. Ей придется обходить диск за диском вдоль берега, пока не найдется работающий.

– Ты говоришь так, как будто речь идет о заблудившемся роботе! Тила – всего лишь двадцатилетняя девушка!

В то же мгновение она возникла рядом с ним:

– Привет. Я немного заблудилась. Что-то случилось?

Говорящий-с-Животными насмешливо оскалился, показав острые клыки. Луис, избегая вопросительного взгляда Тилы, почувствовал, как к щекам приливает кровь.

– Идите за мной, – невозмутимо произнес Несс.

Они последовали туда, где шагодиски образовывали линию вдоль берега. Скоро перед ними появилась грязно-коричневая пентаграмма. Все шагнули на нее...

...и оказались на ярко освещенном голом каменном острове размером с частный космодром. В самом центре, возле высокого здания, стоял единственный космический корабль.

– Прошу любить и жаловать, – сказал Несс.

Тилу и Говорящего вид корабля разочаровал – кзин прижал уши, а девушка с тоской посмотрела на остров, который они только что покинули. Там на фоне межзвездной ночи высилась светящаяся стена из зданий высотой в милю. Но Луису хватило одного взгляда, чтобы облегченно вздохнуть. Он уже по горло был сыт чудесами – шагодисками, чудовищным городом, четырьмя висящими над горизонтом планетами-спутниками цвета тыквы... Все это пугало его и обескураживало, в отличие от корабля: корпус «Дженерал продактс» второй модели был оборудован треугольным крылом с маневровыми двигателями и плазменными приводами. Хорошо знакомая техника не вызывала ни малейших вопросов.

Кзин, однако, посчитал иначе:

– Странная конструкция с точки зрения инженера-кукольника. Несс, разве ты не чувствовал бы себя безопаснее, если бы корабль полностью находился внутри корпуса?

– Нет. Это совершенно новая конструкция. Идем, я покажу.

Несс быстро направился к кораблю.

Замечание кзина выглядело вполне уместным. Торговая компания кукольников «Дженерал продактс» продавала в Известном космосе разнообразные товары, но основным источником ее доходов являлись корпуса для космических кораблей. Четвертая модель имела форму шара размером от баскетбольного мяча до тысячи с лишним футов в диаметре – именно таким был корпус «Рискованной ставки». Третья модель, цилиндр с закругленными концами и приплюснутым брюхом, подходила для пассажирского корабля с многочисленной командой – как раз на таком они высадились на планету кукольников несколько часов назад. Корпус второй модели представлял собой цилиндр с осиной талией, узкий и вытянутый с обоих концов. Обычно в нем хватало места для одного пилота.

Корпус «Дженерал продактс» был прозрачным для видимого света, но непроницаем для всех прочих видов электромагнитной энергии и любых форм материи. Он являлся лучшей гарантией безопасности. Репутация компании подтверждалась сотнями лет ее существования и миллионами кораблей.

Итак, основу стоявшего перед ними корабля составлял корпус «Дженерал продактс» второй модели. Но... насколько мог понять Луис, внутри корпуса располагались лишь система жизнеобеспечения и гиперпривод. Все остальное – пара направленных вниз инерционных

двигателей, два развернутых вперед маленьких плазменных привода, плазменные приводы побольше на передних кромках крыла и пара громадных капсул на его концах (там, наверное, находились датчики и аппаратура связи, больше нигде ничего подобного Луис не видел) – размещалось на большом дельтовидном крыле!

Оно, размером с полкорабля, было открыто любым опасностям, какие только могли встревожить кукольника. Почему бы не воспользоваться корпусом третьей модели, разместив все внутри?

Несс повел их под крыло, к суженной середине корпуса, и пояснил:

– Наша цель заключалась в том, чтобы как можно меньше нарушать целостность оболочки. Смотрите.

Сквозь прозрачный, как стекло, корпус Луис увидел кабель толщиной с человеческую ногу, идущий вдоль обшивки внутрь крыла. Конструкция показалась ему весьма сложной, пока он не сообразил, что кабель можно втягивать внутрь корпуса. Он заметил предназначенный для этого мотор и металлический люк, закрывавший паз.

– На обычном корабле, – сказал кукольник, – требуется множество отверстий в корпусе: для датчиков, не использующих видимый свет, для реактивных двигателей, если таковые применяются, для ведущих к топливным резервуарам труб. Здесь же у нас только два отверстия, для кабеля и шлюза. Одно из них пропускает пассажиров, другое – информацию. Оба можно перекрыть. Наши инженеры изнутри выставили корпус прозрачным проводящим слоем. Когда шлюз и отверстие для кабеля закрыты, внутренность корабля представляет собой сплошную проводящую поверхность.

– Статическое поле? – предположил Луис.

– Именно. В случае опасности вся система жизнеобеспечения на несколько секунд входит в состояние, подобное стазису Поработителей. Время в стази не идет, – соответственно, пассажирам ничто не может навредить. Мы не так глупы, чтобы довериться одному лишь корпусу. Лазеры, использующие видимый свет, могут пронзить корпус «Дженерал продактс», убив пассажиров, но не причинив вреда кораблю. Антиматерия может его полностью дезинтегрировать.

– Не знал.

– Об этом никто особо не распространяется.

Луис отошел под крыло, где кзин осматривал двигатели.

– Зачем столько?

– Я думал, уж люди точно вряд ли забудут Урок кзинов, – фыркнул Говорящий.

– Ах да...

Естественно, любой кукольник, изучавший историю людей или кзинов, не мог не знать про Урок кзинов. Реактивный двигатель – оружие, мощность которого находится в прямой зависимости от эффективности. Так и здесь – инерционные двигатели предназначались для мирного применения, а плазменные могли заменить собой оружие.

– Теперь ясно, где ты научился управлять кораблем на плазменных двигателях.

– Естественно, Луис, меня учили воевать.

– На случай очередной войны людей и кзинов?

– Мне продемонстрировать свое воинское искусство?

– Тебе в любом случае представится такая возможность, – вмешался кукольник. – Наши инженеры предполагали, что этим кораблем будет управлять кзин. Говорящий, хочешь взглянуть на приборы?

– Обязательно. Мне также нужны показатели производительности, данные испытательных полетов и так далее. Гиперпривод стандартного типа?

– Да. Полеты не проводились.

«Очень типично для кукольников, – подумал Луис, пока они шли к шлюзу. – Они просто построили корабль и оставили его дожидаться нас. Ни один из них добровольно не согласился бы на испытательный полет».

Где Тила?

Он уже собирался ее позвать, когда она вновь появилась на приемной площадке в форме пентаграммы – опять играла с шагодисками, не обращая ни малейшего внимания на корабль.

На борт Тила поднялась, с тоской провожая взглядом город кукольников на фоне черной воды. Луис ждал у внутреннего люка шлюза, готовый высказать все, что о ней думает. Неужели нельзя вести себя спокойнее, после того как один раз уже умудрилась заблудиться?

Люк открылся.

– Луис! – воскликнула Тила, входя. – Я так рада, что сюда прилетела! Этот город... просто чудо!

Она схватила его за руки, лучась от счастья, и улыбка ее была подобна солнечному свету. Разве мог Луис продолжать сердиться?

– Да, в самом деле чудо, – ответил он и крепко ее поцеловал.

Скользнув большим пальцем по бедру девушки, он обнял ее за стройную талию и повел в рубку управления.

Теперь у него не осталось сомнений: Тила Браун никогда не страдала, никогда не училась осторожности и не знала, что такое страх. Первая же в ее жизни боль станет для нее разительным ударом, застигнет врасплох и даже может полностью ее уничтожить.

Луис дал себе слово, что с ней это случится только через его труп.

Боги не оберегают глупцов. Их оберегают другие, более умелые глупцы.

Корпус «Дженерал продактс» второй модели, двадцать футов в ширину и триста в длину, сужался к носу и корме.

Значительная часть корабля находилась вне корпуса, на большом узком крыле. Остального пространства хватало для трех жилых кают, длинной, но неширокой зоны отдыха, рубки управления и ряда шкафчиков, а также для кухни, автоврача, регенерационной установки, батарей и так далее. Приборная панель была оборудована в соответствии с обычаями кзинов и снабжена надписями на их языке. Луис считал, что в крайнем случае сможет управлять кораблем и сам, но для подобной попытки случай действительно должен был быть крайним.

В шкафчиках хранилось разнообразное исследовательское снаряжение, ни одну вещь из которого Луис не мог бы назвать оружием, хотя что-то можно было использовать и в таком качестве. На корабле имелись также четыре летающих скутера, летающие ранцы в виде поясов с каталитическим двигателем, анализаторы еды, флаконы с пищевыми добавками, аптечки, воздушные датчики и фильтры. Невмирс, кто-то воистину был убежден, что этот корабль где-нибудь сядет!

Собственно, почему бы и нет? Столь могущественная раса, как создатели Мира-Кольца, и при этом замкнутая в ограниченном пространстве в силу предполагаемого отсутствия гиперпривода, могла бы пригласить их к себе в гости. Возможно, именно на это рассчитывали кукольники.

На корабле не было ни единого предмета, на который Несс не мог бы показать со словами: «Это не оружие. Мы взяли его с собой для такой-то цели».

На борту присутствовали представители трех рас – или четырех, если считать человеческих самцов и самок представителями различных видов, как вполне могли решить кзин или кукольник.

(«А если Несс и Замыкающий одного пола? Может, именно два самца и лишенная разума самка требовались для того, чтобы произвести на свет младенца?»)

Одним словом, предполагаемые кольцевики – обитатели Мира-Кольца – поняли бы с первого взгляда, что многие разновидности разумной жизни способны относиться друг к другу уважительно и дружелюбно.

И тем не менее немало предметов на корабле – лазерные фонари, дуэльные шокеры – можно было использовать как оружие.

Они стартовали на инерционных двигателях, чтобы не причинить вреда острову. Полчаса спустя, когда покинули слабое гравитационное поле розетты кукольников, Луис внезапно сообразил, что, кроме Несса, который летел с ними, и изображения-проекции Хирона, они не видели на той планете больше ни одного кукольника.

* * *

После того как корабль вошел в гиперпространство, Луис полтора часа кряду обследовал содержимое шкафчиков – как он себя убеждал, из предосторожности, чтобы избежать неприятных сюрпризов. Но вид подобного арсенала вызывал у него дурные предчувствия.

Слишком много оружия – причем ни одного, которое нельзя было бы использовать для чего-то еще. Лазерные фонари. Плазменные двигатели. Когда команда устроила обряд крещения в первый день в гиперпространстве, Луис предложил назвать корабль «Отъявленным лжецом». По каким-то своим причинам Тила и Говорящий согласились с ним, а Несс – по каким-то своим причинам – не стал возражать.

Они провели в гиперпространстве неделю, преодолев чуть больше двух световых лет. Вновь вернувшись в Эйнштейново пространство, оказались внутри системы окруженной кольцом звезды класса G2. Дурное предчувствие все так же не оставляло Луиса Ву.

Невмирс! Кто-то ни в малейшей степени не сомневался, что они высадутся на Мире-Кольце.

Глава 8

Мир-Кольцо

Планеты кукольников двигались почти со скоростью света в сторону северного полюса Галактики. Говорящий-с-Животными развернул корабль в гиперпространстве в южном направлении, так что, когда «Лжец» вывалился из Слепого Пятна, он уже мчался прямо в систему Мира-Кольца.

Звезда G2 выглядела сверкающей белой точкой, напоминая Солнце, каким видел его Луис у границ Солнечной системы, возвращаясь из путешествий. Но эту звезду окружал едва различимый ореол. Луис понял, что уже не забудет, как впервые увидел Мир-Кольцо невооруженным глазом от границ системы.

Говорящий разогнал большие плазменные двигатели на полную мощность. Выдвинув из крыла плоские инерционные диски и развернув их вдоль кормы корабля, он добавил их силу к основным соплам. «Лжец» ворвался в систему подобно огненной двойной звезде, замедляясь со скоростью почти в двести «же».

Тила об этом не знала, поскольку Луис ей не говорил. Ему не хотелось ее волновать. Если бы искусственная гравитация в кабине отказала хоть на мгновение, их размазало бы, как жуков под каблуком.

Но гравитация в кабине работала идеально и ненавязчиво. По всему жилому пространству корабля ощущалось лишь мягкое тяготение планеты кукольников и слышался приглушенный мерный гул плазменных двигателей, который проникал сквозь единственный паз по кабелю толщиной с человеческую ногу.

Даже в гиперпространстве Говорящий предпочитал лететь в прозрачном корабле. Ему понравился хороший обзор, и Слепое Пятно никак не воздействовало на его разум. Корабль оставался прозрачным, за исключением личных кают, и открывавшийся обзор постепенно стал привычен для всех.

Плавно переходившие друг в друга стены, пол и потолок зоны отдыха и рубки управления казались невидимыми. В мнимой пустоте проглядывали отдельные островки твердого вещества – Говорящий в пилотском кресле, окружавший его подковообразный набор зеленых и оранжевых циферблатов, неоновые очертания дверей, кресла возле стола в зоне отдыха, блок кают на корме и, конечно, плоский треугольник крыла, – вокруг которых простиралось бескрайнее звездное небо. Вселенная была совсем рядом, статичная и неизменная. Окольцованная звезда находилась прямо за кормой, скрытая каютами, и нельзя было проследить, как она увеличивается в размерах.

В воздухе пахло озоном и куколниками.

Несс, который должен был бы сжиматься в комок от ужаса из-за шума несущихся с замедлением в двести «же» двигателей, чувствовал себя совершенно спокойно, сидя вместе с остальными вокруг стола в зоне отдыха.

– У них нет гиперволновой связи, – говорил он. – Это гарантирует сама математика их системы. Гиперволны – обобщение математики гиперпривода, а его у них быть не может.

– А если они открыли гиперволны случайно?

– Нет, Тила. Можем попробовать гиперволновые диапазоны. Пока мы замедляемся, делать все равно нечего, но...

– Невмирс! Сколько можно ждать? – Тила внезапно вскочила и почти выбежала из зоны отдыха.

В ответ на вопросительный взгляд кукольника Луис лишь раздраженно пожал плечами. Тила пребывала в дурном настроении. Неделя в гиперпространстве основательно ее утомила,

и от перспективы провести еще полтора бессмысленных дня в режиме замедления она готова была лезть на стену. Но чего она хотела от Луиса? Что, он изменит законы физики?

– Придется подождать, – заметил Говорящий, который сидел в рубке управления и, возможно, не почувствовал эмоциональных ноток в голосе Тилы. – На гиперволнах нет никаких сигналов. Могу гарантировать, что создатели Мира-Кольца не пытаются общаться с нами с помощью какой-либо известной разновидности гиперволн.

Тема связи стала общим местом. Пока они не смогут добраться до создателей Мира-Кольца, их присутствие в данной системе пахло бандитской вылазкой. Не наблюдалось никаких признаков того, что их обнаружили.

– Мои приемники работают, – сказал Говорящий. – Если с нами попытаются выйти на связь на электромагнитных частотах, мы об этом узнаем.

– Если только они не попробуют прибегнуть к очевидному способу, – возразил Луис.

– Тоже верно. Многие расы использовали для поиска разума на планетах других звезд диапазон излучения холодного водорода.

– Например, кдатлино. Они оказались достаточно умны, чтобы найти вас.

– А мы оказались достаточно умны, чтобы сделать их своими рабами.

Межзвездное радио заполнено шумом космических помех, но в диапазоне в двадцать один сантиметр, расчищенном бескрайними кубическими световыми годами холодного межзвездного водорода, царит тишина. Именно этот диапазон выбрала бы любая раса для связи с инопланетянами. К несчастью, раскаленный, словно сверхновая звезда, водород в выхлопе «Лжеца» сводил все преимущества этого диапазона на нет.

– Не забывай, – сказал Несс, – что наша расчетная орбита свободного падения не должна пересекать само кольцо.

– Ты уже миллион раз это повторял. У меня превосходная память.

– Обитателям кольца мы не должны показаться опасными. Верю, что ты об этом не забудешь.

– Вы, кукольники, ничему не верите, – проворчал Говорящий.

– Хватит вам, – устало произнес Луис, недовольный их перебранкой, и побрел в свою каюту спать.

Шли часы. «Лжец», замедляясь, падал к окольцованной звезде, неся перед собой два ярких, словно сверхновая, и столь же раскаленных потока плазмы.

Говорящий не обнаружил никаких признаков отраженного от корабля когерентного света. Либо кольцевики пока не заметили их корабль, либо у них не было приемопередающих лазеров.

За неделю, что они летели в гиперпространстве, Кзин провел немало времени в обществе людей. Луису и Тиле пришлось по вкусу его каюта, со слегка повышенной силой тяжести, голограммами желто-оранжевых джунглей и древней инопланетной крепости. В ней постоянно менялись острые ароматы чужого мира. Убранство их собственной каюты не отличалось особой фантазией: городские пейзажи и наполовину покрытые генетически модифицированными водорослями морские сельскохозяйственные угодья. Кзину, однако, их каюта нравилась больше, чем им самим.

Они даже попытались разделить с кзином трапезу в его каюте, но тот набросился на ужин, словно изголодавшийся зверь, а потом заявил, что человеческая еда воняет горелыми отбросами. На этом все и закончилось.

Сидевшие у стола в зоне отдыха Тила и Говорящий о чем-то негромко беседовали. Луис вслушивался в тишину, нарушаемую лишь отдаленным гулом плазменных двигателей.

За всю свою жизнь он привык полагаться на искусственную гравитацию в кабине. Его личная яхта могла ускоряться до тридцати «же». Но на ней стояли инерционные двигатели, не издававшие ни звука.

– Несс? – прервал он монотонный гул пылающих в соплах корабля солнц.

– Да, Луис?

– Что вам известно о Слепом Пятне? Такое, чего не знаем мы?

– Не понял вопроса.

– Гиперпространство повергает тебя в ужас. Но полет сквозь космос верхом на огненном столбе, похоже, нисколько. Ваша раса построила «Рискованную ставку», и кукольники наверняка знают о гиперпространстве нечто такое, что недоступно нам.

– Ну, возможно, мы действительно кое-что знаем.

– Что именно? Если, конечно, это не один из ваших тщательно оберегаемых секретов.

Говорящий и Тила стали прислушиваться к их разговору. Уши кзина, в сложенном виде полностью исчезавшие в густой шерсти, развернулись подобно прозрачным розовым веерам.

– Мы знаем, что мы не бессмертны, – ответил Несс. – Не стану говорить за вашу расу, не имею на то права, но кукольники смертны, что доказали ученые. Мы боимся умереть, ибо знаем, что смерть – это навсегда.

– И?

– В Слепом Пятне исчезают корабли. Ни один кукольник не подойдет слишком близко к аномалии на гиперприводе, но корабли все равно исчезали – в те времена, когда на них еще были пилоты. Я доверяю инженерам, построившим этот корабль, и потому доверяю системе искусственной гравитации. Она нас не подведет. Но даже инженеры боятся Слепого Пятна.

Когда на корабле наступила ночь, Луис плохо спал и ему грезились волнующие образы, а днем он и Тила поняли, что не выносят даже вида друг друга. Ей совсем не было страшно, и Луис подозревал, что вряд ли когда-нибудь ему доведется увидеть испуг на ее лице. Она откровенно скучала.

Тем вечером околицованная звезда в течение получаса полностью появилась из-за кормового комплекса кают – маленькая и белая, менее яркая, чем Солнце, окруженная узкой голубоватой линией.

Все стояли за спиной Говорящего, который включил экран телескопа. Найдя голубую линию внутренней поверхности Мира-Кольца, он коснулся кнопки увеличения, и они почти сразу получили ответ на один из интересовавших их вопросов.

– Там на краю что-то есть, – сказал Луис.

– Нацель телескоп на обод, – велел Несс.

Край кольца увеличивался на глазах. Вдоль него тянулась стена, уходившая в сторону звезды. На фоне залитого светом голубого ландшафта виднелась ее черная внешняя сторона, открытая космосу. Стена выглядела не слишком высокой, но только по сравнению с самим кольцом.

– Если диаметр кольца составляет миллион миль, – оценил Луис, – то стена должна иметь в высоту по крайней мере тысячу. Что ж, теперь мы знаем, что удерживает воздух.

– Полагаешь, этого достаточно?

– Вполне. Центробежная сила вращения кольца создает силу тяжести, примерно равную земной. За тысячи лет немного воздуха может просочиться за края, но его запас несложно пополнить. В любом случае, чтобы построить само кольцо, требовалось владеть достаточно дешевой – порядка нескольких десятых звезды за килотонну – технологией преобразования материи, не говоря уже о прочих не менее невероятных вещах.

– Интересно, как эта стена выглядит изнутри?

Услышав Несса, Говорящий коснулся кнопки, и картинка сдвинулась в сторону. Увеличения пока не хватало, чтобы разобрать детали. По экрану скользнули яркие голубые и белые пятна, а затем – размытый ровный край синей тени...

В поле зрения появилась стена, наклоненная наружу.

– Дай максимальное увеличение, – сказал Несс, который стоял в дверях, нависая головами над плечами Говорящего.

– Горы! – воскликнула Тила. – Красота-то какая! Горы высотой в тысячу миль!

Стена была неровной и изрытой, словно выветрившийся камень, цвета лунной поверхности.

– Увеличение по максимуму. Чтобы увидеть больше подробностей, нужно подлететь ближе.

– Попробуем вступить с ними в первый контакт, – сказал кукольник. – Мы уже затормозили?

Говорящий сверился с компьютером корабля:

– Приближаемся к звезде со скоростью примерно тридцать миль в секунду. Достаточно медленно?

– Да. Начинай передачу.

Но ни один лазерный луч так и не коснулся «Лжеца».

Проверить связь на электромагнитных волнах было сложнее. Нужно было перебрать радиодиапазон, ультрафиолет, рентгеновское излучение – весь спектр, начиная с комнатной температуры, исходившей от темной стороны Мира-Кольца, до энергии фотонов, способной расколоть вещество на материю и антиматерию. На волне в двадцать один сантиметр было пусто, так же как и на всех ее множителях и делителях, которые могли использоваться по причине очевидности диапазона поглощения водорода. Говорящему-с-Животными ничего не оставалось, как играть вслепую со своими приемниками.

На крыле «Лжеца» раскрылись большие капсулы с оборудованием связи. Корабль посылал радиосообщения на частоте поглощения водорода и других, заливал поочередно участки внутренней поверхности кольца светом лазеров на десяти разных частотах, передавал текст на интерлинге азбукой Морзе с помощью попеременных вспышек плазменных двигателей.

– Наш автопилот рано или поздно расшифровал бы любое сообщение, – сказал Несс. – Надо полагать, их компьютеры вряд ли глупее.

– Да хоть лоботомии твоему компьютеру сделай, полную тишину он все равно не расшифрует, – язвительно бросил Говорящий.

– Продолжай передавать в сторону края кольца. Если у них есть космопорты, они должны находиться там. Сажать космический корабль где-то еще опасно.

Говорящий-с-Животными прорычал какое-то жуткое оскорбление на Языке героев, и этим разговор, по сути, завершился. Несс, однако, остался там же, где стоял уже несколько часов, бдительно нависая головами над плечами кзина.

За стенами корабля их ждал Мир-Кольцо, протянутая через все небо клетчатая голубая лента.

– Ты хотел рассказать о сферах Дайсона, – напомнила Тила Луису.

– А ты в ответ посоветовала мне заняться ловлей блох.

Найдя описание сфер Дайсона в корабельной библиотеке, Луис совершил ошибку, попытавшись прервать игру Тилы в солитер, чтобы сообщить ей эту информацию.

– Давай сейчас, – вкрадчиво попросила она.

– Иди лучше займись ловлей блох.

Тила молчала.

– Ладно, уговорила, – вздохнул Луис; весь последний час он провел в задумчивом созерцании кольца, и ему было не менее скучно, чем ей. – Я хотел рассказать тебе, что Мир-Кольцо – инженерный компромисс между сферой Дайсона и обычной планетой. Дайсон был древним философом-естествоиспытателем, еще до времен Пояса, почти доатомной эпохи. По его словам, чтобы человечество могло использовать всю доступную ему энергию, нужно построить сферическую оболочку вокруг Солнца, ловя каждый луч солнечного света. Если перестанешь

хоть на минуту хихикать – поймешь. Земля улавливает лишь около полумиллиардной доли излучения Солнца. Если бы мы могли использовать всю его энергию... Что ж, тогда это вовсе не выглядело безумием. Не существовало даже теоретической базы для полетов быстрее скорости света. Если помнишь, мы так и не изобрели гиперпривод. Мы даже не смогли бы случайно открыть его принцип, ведь нам никогда не приходило в голову экспериментировать за пределами аномалии. А если бы корабль Посторонних не наткнулся на корабль-робот Объединенных Наций? Или не сработали бы законы, установленные Комиссией по рождаемости? Если бы триллион человек стояли друг у друга на головах, а самым быстрым средством передвижения были корабли с прямоточным двигателем? Сколько бы мы протянули на энергии термоядерного синтеза? Мы бы использовали весь водород в земных океанах за сто лет. Но суть сферы Дайсона далеко не только в том, чтобы накапливать солнечную энергию. Предположим, диаметр сферы составляет одну астрономическую единицу. Солнечную систему все равно придется расчищать, так что для ее постройки можно использовать все планеты. Получается оболочка, скажем, из хромированной стали толщиной в несколько ярдов. По всей ее поверхности мы размещаем гравитационные генераторы. Общая доступная площадь составит в миллиард раз больше, чем поверхность земной суши. Триллион человек могли бы всю жизнь блуждать по ней, даже ни разу не встретившись.

Тиле наконец удалось вставить целую фразу:

– Гравитационные генераторы – это чтобы все держалось и не падало?

– Да, на внутренней поверхности. Ее мы покроем слоем почвы.

– А если какой-нибудь генератор сломается?

– Ну... тогда ничего не поделаешь. Миллиард человек унесет на солнце вместе с воздухом. Возникнет торнадо, какого хватило бы, чтобы поглотить Землю. И никаких шансов, что в такую бурю прибудет ремонтная команда...

– Мне это не нравится, – решительно заявила Тила.

– Не спеши. Возможно, найдется способ сделать гравитационный генератор безотказным.

– Я о другом – не будет видно звезд.

Об этом Луис не подумал.

– Не важно. Суть сферы Дайсона в том, что любой разумной, промышленно развитой расе рано или поздно потребуется нечто подобное. Технологические цивилизации склонны со временем потреблять все больше и больше энергии. Это кольцо – компромисс между обычной планетой и сферой Дайсона. Имея кольцо, ты получаешь лишь небольшую часть доступного пространства и захватываешь лишь часть доступного солнечного света, но при этом можешь видеть звезды и тебе незачем беспокоиться насчет гравитационных генераторов.

Из рубки управления послышался замысловатый рык, которого одного хватило бы, чтобы насытить проклятиями сам воздух кабины. Тила хихикнула.

– Если кукольники рассуждали так же, как и Дайсон, – продолжал Луис, – они могли ожидать, что Магеллановы Облака изобилуют Мирами-Кольцами и те чуть ли не соприкасаются краями.

– Потому они нас и позвали?

– Я бы поостерегся делать ставки на мысли кукольника. Но если бы пришлось – поставил бы именно на эту.

– Не удивительно, что ты все время торчишь в библиотеке.

– Да они насмеются над нами! – яростно зарычал кзин. – Это просто оскорбление! Они преднамеренно нас игнорируют! Открыто поворачиваются спиной, провоцируя на атаку!

– Удивительно, – проговорил Несс. – Раз тебе не удастся найти никаких радиопередач, значит они не используют радио. Даже если бы они применяли радиолазеры, мы бы обнаружили хоть какие-то утечки.

– Они не используют ни лазеры, ни радио, ни гиперволны. С помощью чего они выходят на связь? Это телепатия? Письменные сообщения? Большие зеркала?

– Это попугаи, – предположил Луис, входя в дверь рубки. – Огромные попугаи, специально выведенные ради объемистых легких. Они слишком велики, чтобы летать, и потому сидят на вершинах холмов, перекиваясь друг с другом.

Говорящий повернулся к Луису и посмотрел ему прямо в глаза:

– Я четыре часа пытался связаться с Миром-Кольцом. Четыре часа его обитатели меня игнорировали. Они настолько нас презирают, что не удостоили меня даже единственным словом. Мои мышцы дрожат от недостатка тренировок, моя шерсть свалялась, в глазах двоится, моя кишачная стхондатами каюта мала, моя микроволновка подогревает все мясо до одинаковой температуры, причем не до той, какой надо, и я ничего не могу исправить. Если бы не твоя помощь и твои предложения, Луис, я бы полностью отчаялся.

– Не могли ли они лишиться цивилизации? – пробормотал Несс. – Хотя это было бы довольно глупо с их стороны.

– Возможно, они мертвы, – мрачно проворчал Говорящий. – Но это тоже было бы глупо. И не контактировать с нами – глупо. Нужно сесть и все выяснить.

– Высадиться туда, где, возможно, погибла местная раса? – в панике присвистнул Несс. – Ты с ума сошел?

– А как иначе нам что-то узнать?

– Конечно, – вмешалась Тила. – Не затем же мы проделали весь долгий путь, чтобы просто летать кругами!

– Запрещаю, – строго сказал Несс. – Говорящий, продолжай попытки связаться с Миром-Кольцом.

– Я с ними покончил.

– Попробуй еще раз.

– Не буду.

Луис Ву шагнул между ними, взяв на себя роль добровольного дипломата:

– Остынь, мохнатый. Несс, он прав. Кольцевикам нечего нам сообщить. Иначе мы бы об этом уже знали.

– Но что мы еще можем, кроме как продолжать пытаться?

– Заняться своими делами. Дать обитателям кольца время на размышление.

Кукольник с неохотой согласился.

Они медленно плыли в сторону Мира-Кольца.

Говорящий направил корабль таким образом, чтобы пройти за краем кольца. То была уступка Нессу – кукольник опасался, что гипотетические местные жители воспримут проход через само кольцо как угрозу. Он также заявил, что плазменные двигатели «Лжеца» выглядят как оружие, и потому корабль двигался на инерционных.

Оценить масштабы увиденного на глаз было практически невозможно. На протяжении часов положение кольца менялось, но слишком медленно. Поскольку искусственная гравитация компенсировала любое ускорение от нуля до тридцати «же», вестибулярный аппарат не ощущал движения. Время шло, словно в вакууме, и Луис впервые с тех пор, как покинул Землю, готов был грызть ногти.

Наконец кольцо повернулось краем к «Лжецу». С помощью инерционных двигателей Говорящий затормозил корабль, выведя его на круговую орбиту вокруг обода кольца, а затем мягко направил его к поверхности.

У команды появилось ощущение движения.

Обод Мира-Кольца превратился из тусклой линии, закрывавшей несколько звезд, в черную стену высотой в тысячу миль, лишенную каких-либо черт, хотя их все равно не удалось бы

различить на такой скорости. Стена проносила мимо в полутысяче миль от «Лжеца» с адской скоростью в семьсот семьдесят миль в секунду, закрывая девяносто градусов небосклона. Края ее уходили в бесконечность, исчезая в обоих концах вселенной, и повсюду устремлялась вверх узкая голубая линия.

Взгляд в исчезающую точку напоминал шаг в иную вселенную, вселенную по-настоящему прямых линий, прямых углов и прочих геометрических абстракций. Луис, словно загипнотизированный, смотрел в бесконечность. Что это за точка – исток или устье? Появлялась ли там черная стена или исчезала?

...что-то приближалось к ним из необозримой дали – уступ, выросший вдоль подножия стены, словно очередная абстракция. Сначала появился сам уступ, затем установленный на нем ряд вертикально расположенных колец. Они летели прямо навстречу «Лжецу», прямо навстречу переносице Луиса. Зажмурившись, он вскинул руки, прикрывая голову, и услышал полный ужаса стон.

Он ожидал, что в следующее мгновение его настигнет смерть, но когда она так и не пришла, открыл глаза. Кольца проносились мимо непрерывным потоком, и он понял, что диаметр их составляет не более пятидесяти миль.

Несс свернулся клубком. Тила, прижав ладони к прозрачному корпусу, жадно вглядывалась вперед. Говорящий бесстрашно и сосредоточенно сидел за приборной панелью. Возможно, он лучше, чем Луис, умел оценивать расстояние.

А может, он притворялся. Стон ведь мог вырваться и у кзина.

Развернувшись, Несс посмотрел на кольца, теперь они становились все меньше.

– Говорящий, уравний скорость с Миром-Кольцом. Оставайся на месте, ускоряясь при однократной силе тяжести. Нужно посмотреть, что это такое.

Центробежная сила – всего лишь иллюзия, проявление закона инерции. Реальность – центростремительная сила, приложенная под прямым углом к вектору скорости массы, которая сопротивляется, стремясь двигаться по привычной прямой.

Ввиду собственной скорости и закона инерции Мир-Кольцо должен был разлететься на части, но этого не позволяла его жесткая конструкция. Мир-Кольцо прилагал собственную центробежную силу к самому себе. «Лжец», поравнявшись с ним на скорости в семьсот семьдесят миль в секунду, вынужден был уравнивать и соответствующую центростремительную силу.

И Говорящий ее уравнил. «Лжец» завис рядом со стеной, балансируя с ускорением в ноль целых девятьсот девяносто две тысячных «же», пока его команда разглядывала космопорт.

Он представлял собой уступ – настолько узкий, что казался безразмерной линией, пока Говорящий не переместил корабль внутрь. Тогда уступ расширился до такой степени, что стоявшие на нем два громадных корабля показались карликами. Они имели форму плосконосых цилиндров одинаковой незнакомой конструкции, но походили на корабли с плазменными прямоточными двигателями, рассчитанные на постоянную заправку топливом за счет захвата с помощью электромагнитной силы межзвездного водорода. Один был разобран на запчасти, так что можно было разглядеть его потаенную внутреннюю структуру.

Вокруг верхнего края нетронутого корабля виднелись иллюминаторы, что позволяло оценить его размеры. В свете звезд они сверкали подобно сахарной россыпи на торте – тысячи иллюминаторов! Корабль был огромен.

И полностью темен, как и весь космопорт. Возможно, использовавшим его существам не требовался свет на видимых частотах. Но Луису Ву космопорт показался заброшенным.

– Не понимаю, зачем кольца? – спросила Тила.

– Электромагнитная пушка, – рассеянно ответил Луис. – Чтобы корабли могли стартовать.

– Нет, – сказал Несс.

– Нет?

– Пушка наверняка предназначалась для посадки кораблей. Можно даже предположить, какой применялся метод. Корабль выводится на орбиту вдоль стены. Он не пытается уравнять скорость с кольцом, но располагается в двадцати пяти милях от основания стены. При вращении кольца витки электромагнитной пушки подхватывают корабль и разгоняют его до скорости кольца. Могу похвалить строителей кольца – кораблям не приходится опасно приближаться к его поверхности.

– Кольцо можно точно так же использовать и для старта.

– Нет. Взгляни на конструкцию слева.

– Невмирс! Чтоб мне провалиться, – пробормотал Луис Ву.

«Конструкция» представляла собой люк, достаточно большой, чтобы туда мог поместиться один корабль.

Что ж, разумно – скорость корабля с прямоточным двигателем составляла как раз семьсот семьдесят миль в секунду. Стартовая установка лишь выбрасывала его в космос, и пилот тотчас же разогнался, используя мощь термоядерного синтеза.

– Похоже, космопорт заброшен, – сказал Говорящий.

– Здесь есть какая-то энергия?

– Мои приборы ее не ощущают. Никаких аномальных горячих точек, никаких крупномасштабных электромагнитных активностей. Что касается датчиков, приводящих в действие линейный ускоритель, они могут использовать меньше энергии, чем мы способны зарегистрировать.

– И что ты предлагаешь?

– Допустим, системы космопорта все еще исправны. Мы можем это проверить, перелетев к входному отверстию линейного ускорителя и войдя в него.

Несс снова свернулся в клубок.

– Не получится, – возразил Луис. – Вдруг для запуска нужен некий сигнал, а мы его не знаем. Или ускоритель реагирует только на металлический корпус. Если мы попытаемся пролететь сквозь пушку со скоростью Мира-Кольца, мы врежемся в один из ее витков и нас разнесет на куски.

– Я летал на кораблях в подобных условиях во время военных маневров.

– Давно?

– Пожалуй, даже очень. Не важно. Что ты хочешь?

– Заглянуть с обратной стороны, – сказал Луис.

Кукольник тут же развернулся.

Они висели над поверхностью Мира-Кольца, уравнив скорость и разгоняясь с ускорением девять и девяносто четыре сотых метра в секунду за секунду.

– Прожектора, – сказал Несс.

Мощности прожекторов хватало на полтысячи миль, но если их свет и коснулся обратной стороны кольца, то не вернулся назад. Прожектора предназначались исключительно для посадки.

– Несс, ты все еще доверяешь вашим инженерам?

– Им следовало предвидеть подобные обстоятельства.

– А я их предвидел. Я могу осветить Мир-Кольцо, если использую плазменные двигатели, – сказал кзин.

– Действуй.

Говорящий запустил все четыре: два направленных вперед и два побольше – назад. Но в передних, предназначенных для экстренного торможения и, возможно, в качестве оружия, Говорящий открыл сопла на максимальную ширину. Из них вырвался не до конца сторевающий водород. Температура в реакторе падала, пока выхлоп, обычно горячее ядра новой, не охладил.

дился до температуры поверхности желтого карлика и два ярких луча не упали на черную обратную сторону Мира-Кольца.

Оказалось, что другая сторона вовсе не плоская. Она вздымалась и опускалась, покрытая буграми и впадинами.

– Я думала, она гладкая, – сказала Тила.

– Нет, рельефная, – ответил Луис. – Могу побиться об заклад – там, где мы видим бугор, на освещенной стороне находится море. А там, где впадина, – гора.

Неровности, однако, оставались почти неразличимы, пока Говорящий не подвел корабль ближе. «Отъявленный лжец» медленно проплыл под краем Мира-Кольца, оказавшись в полутысяче миль под ним. Мимо скользили рельефные бугры и впадины неправильной, отчего-то даже привлекательной формы...

В течение многих веков экскурсионные корабли точно так же плыли над поверхностью земной Луны. И здесь тоже было очень похоже: лишенные воздуха кратеры и вершины, резкие границы света и тени, выхватываемые на обратной стороне Луны мощными прожекторами, которыми были снабжены все подобные корабли.

И все же имелась разница. На любой высоте над Луной всегда был виден плавный изгиб лунного горизонта, резкого и иззубренного на фоне черноты космоса.

Здесь же не было ни кривизны, ни ломаной черты горизонта – лишь геометрически прямая линия уходила в бесконечность, едва различимая на черном фоне.

«Как Говорящий это выдерживает? – подумал Луис. – Час за часом вести „Лжеца“ под брюхом этого... артефакта?»

Луиса пробрала дрожь. Постепенно он привыкал к размерам и масштабам Мира-Кольца, и приятного в этом было мало – как всегда, когда приходится к чему-то привыкать. Он отвел взгляд от жуткого горизонта, вновь посмотрел на освещенную область внизу и над ними.

– Все моря примерно одной величины, – заметил Несс.

– Я видела несколько озер, – возразила Тила. – И вон, смотри – река. Точно река. Но нигде не видно больших океанов.

Морей же было в изобилии – если Луис не ошибся и эти плоские бугры действительно являлись морями. Они, разного размера, равномерно распределялись по поверхности, так что ни один регион не оказывался без воды. И...

– Какие плоские! У всех плоское дно.

– Да, – сказал Несс.

– Ну вот, кое-что уже понятно. Все местные моря – мелкие. Кольцевики – не морские обитатели. Они используют лишь верхние слои океана, как и мы.

– Но все моря неправильной формы, – заметила Тила. – И у них неровные края. Знаешь, что это значит?

– Заливы. Множество заливов, доступных каждому.

– Хотя твои кольцевики обитают на суше, они не боятся плавать, – сказал Несс. – Иначе им не нужны были бы заливы. Луис, в чем-то они похожи на людей. Кзины терпеть не могут воду, а моя раса боится утонуть.

«Как же много можно узнать о мире, взглянув на него с обратной стороны, – подумал Луис. – Надо будет как-нибудь написать монографию на эту тему...»

– Наверное, это здорово, когда можешь сам извять мир, какой тебе хочется, – проговорила Тила.

– Тебе что, не нравится твой мир, подружка?

– Сам знаешь, о чем я.

– Об их могуществе?

Луис любил неожиданности, но к власти и могуществу был безразличен. Он не являлся творческой натурой, ничего не создавал, предпочитая быть исследователем.

Впереди показалась новая выпуклость, намного крупнее всех предыдущих. Из нее торчало огромное, черное в свете работающих на полную мощь двигателей ребро площадью в сотни тысяч квадратных миль.

Если другие бугры являлись морями, то этот был океаном, царем всех океанов. Казалось, ему не будет ни конца ни края, и дно его не было плоским. Оно напоминало топографическую карту Тихого океана – долины и хребты, мели и глубины, а также высокие горы, которые вполне могли быть островами.

– Они хотели сохранить жизнь в морях, – предположила Тила. – Им нужен был один глубокий океан. Ребро, вероятно, поддерживает низкую температуру на глубине. Вроде радиатора.

Океан был недостаточно глубокий, но достаточно обширен, чтобы поглотить Землю.

– Хватит, – внезапно заявил кзин. – Давайте теперь взглянем на внутреннюю поверхность.

– Сначала нужно провести измерения. Действительно ли кольцо идеально круглое? Малейшее отклонение привело бы к тому, что атмосфера улетучилась бы в космос.

– Мы знаем, Несс, что там есть воздух. Насколько кольцо отклоняется от окружности, мы поймем по распределению воды на внутренней поверхности.

– Ладно, – сдался кукольник. – Давайте доберемся до другого края.

В поверхности виднелись отметины от метеоритов – немного, но все же. Луис с усмешкой подумал, что кольцевики не слишком тщательно почистили свою солнечную систему, но потом понял, что метеориты прилетали извне, из межзвездного пространства. В свете раскаленной плазмы возник очередной кратер, и Луис заметил на его дне странный отблеск.

Судя по всему, перед ним промелькнула основа кольца – достаточно плотное, чтобы задерживать сорок процентов нейтрино, и сверхтвердое вещество. Над основой, или с внутренней ее стороны, располагались почва, моря и города, а над ними воздух. Под основой, или снаружи нее, пролегал слой губчатого материала, некоего подобия пенопласта, он принимал на себя главный удар со стороны метеоритов. Большинство из них испарялись внутри толстого пенистого слоя, но некоторые проникали насквозь, оставляя конические отверстия с блестящим дном...

Вдали, почти за пределами плавной кривой Мира-Кольца, взгляд Луиса наткнулся на углубление, достаточно крупное для того, чтобы его было видно в звездном свете с такого расстояния. Однако он не придавал особого значения метеоритной воронке – его зрение и разум еще не привыкли к пропорциям Мира-Кольца.

Глава 9

Теневые квадраты

Над прямым черным ободом кольца взошла сверкающая звезда класса G2. Лишь когда Говорящий коснулся кнопки поляризатора, Луис смог взглянуть на нее невооруженным глазом и увидел край тени, пересекающей диск звезды, – теневой квадрат.

– Осторожнее, – предупредил Несс. – Если мы уравнием скорость с кольцом и зависнем над его внутренней поверхностью, нас наверняка атакуют.

В ответ послышалось неразборчивое ворчание кзина, который основательно устал, проведя много часов за подковообразной приборной панелью.

– Каким оружием нас собираются атаковать? У создателей Мира-Кольца даже работающей радиостанции нет!

– Мы понятия не имеем о принципах их связи. Возможно, в их основе лежит телепатия, или резонансные колебания кольца, или электрические импульсы в металлических проводах. Зависнув над поверхностью, мы станем для них угрозой, и они воспользуются любым оружием, какое у них только есть.

Луис согласно кивнул. Осторожность не была ему присуща, и Мир-Кольцо пробудил в нем прирожденное любопытство, но тем не менее кукольник был прав.

Неподвижно застыв в пространстве, «Лжец» стал бы потенциальным метеоритом, причем достаточно крупным. Даже двигаясь с орбитальной скоростью, подобная масса представляла чудовищную опасность; стоило ей задеть атмосферу, и она с воем устремилась бы вниз со скоростью в несколько сотен миль в секунду. Перемещаясь со скоростью выше орбитальной и удерживаясь с помощью двигателей на искривленной траектории, «Лжец» представлял бы меньшее, но в случае чего намного более фатальное зло, поскольку при отказе двигателей «центробежная сила» швырнула бы корабль прямо на населенные территории. Вряд ли кольцевики несерьезно относились к метеоритам, учитывая, что одна-единственная пробоина в основе кольца могла лишить их всего пригодного для дыхания воздуха.

Говорящий повернулся к кукольнику, и его глаза оказались на уровне с плоскими головами Несса.

– В таком случае жду твоих распоряжений, – сказал кзин.

– Сначала нужно замедлить корабль до орбитальной скорости.

– А потом?

– Ускоряться в сторону солнца. Мы сможем до какой-то степени рассмотреть обитаемую поверхность кольца, пока она будет уменьшаться под нами. Наша главная цель – теневые квадраты.

– Подобная предосторожность напрасна и унижительна. Теневые квадраты не вызывают у нас ни малейшего интереса.

«Невмирс!» – подумал Луис.

Неужели ему, усталому и голодному, придется теперь играть роль миротворца для инопланетян? Прошло немало времени с тех пор, как кто-либо из них ел или спал. Если Луис просто утомился, то кзин наверняка полностью вымотан и готов сорваться в любой момент.

– Нас определенно интересуют теневые квадраты, – возразил кукольник. – Они перехватывают больше солнечного света, чем сам Мир-Кольцо. Возможно, это идеальные термоэлектрические генераторы для снабжения Мира-Кольца энергией.

Кзин что-то злобно прорычал на Языке героев, но его ответ на интерлингве показался до нелепости спокойным:

– Ты ведешь себя неразумно. Нас ни в коей мере не волнует источник энергии Мира-Кольца. Давай сядем, найдем местного жителя и спросим его об их источниках энергии.

– Я отказываюсь даже думать о посадке.

– Ты оспариваешь мой опыт в управлении кораблем?

– Ты оспариваешь мои властные полномочия?

– Раз уж ты затронул эту тему...

– Говорящий, тасп все еще у меня. Мне решать, что делать с «Рискованной ставкой» и квантовым двигателем второго рода, и я остаюсь Замыкающим на этом корабле. Имей в виду...

– Хватит, – строго сказал Луис.

Оба посмотрели на него.

– К чему спорить раньше времени? – спросил он. – Почему бы не направить на теньевые квадраты наши телескопы? Тогда у вас появится больше фактов, чтобы орать друг на друга. Будет даже забавнее.

Несс посмотрел сам себе в глаза. Кзин убрал когти.

– И если говорить о делах более приземленных, – продолжал Луис, – все мы выбились из сил и проголодались. Кому охота драться на пустой желудок? Я намерен часок поспать. Советую и вам сделать то же самое.

– Даже не взглянешь? – потрясенно уставилась на него Тила. – Мы же увидим внутреннюю сторону!

– Сама посмотришь. Потом расскажешь.

Он вышел.

Проснулся Луис с тяжелой головой и страшно голодный. Выбравшись из-под спальных панелей, он задержался в каюте, чтобы взять из автомата сэндвич, и уже с закуской в руке направился в зону отдыха.

– Как дела?

– Ты все пропустил, – довольно холодно заявила Тила, глядя на него из-за читального экрана. – Корабли Поработителей, Туманных Демонов, космических драконов, каннибалов-сеятелей... Они накинудись на нас все сразу, и Говорящему пришлось отбиваться от них голыми лапами. Тебе бы понравилось.

– Несс?

– Мы с Говорящим решили, что полетим к теньевым квадратам, – ответил кукольник из рубки управления. – Он сейчас спит. Скоро будем в открытом космосе.

– Есть новости?

– Да, и немало. Я покажу.

Несс что-то проделал с приборами, управлявшими телескопом. Надо полагать, он где-то изучал систему обозначений кзинов.

Изображение на экране напоминало Землю с большой высоты: горы, озера, долины, реки, какие-то огромные голые пятна...

– Это что, пустыни? – спросил Луис.

– Скорее всего. Говорящий замерил спектры температуры и влажности. Много свидетельств того, что Мир-Кольцо вернулся в дикое состояние, по крайней мере отчасти. Иначе откуда бы взялись пустыни? Кроме того, мы нашли еще один глубокий соленый океан на противоположной стороне кольца, и он такой же величины, как и на этой. Спектральный анализ подтверждает наличие соли. Строители кольца явно сочли необходимым уравновесить столь чудовищные массы воды.

Луис откусил от сэндвича.

– Твое предложение оказалось удачным, – заметил Несс. – Ты самый опытный дипломат из нас, несмотря на всю подготовку, что есть у Говорящего и у меня. Именно после того, как мы навели телескоп на теньевые квадраты, кзин согласился взглянуть на них поближе.

– Вот как? Почему?

– Мы обнаружили некую странность. Теневые квадраты движутся со скоростью значительно больше орбитальной.

Луис перестал жевать.

– В этом нет ничего невозможного, – добавил кукольник. – Должно быть, они перемещаются по одинаковым устойчивым эллиптическим орбитам. Им вовсе не обязательно сохранять постоянное расстояние от солнца.

Луис сглотнул, вновь обретя дар речи:

– Не может быть! Тогда менялась бы продолжительность дня!

– Мы подумали, это для того, чтобы различать лето и зиму, делая ночь короче, а потом длиннее, – вмешалась Тила. – Но все равно непонятно.

– Действительно непонятно. Теневые квадраты совершают оборот менее чем за месяц. Кому нужен год длиной в три недели?

– Так что сам видишь, в чем проблема, – сказал Несс. – Аномалия была слишком мала, чтобы мы могли ее обнаружить из нашей собственной системы. В чем ее причина? Может, возле звезды аномально возрастает гравитация, требуя более высокой орбитальной скорости? В любом случае теневые квадраты заслуживают того, чтобы взглянуть на них поближе.

Резкий черный край теневого квадрата, движущийся на фоне солнца, отмечал ход времени.

Наконец из своей каюты вышел кзин, обменялся любезностями с сидевшими в зоне отдыха людьми и сменил Несса в рубке управления.

Вскоре Говорящий появился снова. Он не издал ни звука, но Луис вдруг увидел, как попятился кукольник под яростным взглядом кзина. Тот готов был его убить.

– Ну и? – обреченно вздохнул Луис. – Что на этот раз?

– Этот пожиратель листьев... – прошипел кзин, но от гнева у него перехватило дыхание, и он начал заново: – Когда я пошел отдыхать, наш правящий-сзади шизофреник вывел нас на орбиту с минимальным потреблением топлива. С такими темпами, чтобы добраться до пояса теневых квадратов, нам потребуется четыре месяца.

Говорящий начал сыпать проклятиями на Языке героев.

– Ты сам вывел нас на эту орбиту, – спокойно ответил кукольник.

Кзин повысил голос:

– Я намеревался покинуть Мир-Кольцо не спеша, чтобы мы могли получше рассмотреть внутреннюю поверхность. Но потом можно было ускориться прямо к теневым квадратам и добраться туда за несколько часов, а не месяцев!

– Вовсе незачем так рычать. Слушай, Говорящий, если мы ускоримся к теневым квадратам, наша предполагаемая орбита пересечет Мир-Кольцо. А этого мне хотелось бы избежать.

– Он мог бы нацелиться на солнце, – сказала Тила.

Все повернулись к ней.

– Если кольцевики боятся, что мы в них врежемся, – терпеливо объяснила девушка, – то они рассчитывают нашу траекторию. И если эта траектория врежется в солнце, никакой опасности от нас не будет. Ясно?

– Да, может сработать, – заметил Говорящий.

Кукольник содрогнулся:

– Ты пилот. Поступай, как сочтешь нужным, но не забудь...

– Я вовсе не собираюсь пролететь сквозь солнце. В нужный момент я сменю курс, проложив его параллельно теневым квадратам.

Говорящий направился в рубку управления, громко топая ногами, что не так-то просто для кзина.

В конце концов корабль развернулся параллельно кольцу. Движение почти не ощущалось – кзин, следуя приказу, использовал только инерционные двигатели. Он сбросил орбитальную скорость, так что «Лжец» теперь падал на солнце, а затем развернул его носом внутрь кольца и начал прибавлять скорость.

Мир-Кольцо – широкая голубая лента, испещренная яркими клочьями белых облаков, – заметно уменьшался в размерах. Говорящий спешил.

Луис взял в автомате две чашки мокко и подал одну Тиле.

Он понимал ярость кзина. Мир-Кольцо повергал его в ужас. Говорящий был убежден, что ему придется посадить корабль... и отчаянно стремился с этим покончить, прежде чем потеряет самообладание.

Наконец кзин вернулся в зону отдыха:

– Мы достигнем орбиты теневых квадратов через четырнадцать часов. Несс, мы, воины Патриархии, учимся терпению с детства, но у вас, пожирателей листьев, выдержки не меньше, чем у трупа.

– Мы движемся, – вдруг сказал Луис, приподнимаясь.

Нос корабля поворачивался, уходя в сторону от солнца.

Пронзительно завопив, Несс прыгнул через всю зону отдыха. Он был еще в воздухе, когда «Лжец» засветился изнутри, словно лампочка, и накренился...

На мгновение наступила темнота. Разрыв реальности.

Корабль продолжал раскачиваться, несмотря на искусственную гравитацию в кабине. Луис ухватился за спинку кресла. Тила со снайперской точностью рухнула прямо в собственную противоперегрузочную капсулу. Кукольник ударился о стену и свернулся клубком. Тьма длилась лишь один миг, а затем ее сменил яркий лиловый свет, словно в ультрафиолетовой трубке.

Свет шел снаружи, со всех сторон. Наверное, Говорящий закончил нацеливать «Лжеца» и переключил его на автопилот. А потом, подумал Луис, автопилот пересмотрел избранный Говорящим курс, решив, что солнце – достаточно крупный метеорит, представляющий опасность, и принял меры, чтобы избежать столкновения.

Гравитация в кабине вернулась в норму. Луис поднялся с пола, нисколько не пострадав, как и Тила. Она стояла у стены, глядя сквозь фиолетовое сияние.

– Половина приборной панели не работает, – объявил Говорящий.

– Как и половина приборов, – добавила Тила. – Крыла больше нет.

– Прошу прощения?

– Крыла больше нет.

Так оно и оказалось. Вместе с крылом исчезло все, что было на нем закреплено: инерционные двигатели, плазменные реакторы, капсулы с аппаратурой связи, посадочные шасси. Остался только чистый, гладкий корпус «Дженерал продактс» и то, что находилось под его защитой.

– В нас стреляли, – сказал Говорящий. – И продолжают стрелять, вероятно, из рентгеновских лазеров. Корабль находится в состоянии войны. Соответственно, я беру командование на себя.

Несс не возражал, все так же пребывая в форме шара. Луис присел рядом с ним и потрогал.

– Невмирс! Я не доктор для инопланетян. Одному Финейглу известно, ранен он или нет.

– Он очень напуган и пытается спрятаться в собственном брюхе. Свяжите его с Тилой и оставьте так.

Луис даже не удивился, что подчиняется приказам кзина, – так он был потрясен. Мгновение назад у них был космический корабль, а теперь – не более чем падающий на солнце стеклянный шприц.

Уложив кукольника в противоперегрузочную капсулу, они накрыли его защитной сеткой.

– Культура, которая нам противостоит, отнюдь не миролюбивая, – подытожил кзин. – Рентгеновский лазер – однозначно оружие войны. Если бы не наш неуязвимый корпус, мы были бы уже мертвы.

– Должно быть, включилось стазисное поле Поработителей, – сказал Луис. – Неизвестно, как долго мы в нем пробыли.

– Несколько секунд, – ответила Тила. – Тот фиолетовый свет, видимо, флюоресцирующий туман, оставшийся от нашего крыла.

– Распыленный лазерным лучом. Похоже, он рассеивается.

Сияние в самом деле стало менее ярким.

– К несчастью, наша автоматика рассчитана исключительно на оборону. Вот и доверься кукольнику, который понятия не имеет об оружии нападения! – проворчал Говорящий. – Даже наши плазменные двигатели находились на крыле. А противник до сих пор нас обстреливает! Но ему еще предстоит узнать, что значит атаковать кзина.

– Собираешься устроить за ними охоту?

– Да, собираюсь, – Говорящий даже не почувствовал сарказма в его голосе.

– На чем? – взорвался Луис. – Знаешь, что они нам оставили? Гиперпривод и жилой модуль, и больше ничего! У нас нет даже пары маневровых двигателей. У тебя мания величия, если ты думаешь, будто на чем-то таком можно сражаться!

– Именно так считает враг! Но они не знают, что...

– Какой враг?

– ...что бросить вызов кзину...

– Это автоматы, болван! Враг начал бы стрелять сразу же, как только мы оказались бы в пределах его досягаемости!

– Меня тоже удивляет их необычная стратегия.

– Это автоматы! Рентгеновские лазеры для уничтожения метеоритов. Они запрограммированы сбивать все, что может врезаться в кольцо. Стоило нашей расчетной орбите пересечь кольцо – и бум! Лазеры!

– Что ж... возможно. – Кзин начал опускать заслонки над неработающими частями приборной панели. – Но, надеюсь, ты ошибаешься.

– Ну да, конечно. Всегда ведь лучше, когда есть на кого свалить вину?

– Было бы лучше, если бы наша траектория не пересекла кольцо. – Кзин уже закрыл половину панели и продолжал опускать заслонки. – Мы летим на большой скорости, что позволит нам покинуть эту систему и зону местной аномалии, после чего мы сможем воспользоваться гиперприводом и вернуться к флоту кукольников. Но прежде всего нужно не врезаться в кольцо.

Настолько далеко Луис не загадывал.

– И надо было тебе так спешить? – горько проговорил он.

– По крайней мере, мы не столкнемся со звездой. Если бы мы летели прямо к ней, автоматика не стала бы атаковать.

– Лазеры продолжают нас обстреливать, – сообщила Тила. – Я вижу звезды сквозь сияние, но само оно никуда не делось. Это ведь значит, что мы все еще летим к поверхности кольца?

– Если лазеры автоматические – да.

– Если мы врежемся в кольцо, то погибнем?

– Спроси Несса. Его раса построила «Лжеца». Попробуй, может, заставишь его развернуться.

Кзин презрительно фыркнул. Он уже закрыл большую часть приборной панели. Горели лишь несколько жалких огоньков, а значит, «Лжец» был еще отчасти жив.

Тила Браун склонилась над кукольным, все так же свернутым в клубок за хрупкой сеткой. Вопреки предположению Луиса, она не проявляла ни малейших признаков паники с самого начала лазерной атаки. Тила подсунула руки под основания шей кукольного и стала нежно их почесывать, как это делал однажды при ней Луис.

– Глупый трусишка, – упрекнула она напуганного кукольного. – Ну давай же, высунь головы. Посмотри на меня. Пропустишь все самое интересное!

Двенадцать часов спустя Несс все так же пребывал в полном ступоре.

– Когда я пытаюсь выманить его уговорами, он только плотнее сворачивается. – Тила едва не плакала.

Они были у себя в каюте, ушли поужинать, но Тиле кусок не лез в горло.

– Я что-то делаю не так, Луис. Я знаю.

– Ты постоянно твердишь, сколько тут происходит интересного. А Несса сейчас это мало волнует, – заметил Луис. – Оставь его. Он не причиняет вреда ни себе, ни нам. Когда потребуется, он развернется, хотя бы для самозащиты. А пока пусть прячется в собственном брюхе.

Тила, спотыкаясь, расхаживала по каюте, не сумев полностью привыкнуть к разнице между земной силой тяжести и гравитацией на корабле. Она хотела что-то сказать, но передумала, а потом вдруг выпалила:

– Тебе страшно?

– Угу.

– Я так и думала, – кивнула она, продолжая ходить туда-сюда, и наконец спросила: – Почему Говорящему не страшно?

После атаки кзин проявлял необычную активность: сортировал имеющееся оружие, проводил примитивные тригонометрические расчеты, чтобы проложить курс, иногда бросал короткие, требовавшие немедленного исполнения приказы.

– Думаю, Говорящему тоже страшно. Помнишь, как он себя вел, когда увидел планеты кукольных? Он напуган, но ни за что не позволит, чтобы Несс об этом узнал.

– Не понимаю. – Она покачала головой. – Я нисколько не боюсь! Почему всем страшно, кроме меня?

В сердце Луиса вдруг отозвались старой, почти забытой болью любовь и жалость.

– Несс отчасти прав, – попытался он объяснить. – Ты ведь никогда в жизни не страдала? Тебе слишком для этого везло. Мы боимся страданий, но тебе этого не понять, поскольку с тобой никогда такого не случилось.

– Чушь какая-то. Да, я никогда не ломала костей, не испытывала ничего в этом роде. Но это же не какая-то сверхспособность!

– Нет. Везение – не сверхспособность. Везение – статистика, а ты – математический казус. Было бы удивительно, если бы из сорока трех миллиардов людей в Известном космосе Несс не нашел кого-то вроде тебя. Понимаешь, что он сделал? Он взял группу потомков победителей в Лотереях рождений. По его словам, их были тысячи. Но вполне вероятно, что, если бы он не нашел кандидата среди этих тысяч, он бы начал искать среди более широкой группы тех, у кого один или больше предков были рождены посредством лотерей. Это дает ему десятки миллионов вариантов...

– Что он искал?

– Тебя. Он взял несколько тысяч человек и начал исключать невезучих. Этот парень сломал палец в тринадцатилетнем возрасте. У этой девушки проблемы с личностью. У этой были угри. Этот ввязывается в драки и проигрывает. Этот победил в драке, но проиграл в суде. Этот парень запускал модели ракет, пока не сжег себе ноготь на большом пальце. Эта девушка постоянно проигрывает в рулетку... Понимаешь? Ты – та, которая всегда выигрывает. Бутерброд, который никогда не падает маслом вниз.

Тила задумчиво смотрела на него.

– Значит, все дело в вероятности? Но, Луис, я не всегда выигрываю в рулетку.

– Но никогда и не проигрывала настолько, чтобы из-за этого страдать.

– Нет.

– Именно такого человека и искал Несс.

– Ты говоришь так, как будто я какая-то диковинка.

– Невмирс, вовсе нет! Напротив. Несс продолжал исключать невезучих кандидатов, пока не осталась одна ты. Он считает, что нашел некий базовый принцип, но на самом деле – лишь дальний конец кривой нормального распределения. Теория вероятности утверждает, что такие, как ты, существуют. Она также утверждает, что, когда ты в следующий раз подбросишь монетку, твои шансы будут точно такие же, как и у меня, – пятьдесят на пятьдесят. Госпожа удача вообще не обладает памятью.

Тила опустилась в кресло:

– Хорошим же талисманом я оказалась. Бедняга Несс. Я его подвела.

– Ничего, переживет.

Уголки ее губ дрогнули.

– Можем, кстати, проверить.

– Что?

– Возьми в автомате бутерброд. И начнем его подбрасывать.

Теневой квадрат был чернее черного – чернее даже очень дорогого абсолютно черного тела для студенческих лабораторных работ. Одним углом он врезался в голубую линию Мира-Кольца. Приняв его за ориентир, можно было представить остальную узкую продолговатую часть космоса, в которой подозрительно отсутствовали звезды. Квадрат уже закрыл собой солидный сегмент неба и продолжал расти.

Луис надел выпуклые защитные очки, автоматически темневшие под воздействием чересчур мощного светового потока. Поляризационного эффекта корпуса было уже недостаточно. В очках был и Говорящий, он сидел в рубке управления за остатками работающих приборов. Для Несса нашлись две отдельные линзы на коротких ремешках, которые общими усилиями удалось-таки на него нацепить.

Отдаленное на двенадцать миллионов миль солнце выглядело для Луиса сквозь очки как размытое огненное гало вокруг сплошного черного диска. Все в корабле основательно нагрелось. Система рециркуляции воздуха завывала на максимальных оборотах.

Тила открыла дверь каюты и сразу поспешно ее закрыла, вышла уже в очках и под села за стол к Луису.

Теневой квадрат производил впечатление чудовищной, невообразимой пустоты – словно кто-то вел по доске мокрой тряпкой, стирая с нее меловые отметины звезд.

Разговаривать было невозможно из-за воя воздушной установки. Как она могла сбрасывать излишки тепла, если снаружи пылает жаркое, словно плавильная печь, солнце? Луис решил, что идет накопление тепла. Где-то внутри установки некая точка с каждой секундой раскалялась все горячее, словно звезда.

Еще один повод для беспокойства.

Черный прямоугольник продолжал набухать. Из-за его размера казалось, что он приближается слишком медленно. Ширина теневого квадрата составляла почти столько же, сколько и диаметр солнца, – около миллиона миль; а в длину он был еще больше, два с половиной миллиона миль. Внезапно его край заслонил солнце – и наступила темнота.

Теневой квадрат закрывал собой половину вселенной. Черный на черном фоне, он простирался в бесконечность, внушая непреодолимый ужас.

Позади кают корабль раскалился добела – воздушная установка сбрасывала лишнее тепло, пока была такая возможность. Пожав плечами, Луис вновь повернулся к теневому квадрату.

Вой воздушной установки оборвался, оставив после себя звон в ушах.

– Ну и... – неуверенно сказала Тила.

Из рубки управления вышел Говорящий:

– Жаль, что экран телескопа больше ни к чему не подключен. С его помощью мы могли бы получить ответ на множество вопросов.

– Например? – громко спросил Луис.

– Почему теньевые квадраты движутся со скоростью выше орбитальной? Действительно ли это генераторы энергии для строителей кольца? Что удерживает их лицевой стороной к солнцу? Будь у нас работающий телескоп, можно было бы узнать ответ на все вопросы, которые задавал пожиратель листьев.

– Мы что, врежемся в солнце?

– Нет, конечно, Луис. Я же тебе говорил. Мы пробудем позади теневого квадрата около получаса, а потом, час спустя, пройдем между следующим теньевым квадратом и солнцем. Если в кабине станет слишком горячо, всегда можно активировать стазисное поле.

Вновь наступила звенящая тишина. Теньевой квадрат выглядел лишенным каких-либо черт бескрайним черным полем, из которого человеческий взгляд не мог извлечь никаких данных.

Наконец снова появилось солнце, и кабину опять заполнил вой воздушной установки.

Луис всмотрелся в небо впереди. Он обнаружил очередной теньевой квадрат и наблюдал за его приближением, когда вновь ударила молния.

Эта внезапная вспышка действительно выглядела как молния. На мгновение все вокруг залило ослепительно-белым, с фиолетовым отливом светом. Корабль накренился...

Разрыв реальности.

«Лжец» покачнулся, и свет исчез. Луис потер пальцами под очками невидящие глаза.

– Что это было? – воскликнула Тила.

Зрение Луиса постепенно прояснилось, и он распознал, что Несс в изумлении высунул одну голову, Говорящий копается в шкафчике, а Тила таращится на него самого. Нет, не на него, а куда-то за его спиной. Он обернулся.

Черный диск солнца, окруженный нимбом бело-желтого пламени, существенно уменьшился за то мгновение, что они провели в стазисе. Скорее всего, мгновение длилось несколько часов. Вой воздушной установки утих, сменившись раздражающим писком.

И еще – снаружи кое-что пылало: тонкая черная нить, очерченная фиолетово-белым сиянием. Один ее конец сливался с черным пятном, закрывавшим солнце. Другой исчезал вдали перед носом «Лжеца».

Нить извивалась, словно раненый червяк.

– Мы во что-то врезались, – спокойно констатировал Несс, как будто не отсутствовал все это время. – Говорящий, придется тебе выйти и посмотреть, что случилось. Но, пожалуйста, надень скафандр.

– Мы в состоянии войны, – ответил кзин. – Здесь командую я.

– Отлично. И что ты намерен делать?

Кзину хватило ума промолчать. Он уже почти закончил облачаться во множество баллонов и тяжелый ранец, служивших ему в качестве скафандра. Судя по всему, решил взглянуть на ситуацию снаружи.

Говорящий выкатился из корабля на скутере – гантелеобразном устройстве с инерционным двигателем и креслом посередине.

Остальные наблюдали, как он маневрирует вдоль извивающейся черной нити, которая успела основательно остыть: свет окутывавшей ее яркой бахромы сменился с бело-фиолетового на белый, а затем бело-оранжевый. Темный силуэт Говорящего покинул скутер и переместился к раскаленной проволоке.

Они вслушивались в его дыхание по внутренней связи скафандра. Раздался удивленный рык, но не прозвучало ни слова. За те полчаса, что кзин пробыл в космосе, раскаленная нить потемнела почти до полной невидимости.

Наконец он вернулся на «Лжеца», и, как только вошел, все оказали ему почтительное внимание.

– Она невероятно тонкая, – сказал кзин. – Как вы, наверное, уже заметили, у меня тут половинка зажима...

Говорящий протянул им изуродованный инструмент. На поверхности зажима был чистый ровный срез, отполированный до зеркального блеска.

– Когда я оказался достаточно близко от нити, чтобы понять, насколько она тонка, я ударил по ней зажимом, и нить прорезала сталь. Я не ощутил ни малейшего сопротивления.

– Такое может и меч-переменец, – заметил Луис.

– Но его клинок – это металлическая проволока, заключенная в стазисное поле Поработителей. Она не гнется. А эта... нить, как ты сам видел, постоянно движется.

– Значит, это нечто новое. Новехонькое...

Это нечто рубило, как меч-переменец. Легкое, тонкое, прочное, недоступное человеческому пониманию. Нечто, способное оставаться твердым в условиях, когда любая естественная субстанция превратилась бы в плазму.

– ...Но что оно делало на нашем пути? – спросил Луис.

– Сам подумай. Проходя между теневыми квадратами, мы столкнулись с чем-то неопознанным. Затем обнаружили нить бесконечной длины, по температуре сравнимую с нутром раскаленной звезды. Очевидно, мы налетели на эту нить, и она аккумулировала в себе все образовавшееся при ударе тепло. Подозреваю, что она была натянута между теневыми квадратами.

– Скорее всего. Но зачем?

– Мы можем только предполагать, – сказал Говорящий-с-Животными. – Строители Мира-Кольца использовали теневые квадраты, чтобы имитировать смену дня и ночи. Для этой цели прямоугольники должны перекрывать солнечный свет, а это было бы невозможно, если бы к солнцу они двигались своей кромкой. С помощью этой странной нити прямоугольники соединены в цепочку, которая вращается со скоростью выше орбитальной, чтобы обеспечить натяжение нитей. Нити натягиваются, и прямоугольники располагаются параллельно кольцу.

Картина выглядела довольно странной – хоровод из двадцати теневых квадратов, соединенных по краям нитями длиной в пять миллионов миль...

– Нам нужна такая нить, – сказал Луис. – Трудно даже представить, сколько бы ей нашлось применений.

– У меня не было возможности ни доставить ее на борт, ни отрезать кусок.

– Что, если из-за столкновения изменился наш курс? – вмешался кукольник. – Можно как-то определить, пролетим ли мы мимо Мира-Кольца?

Никто этого не знал.

– Если при столкновении мы потеряли большую часть импульса, но все равно пролетим мимо, то может случиться и так, что мы вечно будем падать по эллиптической орбите, – горестно простонал Несс. – Тила, твое везение нас подвело.

– Я никогда не говорила, будто подхожу на роль счастливого талисмана, – пожала она плечами.

– Это Замыкающий ввел меня в заблуждение. Будь он сейчас здесь, я бы высказал пару ласковых моему высокомерному жениху.

Ужин в тот вечер превратился в ритуал, будто для команды «Лжеца» он должен был стать последним. Сидевшая напротив Луиса Тила Браун выглядела до боли прекрасной в струящемся черно-оранжевом платье, весившем не больше унции.

За ее спиной медленно рос Мир-Кольцо, и время от времени Тила оборачивалась посмотреть на него. Если о чувствах инопланетян Луис мог лишь догадываться, то у Тилы он замечал любопытство и нетерпеливое ожидание. Она, как и он, считала, что мимо Мира-Кольца они не промахнутся.

Ночью они любили друг друга столь яростно, что Тила даже удивилась, а потом обрадовалась:

– Так вот что делает с тобой страх! Надо будет запомнить.

Луис, однако, не сумел улыбнуться в ответ.

– Мне все время кажется, будто этот раз – последний.

«С кем бы то ни было», – мысленно добавил он.

– Да брось, Луис. Мы же внутри корпуса «Дженерал продактс»!

– А если стазисное поле откажет? Корабль, может, и выдержит удар, но мы превратимся в желе.

– Да хватит тебе беспокоиться, ради Финейгла!

Тила провела ногтями по его спине, и он привлек ее к себе так, чтобы она не видела его лица...

Когда девушка крепко заснула, паря, словно чудесное видение, между спальными панелями, Луис оставил ее. Уставший и пресытившийся, он погрузился в горячую ванну, потягивая холодный бурбон.

Были, были на свете удовольствия, от которых он ни за что не смог бы отказаться.

Через весь небосвод тянулся Мир-Кольцо – то голубой с белыми полосами, то сплошь синий. Поначалу сквозь облачный покров можно было рассмотреть только крошечные пятнышки гроз, столбы северного сияния и похожие на клочья шерсти тучи. Они становились все больше. Затем появились очертания морей... примерно половину Мира-Кольца занимала вода...

Несс, пристегнутый в своей капсуле, свернулся клубком. Говорящий, Тила и Луис Ву тоже закрепили ремни, но не сводили глаз с панорамного вида.

– Лучше бы ты взглянул, – посоветовал кукольнику Луис. – Местная топография может потом пригодиться.

Несс послушно поднял одну плоскую питонью голову и уставился на пейзаж.

Океаны, извилистые разветвления рек, горная гряда...

И никаких признаков жизни – следы цивилизации различимы лишь с высоты менее тысячи миль. Подробности Мира-Кольца проносились мимо так стремительно, что оставались незаметными. Впрочем, они не имели особого значения, ведь «Лжецу» предстояло сесть на незнакомой, неизведанной территории.

Собственная скорость корабля составляла примерно двести миль в секунду. Он с легкостью мог бы покинуть систему, если бы не Мир-Кольцо, поверхность которого мчалась навстречу со скоростью семьсот семьдесят миль в секунду.

Внизу появилось море в форме саламандры и тут же исчезло. Внезапно ландшафт оза-рился фиолетовым сиянием...

Разрыв реальности!

Глава 10

Основа кольца

На мгновение вспыхнул яркий бело-фиолетовый свет, и сотни миль атмосферы, в один миг сжатой в раскаленный конус плазмы, с размаху хлестнули корабль по носу. Луис моргнул.

В следующую секунду «Лжец» уже сел.

– Невмирс! – послышался разочарованный возглас Тилы. – Мы все пропустили!

– Наблюдать за событиями титанического масштаба всегда опасно, обычно болезненно и часто смертельно, – ответил кукольник. – Благодарю стазисное поле Поработителей – или свое пресловутое везение.

Луис не обращал на их слова никакого внимания. У него страшно кружилась голова, глаза пытались отыскать хоть какой-то ориентир...

Внезапный переход от кошмарного падения к устойчивой статике и сам по себе мог вызвать приступ дурноты, но положение «Лжеца» только все ухудшало. Корабль замер под углом сорок пять градусов, а поскольку искусственная гравитация в его кабине продолжала работать, казалось, будто ландшафт надет на него, словно шляпа набекрень.

Безбрежная высь напоминала полуденное небо в умеренном поясе Земли. Вокруг простиралась гладкая блестящая полупрозрачная поверхность, с красновато-коричневыми хребтами вдаль. Чтобы как следует осмотреться, нужно было выйти наружу.

Луис отстегнул противоперегрузочную сетку и встал.

Он с трудом удержал равновесие, его зрение и вестибулярный аппарат противоречили друг другу в определении верха и низа. Спокойнее, подумал он. Спешить некуда. Опасность позади.

Повернувшись, он увидел в шлюзе Тилу, без скафандра. Внутренний люк уже закрылся.

– С ума сошла?! – заорал он. – Немедленно вылезай!

Но было уже слишком поздно – вряд ли она могла услышать его сквозь герметично закрытый люк. Луис бросился к шкафчикам.

Анализаторы воздуха на крыле «Лжеца» испарились вместе с остальными внешними датчиками. Чтобы выяснить, можно ли безопасно дышать воздухом Мира-Кольца, нужно было выйти наружу в скафандре: датчики на груди проверяли состав атмосферы.

Если, конечно, Тила не упадет без чувств и не умрет, прежде чем он успеет к ней подойти. Тогда станет ясно раньше.

Открылся внешний люк. В шлюзе автоматически появилась гравитация. Вывалившись головой вперед, Тила Браун судорожно схватилась за край люка и сумела изменить угол падения, плюхнувшись на мягкое место, а не на макушку.

Забравшись в скафандр, Луис застегнул его на груди, надел шлем и защелкнул замки.

Тила, потирая ушибленный зад, поднялась на ноги. Слава Финейглу, она продолжала дышать.

Луис вошел в шлюз. Проверять запас кислорода в скафандре не стал, потому что собирался всего лишь определить по приборам состав воздуха и вернуться.

Вовремя вспомнив о наклонной позиции корабля, он ухватился за край люка, когда открылся шлюз, и, на мгновение повиснув на руках, спрыгнул вниз. Не удержавшись, шлепнулся на ягодицы.

Плоское серое полупрозрачное вещество на поверхности оказалось страшно скользким. Луис попытался встать, но тщетно. Сидя, он взглянул на циферблаты у себя на груди.

В его шлеме послышался мурлычущий голос Говорящего:

– Луис?

– Да?

– Воздух пригоден для дыхания?

– Вполне, хотя он слегка разреженный. Примерно соответствует миле над уровнем моря на Земле.

– Мы можем выйти?

– Конечно, но возьмите с собой в шлюз трос и привяжите к чему-нибудь. Иначе нам будет не влезть обратно. И спускайтесь осторожнее – здесь почти нет трения.

Тила не испытывала никаких проблем со скользкой поверхностью. Она стояла, скрестив руки на груди, и ждала, когда Луис перестанет заниматься глупостями и снимет шлем.

Сделав это, он объявил:

– Хочу кое-что тебе сказать.

В довольно грубых выражениях он объяснил, насколько неточны данные спектрального анализа атмосферы с расстояния в два световых года. Рассказал о неуловимых смесях ядовитых металлов, следах пыли, органических отходах и катализаторах, способных отравить воздух, но определить их могут только реальные пробы. Осудил преступную беззаботность и достойную порицания глупость, посетовал, насколько неразумно добровольно вызываться на роль морской свинки. И все это он успел сказать еще до того, как инопланетяне покинули шлюз.

Говорящий спустился по тросу, перебирая лапами, спрыгнул и с кошачьей осторожностью прошел несколько шагов, балансируя, словно танцовщик. За ним спустился Несс, хватаясь за трос зубами то одной, то другой головы, и приземлился на три конечности.

Если кто-то из них и заметил, что Тила пребывает в расстроенных чувствах, то не подал виду. Оба остановились под наклоненным корпусом «Лжеца», оглядываясь вокруг.

Они находились в огромном неглубоком овраге с полупрозрачным серым дном, абсолютно плоским и гладким, словно стеклянная крышка стола. По краям его, в сотне ярдов во все стороны от корабля, тянулись пологие склоны из черной лавы, которая, как казалось Луису, колебалась и плыла перед глазами. Он решил, что это последствия жара, вызванного посадкой «Лжеца». Низкие лавовые стены уходили за корабль по идеальной прямой и исчезали в безбрежной дали.

Луис попытался встать. Из всех четверых у него одного были проблемы с равновесием. Подтянув ноги, он осторожно поднялся и замер, боясь пошевелиться.

Говорящий-с-Животными достал лазерный фонарь и выстрелил вниз. Все в полной тишине смотрели на зеленую светящуюся точку. Ни треска твердого вещества, ни дыма, ни пара в том месте, где ударил луч. Когда Говорящий отпустил кнопку, там вообще не осталось каких-либо отметин.

– Мы в борозде, которую сами же и пропахали при посадке, – вынес приговор кзин. – А окончательно остановил наше падение материал фундамента кольца. Несс, что скажешь?

– Это что-то новое, – ответил кукольник. – Похоже, оно не задерживает тепло, но это не разновидность корпуса «Дженерал продактс» и не стазисное поле Поработителей.

– Нам понадобится защита, чтобы взобраться по стенам, – сказал Луис; его не особо интересовал материал основы кольца, по крайней мере не сейчас. – Лучше останьтесь здесь, а я поднимусь.

Он единственный был одет в теплоизолированный скафандр.

– Я с тобой, – вызвалась Тила.

Без каких-либо усилий она подошла к Луису и взяла его под руку. Он тяжело оперся на нее и спотыкался, но не падал, когда они направились к черному лавовому склону.

Ноги по лаве уже не скользили, хотя откос и был достаточно крутым.

– Спасибо, – сказал Луис и начал подниматься.

Мгновение спустя он понял, что Тила следует за ним, но промолчал. Чем скорее она научится разумной осторожности, тем дольше проживет.

Они преодолели с десяток ярдов, когда девушка вдруг вскрикнула и стала приплясывать. Высоко взбрыкнув ногами, она повернулась и стремительно заскользила вниз, словно на лыжах. Скатившись к основе кольца, уперла руки в бока и в полном замешательстве посмотрела вверх с обидой и злостью.

Могло быть и хуже, подумал Луис, если б она не удержалась, упала, ободрала ладони. Тем не менее он был прав и продолжил подъем, подавляя неприятное чувство вины.

Высота лавовой насыпи составляла около сорока футов. Наверху оказался чистый белый песок.

Пустыня. Оглядевшись вокруг, Луис не обнаружил ни зеленых признаков растительности, ни голубых вкраплений воды. Им повезло, что «Лжец» приземлился здесь, а ведь с тем же успехом мог бы пропахать город.

Или даже несколько городов! Корабль оставил в белом песке основательную борозду.

Она тянулась на много миль, а там, где заканчивалась, начиналась другая – «Лжец» подпрыгивал, причем не один, а много раз. След от посадки уходил вдаль, сужаясь до едва заметной точки. Охватив его взглядом, Луис понял, что смотрит в бесконечность.

На Мире-Кольце не было привычного горизонта, границы между землей и небом. Казалось, они сливаются в некую область, где объекты размером с континент стали бы не больше точки, а все цвета смешались в небесную голубизну. Луис моргнул, с трудом оторвавшись от дивного зрелища.

Подобно туманной пропасти на Горе Погляди-ка, которую он видел десятилетия назад за многие световые годы отсюда... подобно нетронутым глубинам космоса, какими мог их наблюдать рудкоп из Пояса астероидов в одноместном корабле... горизонт Мира-Кольца полностью овладевал взглядом и разумом любого, прежде чем тот успевал осознать грозящую ему опасность.

– Этот мир плоский! – крикнул Луис, обернувшись к оврагу.

Все посмотрели на него.

– От нашей посадки остались огромные рвы. Вокруг никаких признаков жизни, так что нам еще повезло. В том месте, где мы ударились о поверхность, повсюду разлетелись обломки – их следы вроде мелких метеоритных кратеров тянутся с той стороны, откуда мы прилетели. А с другой... – Он повернулся и замолчал.

– Луис?

– Невмирс! Никогда в жизни не видел такой громадной горы.

– Луис!

Наверное, он говорил слишком тихо.

– Гора! – заорал он. – Еще немного, и сами заметите! Строителям Мира-Кольца зачем-то нужна была в их мире гора, причем настолько большая, что от нее нет никакой пользы. Она несоизмеримо велика для того, чтобы выращивать на ней кофе или деревья или даже чтобы кататься с нее на лыжах. Впечатляюще!

Гора действительно выглядела впечатляюще – одна-единственная, почти конической формы, без всякой горной цепи. Она напоминала вулкан – естественно, не настоящий, так как под поверхностью Мира-Кольца не было залежей магмы, которая могла бы искать выход наружу. Подножие горы терялось в тумане, но верхняя ее часть отчетливо виднелась в разреженном воздухе, а вершину покрывал сероватый слой недостаточно чистого снега или, возможно, вечной мерзлоты.

Очертания вершины были кристально четкими и ясными. Неужели она уходила за пределы атмосферы? Настоящая гора подобных размеров обрушилась бы под собственной тяжестью, но у этой могла быть пустая оболочка из того же материала, что и основа кольца.

– Строители Мира-Кольца начинают мне нравиться, – пробормотал Луис Ву.

В мире, созданном в соответствии с четкими, заранее составленными спецификациями, не существовало никаких логических причин для наличия подобной горы. И все же в любом мире должна быть хотя бы одна неприступная вершина.

Едва Луис вернулся к кораблю, его сразу же засыпали вопросами, суть которых сводилась к одному:

– Здесь есть признаки цивилизации?

– Нет.

Его заставили описать все, что он видел, после чего определились с направлением: «по вращению» – туда, куда тянулась оставленная «Лжецом» при посадке борозда; «против вращения» – в другую сторону, по направлению к горе. Соответственно, левый и правый края располагались слева и справа, если стоять лицом по вращению.

– Ты видел стены кольца слева или справа?

– Нет. И непонятно почему. Они должны там быть.

– Прискорбно, – заметил Несс.

– Просто невозможно. Взгляда хватает на тысячи миль.

– Не «невозможно». Прискорбно.

И снова тот же вопрос:

– Неужели ты ничего не видел, кроме пустыни?

– Нет. Далеко слева есть что-то голубое, возможно океан. Или это туманная дымка.

– Никаких строений?

– Никаких.

– Конденсационные следы в небе? Прямые линии, которые могли бы быть дорогами?

– Ничего.

– Есть хоть какие-то признаки цивилизации?

– Если бы я их видел, я бы сказал. Кто знает, может, все десять триллионов здешних обитателей за последний месяц перебрались на настоящую сферу Дайсона.

– Луис, мы должны найти цивилизацию.

– Знаю.

Со всей очевидностью им рано или поздно придется покинуть Мир-Кольцо, а сами сдвинуть с места «Лжеца» они не смогут. И в этом вряд ли помогли бы варвары, сколь бы многочисленны или дружелюбны они ни были.

– Однако есть и светлая сторона, – заметил Луис Ву. – Нам не придется ремонтировать корабль. Если удастся поднять «Лжеца» над поверхностью кольца, вращательный момент вышвырнет его вместе с нами за пределы гравитационного поля звезды. Туда, где мы сможем воспользоваться гиперприводом.

– Но нужно найти тех, кто нам поможет.

– Или тех, кого мы заставим нам помочь, – рыкнул Говорящий.

– Собственно, что мы тут стоим и болтаем попусту? – внезапно взорвалась молчавшая до этого Тила. – Нам ведь нужно отсюда выбраться, не так ли? Почему бы не вытащить из корабля скутеры? Ну, давайте же! Поговорить можно и потом!

– Мне неохота уходить от корабля, – заявил кукольник.

– Неохота? Думаешь, кто-то нас спасет? Мы что, кому-то здесь хоть сколько-нибудь интересны? Кто-то ответил на наши вызовы по радио? Луис говорит, мы посреди пустыни. Сколько мы собираемся тут торчать?

Она не понимала, что Нессу требуется время, чтобы набраться смелости.

«Терпения ей явно не хватает», – подумал Луис.

– Конечно, мы уйдем, – сказал кукольник. – Я только констатировал тот факт, что мне неохота. Но мы должны решить, куда идти, чтобы знать, что брать с собой, а что оставить.

– В сторону ближайшей стены.

– Тила права, – кивнул Луис. – Если где-то и есть цивилизация, она должна быть возле стены. Но мы не знаем, где именно. Я бы заметил сверху какие-то ее признаки.

– Нет, – возразил кукольник.

– Тебя там не было, невмирс! Оттуда видно на тысячи миль во все стороны! Хотя... погоди...

– Ширина Мира-Кольца составляет почти миллион миль Объединенных Наций.

– Я сам только что сообразил, – подтвердил Луис Ву. – Меня сбивает с толку масштаб. Попросту не могу представить нечто подобных размеров!

– Ничего, еще успеешь, – утешил его кукольник.

– Может, мне не хватает мозгов, чтобы это осознать? Я помню, каким узким казалось кольцо из глубокого космоса – словно голубая лента. Голубая лента... – повторил Луис, и его пробрала дрожь.

Если высота стены вдоль края кольца составляла тысячу миль, то как же далеко они от нее оказались, раз Луис Ву вообще ее не видел?

Предположим, его взгляд простирался на тысячу миль в насыщенном пылью и влагой, похожем на земной воздухе. Если на высоте сорока миль этот воздух сменялся, по сути, вакуумом...

В таком случае ближайшая стена должна была находиться на расстоянии где-то в двадцать пять тысяч миль.

Если проделать такой путь на Земле, вернешься в исходную точку. Но до ближайшей стены могло быть и намного дальше.

– Мы не потащим «Лжеца» за собой на скутерах, – сказал Говорящий. – Если на нас нападут, придется резать тросы. Лучше оставим его здесь, возле заметного ориентира.

– Кто говорил, что мы собираемся буксировать корабль?

– Хороший воин думает обо всем. В любом случае, если не удастся найти помощь у края кольца, в итоге все равно может закончиться именно этим.

– Мы найдем помощь, – заявил Несс.

– По-моему, он прав, – заметил Луис. – Космопорты расположены у края. Если все кольцо вернулось в каменный век и цивилизация начала распространяться заново, она первым делом восстановит корабли с прямоточным двигателем. У них не будет другого выхода.

– У тебя чересчур необузданное воображение, – проворчал Говорящий.

– Еще какое!

– Но я с тобой соглашусь. Добавлю также, что, даже если кольцо лишилось всех своих великих тайн, в космопорту все равно может оказаться работающая техника, которую удастся починить.

Но какой край кольца ближе?..

– Тила права, – внезапно сказал Луис. – Займемся делом. К ночи будет виднее.

Несколько часов они сосредоточенно трудились: передвигали технику с места на место, сортировали ее, опускали тяжелые предметы на тросе из шлюза. Меняющееся направление силы тяжести создавало определенные проблемы, но, к счастью, не пришлось иметь дел с особо хрупким грузом.

В какой-то момент Луис застал Тилу в корабле одну, пока инопланетяне были снаружи.

– У тебя такой вид, будто кто-то испортил твою любимую орхидею, – сказал он. – Может, объяснишь, в чем дело?

Она покачала головой, избегая его взгляда. Луис заметил, что надутые губы ей даже к лицу – Тила была одной из тех редких женщин, чью красоту не портили слезы.

– Тогда я скажу. Когда ты вышла из шлюза без скафандра, я задал тебе нагоняй. Четверть часа спустя ты попыталась вскарабкаться по склону из застывшей лавы в одних лишь корабельных тапочках.

– Ты хотел, чтобы я обожгла себе ноги!

– Конечно. И не удивляйся так. Ты нам нужна, и нельзя допустить, чтобы ты погибла по собственной глупости. Я хочу, чтобы ты стала осторожной. Раньше тебе это не требовалось, так что придется учиться сейчас. Обожженные ноги запомнятся куда прочнее, чем мои лекции.

– Как же, нужна! Смешно. Сам знаешь, зачем Несс меня сюда притащил. Я – счастливый талисман, оказавшийся никуда не годным.

– Согласен. Роль счастливого талисмана ты не оправдала. Ну, давай же, улыбнись. Ты нужна нам для того, чтобы я был доволен жизнью и не изнасиловал Несса. Ты нужна нам, чтобы делать всю тяжелую работу, пока мы валяемся на солнышке. Ты нужна нам, чтобы высказывать разумные мысли.

Тила натянуто улыбнулась, но тут же горестно расплакалась и уткнулась лицом в его плечо. Она по-детски всхлипывала, цепляясь ногтями за его скафандр.

Далеко не первый раз на груди у Луиса Ву рыдала женщина, но у Тилы для этого было больше причин, чем у многих других. Луис мягко поглаживал ее по спине, машинально массируя, и ждал, когда все пройдет.

– Откуда я могла знать, что камень обожжет мне ноги? – спросила она, прижимая лоб к его скафандру.

– Вспомни законы Финейгла. Несговорчивость вселенной стремится к максимуму. Вселенная враж...

– Но мне было больно!

– Камень восстал против тебя и атаковал. Послушай, – умоляюще сказал Луис, – тебе стоит научиться паранойе. Научиться думать, как Несс.

– Не могу. Я не знаю, как он думает. Я вообще его не понимаю. – Она подняла залитое слезами лицо. – Я и тебя-то не понимаю.

– Угу.

Он с силой провел большими пальцами по ее лопаткам, затем вдоль ребер.

– Послушай, – наконец продолжил он. – Предположим, я заявил, будто вселенная – мой враг. Ты сочтешь меня сумасшедшим?

Тила энергично и гневно кивнула.

– Вселенная против меня, – сказал Луис Ву. – Вселенная меня ненавидит. Во вселенной нет места двухсотлетнему человеку. Ну а если именно так формируется раса как таковая? Если это и есть эволюция? Эволюция наделила Говорящего ночным зрением и чувством равновесия, а Несса – рефлексом поворачиваться спиной к опасности. Эволюция отключает у человека сексуальное влечение к пятидесяти или шестидесяти годам, а потом он больше ее не интересуется, как и любой организм, который слишком стар, чтобы размножаться. Понимаешь?

– Конечно. Ты слишком стар, чтобы размножаться, – горько передразнила она его.

– Совершенно верно. Несколько столетий назад инженеры-биологи покопались в генах какой-то растительной амброзии и создали биозамедлитель. В результате мне двести лет и я все еще здоров. Но вовсе не потому, что вселенная меня любит. Вселенная меня ненавидит, – сказал Луис Ву. – Она не раз пыталась меня прикончить. Жаль, что не могу показать тебе шрамы. И она пытается до сих пор.

– Потому что ты слишком стар, чтобы размножаться?

– Во имя Финейгла, хватит истерик, женщина! Ты даже позаботиться о себе толком не можешь! Мы на неизведанной территории, мы не знаем местных правил, не знаем, с чем можем столкнуться. Если будешь гулять по горячей лаве, в следующий раз обожжешь не только ноги. Будь начеку. Поняла?

– Нет, – ответила Тила. – Нет.

Позже, после того как она умыла лицо, они понесли в шлюз четвертый скутер. На полчаса инопланетяне оставили их наедине. Предпочли держаться подальше от этих двоих, решающих чисто человеческие проблемы? Может быть, может быть...

Между высокими стенами черной лавы тянулась бесконечная полоса основы кольца, плоская, словно отполированная столешница. На самом видном месте лежала на боку громадная стеклянная катодная трубка. За ее изогнутым краем слегка терялось множество разнообразной техники и четыре странные фигуры.

– Как насчет воды? – спросил Луис. – Я не видел никаких озер. Придется тащить с собой?

– Нет. – Открыв кормовую часть своего скутера, Несс показал наполненный резервуар и устройство для конденсации и охлаждения воды из воздуха.

С точки зрения компактности скутеры выглядели настоящим чудом. Устроены они были одинаково: пара четырехфутовых сфер, соединенных стержнем, на котором держалось седло, созданное с учетом индивидуальных особенностей каждого. Половину заднего отделения занимал багажник и ремни для закрепления дополнительного снаряжения. Четыре плоские опоры, сейчас выдвинутые, в полете убирались в две сферы.

Наклонное седло скутера кукольника было снабжено мягкой лежанкой с тремя вырезами для ног. Несс должен был неподвижно лежать на животе, управляя машиной с помощью ртов.

На скутерах, предназначенных для Луиса и Тилы, имелись мягкие облегающие кресла с подголовниками и ручками управления маневровыми двигателями. Как и у Несса и Говорящего, седла располагались в средней части гантелеобразной конструкции, с опорами для ног. Седло Говорящего было намного больше и шире, без подголовника, с держателями по обеим сторонам – для инструментов. Или для оружия?

– Нужно взять с собой все, что можно использовать как оружие, – сказал Говорящий, беспокойно расхаживая среди разбросанного снаряжения.

– У нас нет оружия, – ответил Несс. – Мы вообще его не брали, поскольку хотели показать свои мирные намерения.

– А это тогда что такое? – Говорящий уже собрал небольшую коллекцию мелких артефактов.

– Это все инструменты, – пояснил Несс. – Например, лазерные фонари с переменной мощностью луча. Ночью они позволяют видеть на большом расстоянии, сужая луч до бесконечности с помощью этого кольца. Но нужно быть осторожнее, чтобы не прожечь дыру в предметах или существах поблизости, – мощность луча может быть очень высока. А это – дуэльные пистолеты для разрешения споров между собой. Они стреляют десятисекундными зарядами. Желательно не трогать этот предохранитель, потому что...

– Потому что тогда пистолет выстрелит часовым зарядом. Это ведь джинксианская модель?

– Да, Луис. А это – модифицированный шанцевый инструмент. Возможно, ты знаешь про тот, что нашли в стагисном контейнере Поработителей...

Луис решил, что Несс имеет в виду дезинтегратор Поработителей, который на самом деле являлся шанцевым инструментом. Там, куда падал его узкий луч, временно подавлялся заряд электронов и твердая материя, внезапно лишившись связующих ее сил, распадалась в одноатомную пыль.

– В качестве оружия никуда не годится, – проворчал кзин. – Мы его изучали – он медленно действует, чтобы использовать против врага.

– Именно. Безвредная игрушка. А вот еще... – Кукольник взял в рот нечто похожее на двустольный дробовик, за исключением приклада, имевшего характерный для кукольников вид ртути, застывшей во время перетекания из одной формы в другую. – Он ничем не отличается от основанного на дезинтеграторе Поработителей шанцевого инструмента, если не считать

того, что один из лучей подавляет положительный заряд протонов. Нужно соблюдать осторожность и не использовать оба луча сразу, они параллельны и действуют раздельно.

– Понимаю, – сказал кзин. – Если оба луча попадут в одну точку, возникнет электрический ток.

– Именно.

– Ты считаешь, что этой кустарщины хватит? Мы понятия не имеем, с чем нам предстоит столкнуться.

– Не совсем так, – заметил Луис Ву. – В конце концов, это не планета. Если бы кольцевикам не нравились какие-нибудь животные, они бы наверняка оставили их там, откуда прибыли. Так что тигров мы вряд ли встретим. Как и москитов.

– А если кольцевикам нравились тигры? – поинтересовалась Тила.

Мысль была вполне разумной, несмотря на шуточный тон. Что им было известно о физиологии кольцевиков? Только то, что они родом с покрытой водой планеты, использующей свет звезды примерно класса G2. С этой точки зрения они могли выглядеть как люди, кукольники, кзины, гроги, дельфины, косатки или кашалоты, но, скорее всего, как никто из вышеперечисленного.

– Кольцевиков стоит опасаться намного больше, чем их живности, – предрек Говорящий. – Нужно взять все оружие, какое у нас есть. Рекомендую предоставить мне полномочия командира экспедиции, пока мы не покинем кольцо.

– У меня есть тасп.

– Да помню я об этом. Возможно, Несс, тебе кажется, что тасп дает абсолютное право вето? Советую, однако, им не злоупотреблять. И вообще советую всем подумать! – Кзин навис над ними всеми пятьюстами фунтами клыков, когтей и оранжевой шерсти. – Предполагается, что мы разумные существа. Оцените, в какой мы ситуации! Нас атаковали. Корабль наполовину разрушен. Нам предстоит преодолеть неизвестное расстояние по неизвестной территории. Когда-то кольцевики обладали чудовищным могуществом. Осталось ли оно прежним, или теперь у них нет ничего сложнее копий из заостренных костей? Но с тем же успехом они могут владеть трансмутацией, лучами полного преобразования и вообще всем, что могло потребоваться для постройки этого... – кзин окинул взглядом стекловидную поверхность и черные лавовые стены, и, как показалось Луису, вздрогнул, – этого невероятного артефакта!

– У меня тасп, – повторил Несс. – Экспедицию возглавляю я.

– И ты доволен ее результатами? Я никого не хочу оскорбить и никому не бросаю вызов, но ты должен дать мне полномочия командира. Из всех четверых только я владею военным искусством.

– Давай пока подождем, – предложила Тила. – Может, нам вообще ни с кем не придется сражаться.

– Согласен, – сказал Луис, которому вовсе не нравилась перспектива оказаться под началом кзина.

– Что ж, ладно. Но мы все равно должны запастись оружием.

Они начали загружать скутеры.

Кроме оружия, хватало и прочего – снаряжения для лагеря, анализаторов и синтезаторов еды, флаконов с пищевыми добавками, легких воздушных фильтров...

– А это зачем? – спросил Луис.

Он показал на громоздкие и не слишком удобные диски-коммуникаторы, которые люди и кзин должны были надеть на запястье, а кукольник на шею. В скутерах имелась встроенная система связи, и ее Несс всем уже продемонстрировал.

– Изначально они предназначались для связи с автопилотом «Лжеца», чтобы мы могли при необходимости вызвать корабль.

– А сейчас они нам для чего?

– В качестве переводчиков. Если мы наткнемся на разумных существ, что не исключено, нам потребуется помощь автопилота, который будет нам переводить.

– Ясно.

Когда они закончили, возле корпуса «Лжеца» все еще оставалась изрядная куча снаряжения, но от него не было никакой пользы: летающие ранцы, скафандры, запасные части для уничтоженной защитной системой Мира-Кольца аппаратуры. Они положили в багажники даже воздушные фильтры, скорее из-за их размеров не больше носового платка, чем из-за того, что те могли реально понадобиться.

Луис вымотался до предела. Взгромоздившись на скутер, он огляделся вокруг, проверяя, не забыл ли чего, и увидел, что Тила неотрывно смотрит в зенит. И хотя он был очень уставшим, все равно сразу понял, что девушка охвачена ужасом.

– Нет в мире справедливости! – выругалась она. – Все еще полдень!

– Без паники. Солнце...

– Луис! Мы работали добрых шесть часов, я точно знаю! Как может быть все еще полдень?

– Не беспокойся. Солнце здесь не заходит, забыла?

– Не заходит?..

Истерика ее прекратилась столь же внезапно, как и началась.

– ...ну да. Конечно же, не заходит.

– Придется привыкнуть. Ну-ка, посмотри еще раз: это не край теневого квадрата заслонил солнце?

Что-то действительно срезало краешек солнечного диска. Солнце уменьшалось у них на глазах.

– Давайте взлетать, – сказал Говорящий. – Когда наступит темнота, мы уже должны быть в воздухе.

Глава 11

Небесная арка

Четыре скутера поднялись в темнеющее небо, выстроившись ромбом. Обнаженная основа кольца ушла вниз.

Несс показал, как пользоваться системой дистанционного управления, и теперь все скутеры полностью повторяли действия Луиса, который регулировал движение с помощью педалей и ручки, сидя в похожем на массажное кресле. Над его приборной панелью парили четыре миниатюрные прозрачные головы: прекрасная сирена с волосами цвета воронова крыла, яростный тигр с чересчур пронизательным взглядом и пара глуповатого вида одноглазых питонов. Интерком работал безупречно, вызывая сравнимые с белой горячкой эффекты.

Пока скутеры поднимались над черными лавовыми склонами, Луис наблюдал за реакцией своих спутников.

Первой среагировала Тила, когда, всмотревшись в даль, увидела бесконечность вместо хорошо знакомой линии горизонта. Глаза ее расширились, и лицо просияло, словно пробившееся сквозь грозовые облака солнце.

– О Луис!

– До чего же огромная гора! – сказал Говорящий.

Несс промолчал, лишь нервно покачивая и поводя головами.

Быстро смеркалось. Внезапная тень за несколько секунд полностью поглотила гигантскую гору. Солнце превратилось в золотистую полоску на фоне черноты космоса, и в темнеющем небе начала обретать очертания...

...чудовищных размеров арка.

Ее контуры становились все четче. По мере того как погружались во тьму суша и небо, на фоне ночи появлялось во всей своей красе истинное величие небес Мира-Кольца.

Мир-Кольцо выгибался дугой из голубых полос с белыми завитками облаков, перемежавшихся более узкими, почти черными. Широченная у основания арка быстро сужалась, уходя вверх и превращаясь в окрестностях зенита в прерывистую бело-голубую линию. В самом зените арку пересекало невидимое при свете дня кольцо теневых квадратов.

Скутеры быстро, но беззвучно поднимались все выше. Силовое поле не пропускало ни малейшего шума, и Луис вздрогнул от неожиданности, когда в его личное пространство ворвался похожий на оркестровую музыку вопль.

Казалось, будто взорвался паровой орган.

Луис зажал уши руками, преодолевая боль. Ошеломленный, он не сразу понял, что произошло, а затем щелкнул переключателем интеркома, и изображение Несса исчезло, словно призрак на рассвете. Вопль, отчего-то вызвавший ассоциации со сжигаемым живьем церковным хором, стал существенно тише, но Луис продолжал его слышать через интеркомы Говорящего и Тилы.

– Что это с ним? – изумленно воскликнула Тила.

– Перепугался до смерти. Ему потребуется время, чтобы привыкнуть.

– К чему привыкнуть?

– Принимаю командование на себя, – раздался громовой рык Говорящего-с-Животными. – Травоядный неспособен принимать решения. Объявляю данную миссию военной и берусь ее возглавить.

На мгновение у Луиса возникла мысль самому занять место руководителя, но кому захотелось бы драться с кзином? В любом случае сейчас кзин куда лучше подходил на роль лидера.

К этому времени скутеры поднялись на высоту в полмили. Небо и земля почти полностью почернели, но на черной земле виднелись еще более черные тени, придавая карте если не цвет, то форму. На усеянном звездами небе всецело господствовала подавляющая размерами арка.

К своему удивлению, Луис вдруг вспомнил «Божественную комедию» Данте. Вселенная Данте представляла собой замысловатую рукотворную структуру, часть которой составляли души людей и ангелов. Та же рукотворность навязчиво ощущалась и в Мире-Кольце, о котором нельзя было забыть ни на мгновение, ибо кольцо нависало над головой, огромное, голубое и клетчатое, простираясь из-за грани бесконечности.

Не удивительно, что Несс не смог вынести его вида, будучи большим трусом – и не меньшим реалистом. Возможно, он понял его красоту, а может, и нет. Но он определенно осознал, что их забросило на искусственное сооружение, превышавшее своими размерами все планеты бывшей империи кукольников.

– Кажется, я вижу стены вдоль края кольца, – сказал Говорящий.

С трудом оторвав взгляд от небесной арки, Луис посмотрел направо и налево, и душа его ушла в пятки.

Слева (они двигались назад вдоль следа посадки «Лжеца», так что лево было именно там), край стены представлял собой едва различимую черно-голубую линию на черно-голубом фоне. Луис мог лишь догадываться о ее высоте – на подножие не было и намека. Виден был верхний край, а когда Луис вглядывался в стену, она исчезала. Линия проходила примерно там, где мог быть горизонт, так что с тем же успехом она могла являться как основанием, так и верхом чего-либо.

Другая стена, справа, по сути, выглядела точно так же. Та же высота, тот же вид, та же склонность исчезать под пристальным взглядом...

Судя по всему, «Лжец» рухнул вблизи средней линии кольца. Расстояние до стен казалось одинаковым... что составляло почти полмиллиона миль.

Луис откашлялся:

– Что скажешь, Говорящий?

– По-моему, левая стена чуть выше.

– Ладно.

Луис свернул влево. За ним последовали остальные скутеры, повинаясь дистанционному управлению.

Включив интерком, Луис взглянул на Несса. Кукольник обхватил седло всеми тремя ногами, засунув головы между ним и телом. Он летел вслепую.

– Уверен, Говорящий? – спросила Тила.

– Конечно, – ответил кзин. – Левая стена заметно больше.

Луис улыбнулся. Он никогда не проходил военную подготовку, но о войне кое-что знал. Во время революции на Вундерланде он застрял на планете и три месяца сражался в рядах партизан, прежде чем сумел добраться до корабля.

Он помнил, что одно из качеств хорошего офицера – способность быстро принимать решения. И лучше, если они окажутся правильными...

Они летели над черной сушей к левому краю. Голубая арка кольца сияла намного ярче луны, но в отраженном свете не разглядишь ландшафт внизу. Борозда, которую оставил «Лжец», тянулась позади них серебристой нитью и сливалась с темнотой.

Скутеры бесшумно набирали ход. На скорости чуть меньше звуковой сквозь силовое поле пробилось едва заметное шипение. Оно становилось все громче, но внезапно оборвалось в момент преодоления звукового барьера. Силовое поле обрело новую форму, и опять наступила тишина.

Вскоре скутеры вышли на крейсерскую скорость, и Луис расслабился в кресле. Возможно, ему предстояло провести в этом кресле больше месяца, так почему бы не начать привыкать?

Немного отдохнув, он начал исследовать возможности машины. По-настоящему пилотировал только он один, поэтому не мог позволить себе заснуть. Скутер был снабжен всеми необходимыми удобствами, достаточно простыми в использовании, если ненадолго забыть о человеческом достоинстве.

Луис попробовал надавить ладонью на силовое поле, которое предназначалось для сглаживания воздушных потоков в окружавшем скутер пространстве. Оно вовсе не напоминало стеклянную стену – скорее упругий ветер, дувший со всех сторон прямо на Луиса. Он оказался в защитном пузыре из воздушных потоков.

Похоже, силовое поле надежно защищало от идиотов. В качестве проверки Луис вытащил салфетку и уронил ее. Салфетка порхнула под скутер и зависла в воздухе, судорожно вибрируя. Луис готов был поверить, что, если он вывалится из кресла, что само по себе было не просто, его подхватит силовое поле и он сможет залезть обратно.

Вполне логично – это же кукольники...

Гибкая трубка выдала ему порцию дистиллированной воды. Из щели для еды выпал красновато-коричневый брикет. Луис шесть раз нажимал на кнопку, откусывал кусочек и выбрасывал брикет в воронку для отходов. У каждого был свой вкус, и притом весьма недурной. По крайней мере, еда ему наскучит не скоро.

Но если не удастся найти растения и воду, чтобы загрузить их в пищевой автомат, брикеты рано или поздно перестанут выпадать из щели.

Затребовав седьмой брикет, Луис его съел.

Ему становилось не по себе при мысли, насколько они далеко от любой помощи. От Земли их отделяли двести световых лет. Находившийся в двух световых годах флот кукольников удалялся с запредельной скоростью, и даже наполовину испарившийся «Лжец» с начала полета стал невидим. А теперь скрылась из поля зрения и оставленная им борозда. Сумеют ли они снова найти корабль?

«Невмирс! – подумал Луис. – Его почти невозможно потерять!»

Против вращения находилась самая большая из всех когда-либо виденных людьми гор. Вряд ли Мир-Кольцо изобиловал подобными супервулканами. Чтобы отыскать «Лжеца», нужно нацелиться на гору, а затем двигаться по вращению, высматривая прямую борозду длиной в несколько тысяч миль.

...Но над головой пылала арка Мира-Кольца, в три миллиона раз превышавшая по площади поверхность земной суши. Здесь хватало места, чтобы основательно заблудиться.

Несс зашевелился, и из-под его туловища появилась одна голова, затем вторая.

– Луис, мы можем поговорить наедине? – спросил кукольник, коснувшись языком переключателя.

Прозрачные изображения Говорящего и Тилы дремали, и Луис отключил с ними связь.

– Да, я готов.

– Что случилось? – спросил Несс.

– Ты не слышал?

– Мои уши – в моих головах. До меня не доходило ни звука.

– Как ты себя чувствуешь?

– Не исключено, что опять впаду в оцепенение. Слишком уж мне не по себе.

– Мне тоже. За последние три часа мы преодолели две тысячи двести миль. С телепортационными кабинами было бы куда лучше. Или даже с шагодисками.

– Наши инженеры не сумели перенести сюда шагодиски.

Головы Несса уставились друг на друга глаз в глаз – лишь на мгновение, но Луис уже замечал ранее подобный жест и предположил, что у кукольников он означает смех. Могло ли у сумасшедшего кукольника появиться чувство юмора?

– Мы движемся к левому краю, – продолжил Луис. – Говорящий решил, что до левой стены ближе. Думаю, если бы мы подбросили монетку, и то было бы точнее. Но Говорящий теперь тут главный. Когда ты впал в оцепенение, он взял управление на себя.

– Прискорбно. До скутера Говорящего мой тасп не достает. Придется...

– погоди. Почему бы так и не оставить? Пусть командует.

– Но, но, но...

– Подумай, – настаивал Луис. – Ты всегда можешь наложить вето на любое его решение с помощью таспа. Если не предоставить ему власть, он все равно возьмет ее сам, стоит тебе расслабиться. Нам нужен бесспорный лидер.

– Пожалуй, вреда не будет, – мелодично пропел кукольник. – Под моим командованием шансы, по сути, нисколько не лучше.

– Вот и молодец. Вызови Говорящего и скажи ему, что он теперь Замыкающий.

Луис подключился к интеркому Говорящего, чтобы слышать разговор. Если он и ожидал взрыва, то был разочарован – кзин и кукольник обменялись несколькими шипящими и рычащими фразами на Языке героев, а затем кзин отключил связь.

– Приношу свои извинения, – сказал Несс. – Моя глупость имела для нас катастрофические последствия.

– Не беспокойся, – утешил его Луис. – Ты пребываешь в депрессивной стадии своего цикла.

– Я разумное существо и способен посмотреть правде в глаза. Я совершил страшную ошибку насчет Тилы Браун.

– Что ж, ты прав, но это не твоя вина.

– Ох, Луис Ву, в том-то и дело, что моя. Мне следовало понять, почему не удастся разыскать никаких кандидатов, кроме Тилы Браун.

– То есть?

– Они оказались гораздо везучее.

Луис немелодично присвистнул сквозь зубы. Кукольник, похоже, придумал некую совершенно новую теорию.

– И если конкретно, – продолжал Несс, – то даже чересчур везучими, чтобы ввязаться в столь опасное предприятие, как наше. Лотерея рождений действительно создала сверхъестественное, передающееся по наследству везение. Но мне оно недоступно. Когда я пытался связаться с потомками выигравших в лотерею, я нашел только Тилу Браун.

– Послушай...

– Я не сумел пригласить никого другого, поскольку все они были очень везучими. Связаться с Тилой Браун, чтобы втянуть ее в эту злополучную экспедицию, я смог потому, что она не унаследовала соответствующий ген. Луис, я должен перед тобой извиниться.

– Иди-ка ты лучше спать.

– Я должен извиниться и перед Тилой.

– Нет. Это я виноват. Я мог бы ее остановить.

– В самом деле?

– Не знаю. Честно не знаю. Иди спать.

– Не могу.

– Тогда веди нас, а я посплю.

Так и решили. Но, прежде чем провалиться в сон, Луис успел удивиться, насколько плавно летит скутер. Кукольник оказался отличным пилотом.

Проснулся Луис на рассвете.

Он не привык спать при полной силе тяжести и ни разу в жизни не провел ночь сидя. Зевнув, он с трудом потянулся, ощущая напряжение мышц. Со стоном потер слипающиеся глаза и огляделся.

Вокруг были забавные тени и лился не менее странный свет. Посмотрев вверх, Луис увидел ослепительно-белую полосу полуденного солнца.

«Ну и дурак же я», – подумал он, дожидаясь, когда перестанут течь слезы. Рефлексы оказались быстрее разума.

Слева от него тянулась тьма, сгущаясь вдали. Несуществующий горизонт заменяла порожденная ночью и хаосом чернота под густо-синим небом, на фоне которого слабо светились очертания арки Мира-Кольца.

Справа, по вращению, сиял ясный день.

Рассвет на Мире-Кольце выглядел совершенно иначе.

Пустыня постепенно заканчивалась. Ее резкая, отчетливая граница уходила по кривой направо и налево. Бело-желтые бесплодные пески остались позади, но громада горы все так же закрывала значительный участок неба. Впереди блеснули реки и озера, а между ними темнели коричневато-зеленые полосы суши.

Скутеры, летя ромбовидным строем, казались одинаковыми серебристыми жучками. Возглавлявший их Луис вспомнил, что Говорящий занимает позицию по вращению, Несс – против вращения, а Тила замыкает строй.

В сторону по вращению от горы в воздухе висела длинная пыльная полоса, словно след от пересекающего пустыню джипа, только намного больше. Наверняка больше, хотя с такого расстояния она выглядела узкой ниточкой...

– Проснулся, Луис?

– Доброе утро, Несс. Ты что, все это время вел нас?

– Несколько часов назад я передал управление Говорящему. Стоит отметить, что мы уже преодолели семь с лишним тысяч миль.

– Вот как.

Но это была всего лишь статистика, крошечная доля того пути, который им предстояло проделать. Луис, привыкший за свою долгую жизнь пользоваться сетью телепортационных кабин, полностью утратил чувство дистанции.

– Посмотри назад, – сказал он. – Видишь тот пыльный след? Что, по-твоему, это может быть?

– Ну, полагаю, это каменная порода, которая испарилась после нашей посадки и вновь конденсировалась в атмосфере. Объем ее очень велик, поэтому она еще не успела осесть.

– А я подумал про пылевые бури... Невмирс, сколько же мы пропахали! – воскликнул Луис.

Учитывая расстояние до корабля, пылевой след тянулся по крайней мере на пару тысяч миль.

Небо и земля походили на две бескрайние, сдвинутые вместе плоскости, между которыми ползали микробы-люди...

– Давление воздуха повысилось, – сказал Несс.

– Что ты говоришь? – переспросил Луис, отводя взгляд от исчезающей в бесконечности точки.

– Посмотри на датчик давления. По-моему, мы приземлились на пару миль выше, чем находимся сейчас.

Луис взял себе пищевой брикет на завтрак.

– Это так важно?

– В незнакомой обстановке необходимо учитывать все факторы. Никогда не знаешь, какой окажется критическим. Например, гора, которую мы выбрали в качестве ориентира, и сейчас она позади нас, очевидно, даже больше, чем мы думали. И что это за серебристая точка светится впереди?

– Где?

– Почти у гипотетической линии горизонта, прямо перед нами.

Отыскать загадочную точку оказалось не легче, чем единственную подробность на карте, если смотришь с краю. Но Луис все же нашел яркое, блестящее, как зеркало, пятнышко.

– Отраженный солнечный свет, – сказал он. – Что это может быть? Стекланный город?

– Маловероятно.

– Ты деликатен, – рассмеялся Луис. – Но это действительно нечто величиной со стекланный город. Или целый акр, выложенный зеркалами. А может, большой телескоп-рефлектор.

– В таком случае он, скорее всего, заброшен.

– Почему?

– Мы знаем, что здешняя цивилизация вернулась в дикое состояние. Иначе как бы они позволили столь обширным территориям превратиться в пустыню?

Один раз Луис поверил в подобный довод, но теперь...

– Возможно, ты чересчур упрощаешь. Мир-Кольцо намного больше, чем нам казалось. Думаю, здесь хватит места и для дикости, и для цивилизации, и для любых промежуточных вариантов.

– Но, Луис, цивилизация имеет тенденцию распространяться.

– Вот-вот.

В любом случае рано или поздно им предстояло выяснить, что это за яркая точка, ведь она лежала прямо на их пути.

Краника с кофе под рукой не оказалось.

Луис доедал последний кусочек брикета, когда заметил на приборной панели два зеленых огонька. Он озадаченно уставился на них, не сразу вспомнив, что накануне отключил связь с Тилой и Говорящим, и включил ее снова.

– Доброе утро, Луис, – сказал Говорящий. – Видел рассвет? Весьма впечатляюще с художественной точки зрения.

– Видел. Доброе утро, Тила.

Никакого ответа.

Присмотревшись внимательнее, Луис обнаружил, что она пребывает в состоянии, близком к нирване.

– Несс, ты что, обработал мою женщину таспом?

– Нет, Луис. Зачем это мне?

– И давно с ней такое?

– В смысле? – спросил Говорящий. – Ты насчет того, что она не общительна?

– Я про ее лицо, невмирс!

Изображение Тилы на приборной панели смотрело куда-то в бесконечность, прямо сквозь Луиса. Весь ее вид выражал бескрайнее блаженство.

– Похоже, она расслаблена, – сказал кзин, – и не испытывает никаких неудобств. Что касается более тонких нюансов выражения человеческого лица...

– Не важно. Посади нас, хорошо? Она впала в транс Плато.

– Не понимаю.

– Просто посади нас.

Они опустились с высоты в милю. На несколько секунд Луис ощутил тошнотворное чувство невесомости, прежде чем Говорящий снова включил двигатели. Луис взглянул на изоб-

ражение Тилы, но не заметил ни малейшей реакции с ее стороны. Лицо ее выглядело безмятежным и невозмутимым, уголки губ слегка приподнялись.

Луис злился на самого себя. Он знал кое-что о гипнозе – двести лет просмотра передач по стерео вряд ли могли пройти даром. Если бы только он мог вспомнить...

Зеленые и коричневые пятна превратились в поле, лес и серебристую ленту реки. Внизу простиралась буйная дикая местность, примерно такая, какую плоскоземельцы ожидают увидеть на планете-колонии, – что зачастую оказывается тем хуже для них.

– Постарайся сесть где-нибудь в долине, – сказал Луис Говорящему. – Желательно, чтобы Тила не видела горизонта.

– Что ж, ладно. Предлагаю вам с Нессом отключить автопилот и следовать за мной на ручном управлении. Тилу я посажу сам.

Летевшие ромбом скутеры перестроились. Говорящий направился левее по вращению, к реке, которую до этого заметил Луис. Остальные последовали за ним.

Продолжая опускаться, они пересекли реку. Говорящий свернул по вращению, вдоль ее русла. Он почти полз в воздухе над самыми верхушками деревьев, пытаясь найти не занятый ими участок берега.

– А растения-то похожи на земные, – сказал Луис.

Инопланетяне что-то пробурчали в знак согласия.

Все обогнули изгиб реки.

Посреди широкого участка речного русла стояли туземцы. С рыболовной сетью. Увидев летящие скутеры, они выронили сеть и, разинув рты, уставились в небо.

Луис, Говорящий и Несс как один устремились ввысь. Туземцы превратились в точки, река – в серебристую змейку. Буйный дикий лес слился в буро-зеленые пятна.

– Включите автопилот, – не терпящим возражений голосом приказал Говорящий. – Я посажу нас где-нибудь в другом месте.

Должно быть, он учился командному тону специально для того, чтобы разговаривать с людьми. Луис подумал, что обязанности посла и впрямь весьма разнообразны.

Тила, судя по всему, вообще ничего не замечала.

– Ну, что думаете? – спросил Луис.

– Это были люди, – сказал Несс.

– В самом деле? Я решил, у меня галлюцинации. Откуда здесь могли взяться люди?

Но никто даже не попытался ответить.

Глава 12

Кулак Бога

Они приземлились в небольшой долине посреди дикой местности. Окружавшие ее низкие холмы скрывали фальшивый горизонт, и дневной свет заглушал сияние арки, так что ландшафт практически ничем не отличался от любой человеческой планеты. Трава, правда, была не совсем травой, но имела зеленый цвет и стелилась ковром в обычных для нее местах. Вокруг из каменистой почвы торчали узловатые кусты с изумрудной листвой.

Растительность, как уже отметил Луис, странным образом напоминала земную. Кусты были именно там, где и можно было ожидать увидеть кусты, а голая земля – именно там, где и положено быть голой земле. Судя по показаниям приборов в скутерах, растения соответствовали земным даже на молекулярном уровне. Деревья этого мира могли считать Луиса и Говорящего своими братьями в той же степени, в какой оба они имели общего дальнего вирусоподобного предка.

Один из образцов местной флоры мог бы стать отличной живой изгородью. Что-то типа дерева росло под углом в сорок пять градусов вверх, затем, сформировав крону, шло под тем же углом вниз, выпускало корни и снова тянулось вверх по диагонали... Луис видел нечто подобное на Гуммиджи, но этот ряд треугольников отливал зеленью листвы и коричневой корой – цветами земной жизни. Луис назвал его локтекорнем.

Несс бродил по лесной поляне, собирая растения и насекомых, чтобы затем исследовать их в компактной лаборатории своего скутера. На нем был скафандр – прозрачный баллон с тремя сапогами и двумя перчатками-нагубниками. Ничто на Мире-Кольце не могло атаковать его, не преодолев этот барьер, – ни хищник, ни букашка, ни пыльца, ни грибковые споры, ни даже вирусные молекулы.

Тила Браун сидела верхом на скутере, положив изящные руки на панель управления. Уголки ее губ слегка изгибались вверх. Вид у нее был расслабленный и вместе с тем сосредоточенный, словно она позировала художнику. Зеленые глаза смотрели сквозь Луиса Ву, сквозь барьер из низких холмов – в бесконечность абстрактного горизонта Мира-Кольца.

– Не понимаю, – сказал Говорящий. – Что с ней, собственно, такое? Она не спит, но почему-то ни на что не реагирует.

– Гипноз автострады, – ответил Луис Ву. – Она сама из него выйдет.

– Значит, ей ничто не угрожает?

– Сейчас – нет. Я боялся, что она может свалиться со скутера или наделать каких-нибудь глупостей с приборами. Но на земле она в безопасности.

– А почему она не проявляет к нам никакого интереса?

Луис попытался объяснить.

* * *

В астероидном поясе Солнечной системы многие люди проводят половину жизни, летая среди каменных глыб в одноместных кораблях. Свое положение они определяют по звездам. Работающий в Поясе рудокоп часами смотрит на яркие быстрые вспышки плазменных двигателей, на медленно дрейфующие яркие пятна соседних астероидов и на неподвижные точки звезд и галактик.

Среди белых звезд человек может потерять душу. Намного позже он осознает, что вместо него действовало тело, управляя кораблем, пока разум путешествовал в мирах, которые он не

в силах вспомнить. Это состояние называется «взгляд в неведомое», и оно опасно. Душа не всегда возвращается назад.

Стоя на краю большого плато на Горе Погляди-ка, человек может созерцать бесконечность. Высота горы составляет всего сорок миль, но человеческий глаз, следуя за ее иззубренным склоном, постигает необъятность в сплошном тумане, скрывающем подножие. Белый туман лишен каких-либо черт, безлик и однообразен. Он тянется, не меняясь, от изрытого склона горы до горизонта планеты. Если пустота полностью овладеет разумом человека, он будет стоять, застыв от жуткого восторга, на краю вечности, пока кто-нибудь не уведет его оттуда. Это и есть транс Плато.

А теперь еще горизонт Мира-Кольца...

– Все это лишь самогипноз, – сказал Луис, посмотрев в глаза девушки, которая беспокойно пошевелилась. – Я мог бы привести ее в чувства, но к чему рисковать? Пусть спит.

– Не понимаю, что такое гипноз, – буркнул Говорящий-с-Животными. – Я знаю о нем, но не понимаю.

– Неудивительно, – кивнул Луис. – Кзины не особо поддаются гипнозу. Как, кстати, и кукольники.

Несс закончил собирать образцы инопланетной жизни и неслышно присоединился к команде.

– Мы можем изучать то, чего не в силах понять, – сказал кукольник. – Мы знаем, что в человеке есть нечто, не позволяющее ему принимать решения. Некая его часть хочет, чтобы кто-то другой указывал ему, что делать. Лучше всего подвержен гипнозу тот, кто доверчив и способен сосредоточиться. И гипноз для него начинается с того, что он поддается гипнотизеру.

– Но что такое гипноз?

– Внушенное состояние полного подчинения.

– И почему человек впадает в это состояние?

Несс не нашелся что ответить.

– Потому что он доверяет гипнотизеру, – объяснил Луис.

Говорящий покачал большой головой и отвернулся.

– Подобное доверие другому не может быть нормальным, – заявил Несс. – Должен признаться, гипноз мне не понять. А тебе, Луис?

– Не вполне.

– Это радует, – сказал кукольник, на мгновение посмотрев самому себе в глаза подобно паре разглядывающих друг друга питонов. – Я не смог бы полагаться на того, кто способен понять нечто, не имеющее смысла.

– Что ты выяснил насчет растений Мира-Кольца?

– Они очень похожи на земные, как я тебе уже говорил. Однако некоторые разновидности более специализированы, чем можно было бы ожидать.

– В смысле – более развиты?

– Не исключено. Опять-таки не исключено, что у них больше пространства для роста, даже в ограниченной среде обитания здесь, на Мира-Кольце. Важнее то, что растения и насекомые не на шутку могут угрожать нам.

– И наоборот тоже?

– О да. Какие-то из них съедобны для меня, а какие-то переварит и твой желудок. Придется по отдельности проверять их на яды, а потом уже пробовать на вкус. Но любое найденное нами растение можно безопасно использовать для кухонного автомата на твоём скутере.

– Значит, голодная смерть нам не грозит.

– Единственное преимущество, которое вряд ли компенсирует опасность. Если бы только наши инженеры додумались поместить на борт «Лжеца» приманку для звездных сеятелей! Тогда все это путешествие никому бы не понадобилось.

– Приманку для звездных сеятелей?

– Простейшее устройство, изобретенное тысячи лет назад. Оно заставляет местное солнце излучать электромагнитные сигналы, которые привлекают звездных сеятелей. Будь у нас такое устройство, мы могли бы приманить к этой звезде сеятеля, а затем сообщить о нашей проблеме любому кораблю Посторонних, который последовал бы за ним вглубь Галактики.

– Но сеятели движутся намного медленнее скорости света. Могли бы потребоваться годы!

– Подумай, Луис, – возвал кукольник. – Как бы долго нам ни пришлось ждать, мы могли бы оставаться в безопасном корабле!

– И для тебя это полноценная жизнь? – усмехнулся Луис и подмигнул Говорящему-с-Животными.

Тот растянулся на земле неподалеку и, встретившись с ним глазами, улыбнулся, словно Чеширский кот из «Алисы в Стране чудес». Затянувшийся миг они смотрели друг на друга, затем кзин с притворным безразличием поднялся и одним прыжком исчез в инопланетных кустах.

Луис отвел взгляд, интуитивно понимая, что случилось нечто важное. Но что? И почему? Он недоуменно пожал плечами.

Сидя верхом в седле скутера, Тила держалась за ручку управления, будто продолжая лететь. Луис вспомнил, как его несколько раз гипнотизировал врач, и во многом это напоминало представление. Погруженный, словно в мягкие подушки, в розовое ощущение полного отсутствия какой-либо ответственности за свои действия, он осознавал, что все это лишь игра на двоих с гипнотизером. Он мог в любой момент освободиться – но отчего-то никогда так не поступал.

Взгляд Тилы внезапно прояснился. Она тряхнула головой и осмотрелась вокруг.

– Луис! Как мы сели?

– Как обычно.

– Помоги мне.

Она протянула к нему руки, словно ребенок. Подхватив Тилу за талию, Луис снял ее со скутера, ощутив от прикосновения ее тела дрожь в спине и тепло в паху и солнечном сплетении. Ладони он, однако, убирать не стал.

– Последнее, что я помню: мы летели на высоте в милю, – сказала Тила.

– С этого момента старайся не смотреть на горизонт.

– Я что, заснула за рулем? – Она рассмеялась и встряхнула волосами, которые разлетелись во все стороны мягким черным облаком. – И вы все перепугались до смерти? Извини, Луис. Где Говорящий?

– Погнался за кроликом, – ответил он. – Кстати, почему бы нам самим не размяться, раз уж появилась возможность?

– Давай прогуляемся по лесу?

– Неплохая мысль.

Взглянув ей в глаза, он понял, что оба думают об одном и том же.

Открыв багажник скутера, он достал одеяло:

– Я готов.

– Вы меня поражаете, – сказал Несс. – Ни одна из известных мне разумных рас не спаривается столь часто, как ваша. Ладно, идите. Только поосторожнее – не забывайте, что вокруг полно незнакомых форм жизни.

– Ты знала, что когда-то «голый» означало то же самое, что и «беззащитный»? – спросил Луис, которому казалось, будто вместе с одеждой он лишился безопасности.

Мир-Кольцо обладал функционирующей биосферой, наверняка кишевшей насекомыми, бактериями и зубастыми тварями, приспособленными к пожиранию протоплазменного мяса.

– Нет, – ответила Тила.

Она уже разделась и стояла на одеяле, вытянув руки к полуденному солнцу.

– До чего здорово! – воскликнула она. – Знаешь, а ведь я никогда не видела тебя голым при свете дня...

– Аналогично. Должен добавить, что выглядишь ты великолепно. Сейчас кое-что тебе покажу... – Он поднес руку к своей безволосой груди. – Невмирс!..

– Ничего не вижу.

– Все исчезло. В том-то и проблема с биозамедлителем. Не остается никаких воспоминаний. Пропадают все шрамы спустя какое-то время... – Он провел пальцем по коже, не ощутив ни каких рубцов. – На Гуммиджи местный хищник-тягун содрал с меня полосу мяса от плеча до пупка шириной в четыре дюйма и полдюйма толщиной. Атаковав еще раз, он разодрал бы меня надвое, но сначала решил проглотить тот кусок, которым уже завладел. Вероятно, я оказался для него смертельно ядовит, поскольку он тут же завизжал, свернулся в клубок и издох. А теперь даже легкой отметины не осталось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.